СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Свидетельства воинов о помощи Божьей на войне

Книга серии
«Они защищали Отечество»

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Санкт-Петербург
Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ»
2013

УДК 372.893
ББК 94

Автор С.Г. Галицкий
Художник М.А. Луговой
Редактор М.Г. Крашенникова

Книга «Из смерти в жизнь...». Часть 2
Допущена к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС 13-301-0056

Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ» представляет вторую часть книги «Из смерти в жизнь...» серии «Они защищали Отечество». Она открывает читателю неизвестные ранее примеры верности Христу Спасителю российских воинов – наших современников. Правдивые рассказы непосредственных участников боевых действий в Афганистане и на Кавказе ярко свидетельствуют, что вековые традиции христолюбивого русского воинства живы и поныне.

В книге о своём личном опыте чудесного спасения с Божьей помощью из абсолютно безнадёжных с точки зрения канонов военной науки ситуаций рассказывают заслуженные солдаты и офицеры Вооружённых сил Советского Союза и России: Герой России, Председатель Союза Героев РФ полковник ВДВ А.И Пегишев, кавалер орденов Боевого Красного Знамени и Красной Звезды полковник Т.П. Дегтярёв, кавалер ордена Боевого Красного Знамени старшина ВДВ В.М. Чередниченко, полковник Н.Г. Лашков, рядовой ВДВ В.Н. Емолкин и другие.

Особое духовное значение имеет приведённое в книге свидетельство старшины Виктора Чередниченко о явлении ему в Афганистане перед боем Пресвятой Богородицы. Это удивительное событие произошло в Кабуле в ночь с 10 на 11 мая 1986 года.

Фотография на первой странице обложки из фондов Музея ВДВ

ISBN 978-5-904376-04-8

Отпечатано в типографии «Искусство России»,
Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп.2.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4171.

Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ»
Телефон: (812) 340-00-16 (многоканальный)
Факс: (812) 340-55-73
Электронная почта: info@zaotechestvo.ru
Интернет: они-защищали-отечество.рф
Блог: www.blog.zaotechestvo.ru

Издательство «ГРАД ДУХОВНЫЙ» выражает сердечную благодарность адвокатской фирме «Юстина» за помощь изданию этой книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА

Первая часть книги «Из смерти в жизнь...» вышла в 2011 году. Она стала естественным продолжением серии изданий «Они защищали Отечество». В основу первой части легли свидетельства о помощи Божьей на войне, ранее уже опубликованные в фотоальбомах этой серии. Мне оставалось эти свидетельства немного дополнить и оформить в виде книги. Когда книга только вышла, многие стали спрашивать: будет ли продолжение? И я самонадеянно обещал это продолжение написать... Самонадеянно потому, что на тот момент никакого задела для новой книги не было.

Но отступать было некуда... И я стал специально (!!!) искать достоверные свидетельства о помощи Божьей на войне. В бесплодных поисках провёл почти полгода. С кем я только ни говорил, кого только ни спрашивал. Ничего... И вдруг зимой 2012 года произошла необъяснимая перемена. Раздался телефонный звонок: незнакомая женщина, которая прочитала первую часть книги, сообщила о фронтовике Тимофее Павловиче Дегтярёве. (Они оба прихожане храма в честь Рождества Иоанна Предтечи на Каменном

острове.) Тимофей Павлович рассказывал ей, что каждый день, пока он был фронте, его отец молился за него Богу с тысячей земных поклонов.

А дальше как будто рухнула невидимая преграда! На выставке ко мне подошла женщина, которая в Петербурге вообще была только проездом. Но после разговора с ней родился пронзительный рассказ о российском солдате, который под ураганным обстрелом «градами» почти умер и предстал перед Судом Божьим... На той же выставке я коротко переговорил со спортивного вида офицером. В результате получилось свидетельство полковника Николая Лашкова о помощи его небесного покровителя, Святителя Николая Чудотворца, при обстреле вертолёта в Чечне. А этим летом произошло вообще удивительное событие! Всем нам — и тем, кто работал над книгой, и тем, кто помогал её изданию, — выпала великая честь свидетельствовать о неизвестном ранее случае явления Пресвятой Богородицы нашему солдату в Афганистане. (Подробно об этом вы узнаете из рассказа старшины Виктора Чередниченко «Явление Пресвятой Богородицы».)

Готовить книгу к изданию мне пришлось долгих полтора года. Я внутренне очень изменился за это время и осознал простую истину. Она прямо вытекает из военной судьбы каждого из героев книги: помни о Боге и храни Ему верность. И тогда Бог не оставит тебя никогда. И я очень надеюсь, что собранные в этой книге свидетельства солдат и офицеров о помощи Божьей на войне поддержат каждого из вас в трудные минуты вашей жизни.

Сергей Галицкий

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

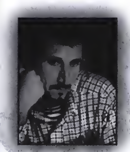
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Виктор Емолкин родился и вырос в глухой мордовской деревне. До армии с трудом закончил школу, работал трактористом в колхозе, токарем на заводе. Казалось, что он пойдёт по стопам многих своих одноклассников, в большинстве своём спившихся в молодом возрасте.

Но срочная служба в ВДВ и война в Афганистане полностью изменили его жизнь. Полтора долгих года он воевал снайпером в знаменитом гвардейском 350-м парашютно-десантном полку 103-й дивизии ВДВ. Участвовал в десятках боевых выходов, был в окружении. Однажды душманы попытались взять его в плен. Но он не сдался, а был готов взорвать себя вместе с ними гранатой. И выжил...

После армии деревенский паренёк закончил очное отделение юридического факультета Ленинградского университета и стал успешным петербургским юристом, партнёром крупной юридической фирмы.

Виктор Емолкин всю свою жизнь хранил в сердце веру православную. Он ни разу не уклонился от того трудного пути, который ему уготовал Господь Бог. И Бог его на этом пути всегда хранил...

Рядовой Виктор Николаевич Емолкин родился в 1966 году в Мордовии в селе Косогоры. Закончил школу в 1983 году. Работал трактористом в колхозе, затем в Саранске – токарем на заводе. Был призван в воздушно-десантные войска в 1985 году. После полугода учёбы направлен в Афганистан, в 350-й полк 103-й Витебской дивизии ВДВ. В Афганистане воевал снайпером. Участвовал в шестидесяти восьми боевых выходах, из которых сорок восемь – с высадкой из вертолёта.

После окончания срочной службы в 1987 году поступил на подготовительное отделение Ленинградского государственного университета, а затем – на очное отделение юридического факультета университета. После окончания работал в различных коммерческих структурах. Стал успешным юристом, партнёром известной петербургской юридической фирмы.

Награждён медалью «За отвагу».

Рассказывает рядовой ВДВ Виктор Николаевич Емолкин:

Афганистан для меня — это самые лучшие годы моей жизни. Афган меня в корне изменил, я стал совершенно другим человеком. Там я мог сто раз погибнуть: и когда в окружение попадали, и когда в плену я был. Но с Божьей помощью я всё равно остался живым.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Служба в ВДВ у меня, как и у многих, началась с того, что в седьмом классе я посмотрел фильм «В зоне особого внимания». И после него я так зарядился любовью к Воздушно-десантным войскам! Вырезáл из газет и журналов всё, что там печатали про десантников, носил кирзовые сапоги (портянки завязывать меня бабушка научила), каждый день подтягивался на турнике. Физически я почти полностью подготовился к службе, и, кроме того, в деревне постоянно или пешком ходишь, или на велосипеде ездишь. Пройти двадцать пять километров от деревни до ДОСААФа, где я учился на водителя, для меня никакого труда не составляло.

Ребята надо мной смеялись — ведь служить в ВДВ все хотят, но попасть именно туда служить было нереально. Когда я призывался, изо всей Мордовии взяли всего восемь человек. Я и сам это пони-

мал, но уж очень сильно загорелся. Уже потом я осознал, что меня вёл Господь, прочитав в моём сердце такое огромное желание.

Школу я закончил в 1983 году. Сначала работал трактористом в колхозе, потом учился в техникуме на токаря. А из колхоза в техникум ушёл потому, что меня привлекли за кражу. В колхозной столовой украли ножи и алюминиевые вилки. Кому они были нужны?!. Ведь в деревне вилками не едят, только в столовой они лежат. Да и там ими никто не пользуется! Но кто-то украл.

Мне объявили: «Ты заходил, значит, ты украл. Признавайся!» И забрали в милицию. Говорят — либо заплатишь двадцать пять рублей штрафа, либо получишь пятнадцать суток. Я: «Оформляйте пятнадцать суток». Как я буду признаваться, если я не воровал? Спас меня следователь, который приехал из министерства с какой-то проверкой. Сидел, слушал меня, слушал... А ему я всё объясняю, что в деревне или деревянными ложками пользуются, или алюминиевыми, никому эти вилки не нужны. Он мне: выйди в коридор. И слышу, как он орёт на местного милиционера: «Ты что пацана на пятнадцать суток сажаешь! Головой-то думай — кому они нужны, эти вилки! Ты сам-то чем ешь?». Тот: «Ложкой». Следователь мне говорит: «Езжай домой».

Я был настолько этой историей потрясён, что написал заявление об увольнении из колхоза и уехал в Саранск к сестре. Хожу там по улицам, не знаю чем заняться до армии. В конце концов решил учиться на токаря. Там дали отсрочку от армии, поэтому первый раз в армию меня забрали только осенью 1984 года.

В областном сборном пункте выяснилось, что меня отправляют служить на три года в морфлот. А я так не хотел в морфлот, был просто убит таким поворотом дела! Тут мне сказали, что есть капитан какой-то, с которым можно договориться. Подхожу к нему: «Я в десантных войсках служить хочу!». Он: «Да была уже отправка в десантные войска. Теперь только до весны». Я: «Да не хочу в морфлот!». Он: «Литр водки принесёшь — организую».

За воротами стояла сестра, она пошла в магазин и купила две бутылки водки. Я их заныкал в брюки, притащил и отдал капитану. Он отдаёт мне военный билет и говорит: «Вылезай через окно туалета, там тропинка — по ней выйдешь к вокзалу». Я пришёл в свой военкомат и говорю: «Не взяли, вот военный билет — отдали обратно».

В деревне в то время провожали в армию очень пышно: с концертом, с гармошкой. Из дома в дом ходили, провожая парня. Именно так провожали и меня.

А тут возвращаюсь, меня не берут почему-то. Родственники: «Странно... Всех берут, а тебя нет. Ну ладно...».

Через две недели снова отправка. На сборном пункте мне говорят: в пехоту. Сначала под Фергану, потом в Афганистан. У меня были права тракториста, поэтому меня наметили взять водителем танка или БМП.

Но в Афганистан я тем более не хотел! Из нашей деревни там служили пятеро: из них один погиб, один раненый, один умер. Ну совсем туда я не хотел! Иду опять к тому же капитану, водку приготовил заранее. Говорю: «Не хочу в Афганистан! В ВДВ хочу, весной призовусь. Организуете?». И водку показываю, её мне снова сестра принесла. Он: «Молодец, соображаешь! В армии всё будет у тебя в порядке». Снова иду через поле на вокзал. В военкомате говорю — опять не берут!

Осенью повестки больше не было. Но в конце декабря пригласили в военкомат — в ДОСААФ пойдёшь учиться на водителя? Говорю: «Пойду». И 10 января 1985 года начал учиться.

Учился я в ДОСААФе около полугода. Туда к нам приезжал полковник, начальник сборного пункта всей Мордовии. Он был десантником! Подхожу к нему, а сам думаю: обязательно опять все смеяться будут, если попрошусь в ВДВ. Но всё-таки спросил: «Товарищ полковник,

я мечтаю служить в ВДВ. Как мне туда попасть?». Он: «Очень трудно. Отправка будет 10 мая, попробую тебе помочь».

Повестки всё нет и нет. Поэтому 9 мая я сам пошёл в районный военкомат. Там говорят: «Ты что, обалдел — сам пришёл? Мы повестками приглашаем». И заставили сначала полы мыть, а потом какую-то комнату красить. Я понял, что мне ничего не светит, и пошёл ва-банк. Говорю: «Вообще-то мой родственник у вас тут начальником». Фамилию, имя и отчество полковника я помнил. Они: «Мы сейчас ему позвоним». Полковник поднимает трубку, капитан ему докладывает, что звонит из такого-то района, и спрашивает: «У вас тут есть родственники? А то у нас парень говорит, что вы его родственник». Полковник: «Нет никаких родственников». Капитан показывает мне кулак. Я: «Скажите, что в таком-то ДОСААФе мы с ним в последний раз общались, фамилия такая-то, я ещё в ВДВ просился! Он забыл, наверное!». И тут произошло чудо, полковник подыграл мне: «Отправьте его ко мне, чтобы срочно был здесь!».

Приехал я в Саранск вечером, поэтому пришёл на сборный пункт только 10 мая утром. А набор в ВДВ состоялся накануне. Полковник говорит: «Всё, ничего не могу сделать. Но попросись у майора, который набирает, может, он тебя возьмёт». Подхожу: «Товарищ майор, возьми-

те меня! Так хочу служить в ВДВ, просто мечтал! Я и тракторист, и права водителя у меня есть, я борьбой самбо занимался. Не пожалеете!». Он: «Нет, отойди. Я уже набрал восемь человек». И вижу военные билеты у него в руках.

А на сборном пункте несколько сотен человек стоят. Все стали кричать: «Меня возьмите, меня!». Ведь все хотят служить в ВДВ! Я так расстроился, прямо ком в горле встал! Отошёл, сел в углу на какие-то ступеньки. Думаю: «Господи, я же только в ВДВ хочу служить, больше нигде! Что же мне теперь делать, Господи?». Я в буквальном смысле слова не знал, как дальше жить. И тут произошло чудо.

Майор отпустил всех восьмерых, чтобы они попрощались с родителями. Они вышли за ворота и там хорошенько дринькнули. Майор строит их через час, а они — в стельку пьяные: еле на ногах стоят, качаются... Он называет фамилию первого: «Пил?». — «Нет». Снова: «Пил?». — «Да». Потом: «Сколько?». — «Сто граммов». А парень еле стоит. Майор: «Я серьёзно спрашиваю». — «Триста граммов». — «А точно?». — «Пол-литра...». И так всех по очереди, все в конце концов признаются. И вот доходит очередь до последнего. Тот нагло отвечает, что не пил — и всё тут! А сам пьяный в дугу, еле стоит. Майор достаёт его военный билет и отдаёт — держи! Парень, ещё не понимая, в чём дело, военный билет берёт.

А майор поворачивается к толпе, кого-то взглядом ищет. Тут все вокруг поняли, что он парня отшил! Толпа майора сразу окружила, море рук: «Меня! Я, я!..». А я стою на ступеньках и думаю — что за шум, что там такое происходит? Тут майор увидел меня и рукой машет — иди сюда. Я сначала подумал, что он зовёт кого-то другого, оглянулся вокруг. Он мне: «Ты, ты!.. Боец, иди сюда! Военный билет где?». А военный билет у меня уже забрали. — «На пятом этаже». — «Минута времени. С военным билетом сюда, быстро!». Я понял, что у меня появился шанс. Побежал за билетом, а его не отдают! «Какой военный билет? Пошёл вон отсюда! Сейчас будешь полы красить». Я к полковнику: «Товарищ полковник, меня решили взять в ВДВ, а военный билет не дают!». Он: «Сейчас». Забрал билет, даёт его мне: «На, служи! Чтобы хорошо всё было!». Я: «Спасибо, товарищ полковник!». И пулей вниз. Сам думаю: «Господи, лишь бы майор не передумал!».

Подбегаю и вижу душераздирающую сцену: парень, которого майор отбраковал, на коленях стоит и плачет: «Простите меня, простите! Я пил! Возьмите меня, возьмите!». Майор берёт у меня билет: «Встать в строй!». Я встал, внутри всё дрожит — а вдруг он передумает? Про себя: «Господи, лишь бы он не передумал, лишь бы не передумал!..». И тут майор говорит парню пьяному: «Запомни —

в ВДВ ты не годишься принципиально. Ты можешь пить, дерзить, делать что угодно. Но такие вруны, как ты, в ВДВ не нужны».

Майор мне: «Попрощался с родителями? В автобус!». Мы сели, а майор всё ходит снаружи. И тот парень за ним ходит, ещё вокруг майора парни просят: «Меня возьмите, меня!..». И пока он минут тридцать оформлял что-то, я волновался и не мог дождаться — скорее бы поехали!

Наконец майор зашёл в автобус, и мы поехали. Толпа провожала нас, все смотрели с завистью, как будто мы счастливчики и едем куда-то в райские кущи...

Майор спросил нас, как хотим поехать: в купе или в эшелоне для солдат. Мы — конечно, в купе! Он: «Тогда по червонцу с каждого». Оказалось, что он заранее забронировал три купе: два для нас и отдельное для себя. И поехали мы в Москву, как белые люди, в фирменном поезде. Он даже разрешил нам немного выпить. Посидел с нами. Мы его полночи расспрашивали обо всём, нам всё было интересно. А вообще-то я ехал и каждые пять минут щипал себя: не верю! Это же какое-то чудо! Я всё-таки попал служить в ВДВ! А когда отъезжали, мама стояла у окна вагона и плакала. Я ей: «Мама, что же ты плачешь? Я ведь еду в ВДВ!..».

Утром приехали в Москву, поезд на Каунас только вечером. Майор разрешил

нам пойти на ВДНХ, пивка выпить. Из Каунаса на автобусе приехали в посёлок Рукла, «столицу» Гайжюнайской учебной дивизии ВДВ. В лесу расположены три полка, масса учебных центров, взлётная площадка. Именно здесь снимали фильм «В зоне особого внимания». И каждый раз, когда я смотрю этот замечательный фильм в сотый раз, то вспоминаю: вот здесь я в карауле стоял, вот тот самый магазин, который в фильме ограбили бандиты, а мы покупали в нём газировку «Буратино». То есть я попал именно в то место, с которого началась моя мечта о службе в ВДВ.

УЧЕБКА

В армию я взял с собой крестик, мне его бабушка дала. В деревне у нас крестики носили все. Но перед отправкой я его брать не хотел, даже свернул с верёвочкой в клубок и положил к иконам. Но бабушка сказала: «Возьми. Пожалуйста!». Я: «Так ведь всё равно отнимут!». Она: «Ради меня возьми!». Я взял.

В учебке сначала нас стали распределять, кто куда годен. Нужно было километр пробежать, потом подтянуться на перекладине, сделать подъём переворотом. Я рвался в разведроту. Но в результате попал в 6-ю роту батальона специального назначения 301-го парашютно-десантного полка. Как потом вы-

яснилось, батальон готовили к отправке в Афганистан...

После проверки физподготовки нас отправили в баню. В баню заходишь в своей одежде, двери за тобой закрывают. А выходишь уже в воинском обмундировании. И тут тебя проверяют дембеля — денежку ищут. Я крестик с верёвочкой сунул под язык. У меня было рублей пятнадцать, я бумажки эти в несколько раз сложил и между пальцами руки зажал. У меня дембеля всё проверили, потом: «Рот открой!». Думаю — наверняка крестик найдут. Говорю: «У меня деньги здесь». И подаю им свои пятнадцать рублей. Они деньги забрали — свободен, проходи. А когда пришли в часть, я крестик под петлицу зашил. Так до самого дембеля я с этим зашитым крестиком и ходил.

На второй или третий день командир батальона нас построил. До сих пор помню, как он ходит перед строем и говорит: «Пацаны, да вы знаете, куда вы попали?!.». — «В армию...». — «Вы попали в ВДВ!!!». Сержанты: «Ура-а-а-а!..». Тогда же он нам сказал, что мы пойдём в Афганистан.

Сержанты говорят: «Сейчас проверим кто есть кто!». И мы побежали кросс шесть километров. А я на такие расстояния никогда не бегал. Ноги-то нормальные, а дыхалки нет! Километра через полтора чувствую — у меня внутри

всё горит! Еле-еле пилю где-то сзади. Тут один парень остановился, подбегает: «Слушай, ты когда-нибудь бегал на такую дистанцию?». — «Нет». — «Да ты чего? Ты же скоро лёгкие с кровью выплюнешь! Давай, дыхалку будем ставить. Беги со мной в ногу и на каждый стук ноги вдыхай носом». И мы побежали. Это оказался парень из Чебоксар, кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике.

Дыхалку он мне очень быстро поставил. Бежали мы с ним вместе ещё километра полтора. Мне стало полегче, я стал дышать. Он: «Ну как? Ноги — нормально?». — «Нормально». — «Давай догоним основную толпу». Догнали. — «Слушай, давай их обгоним!». Обогнали. — «Давай тех десятерых догоним!». Догнали. — «Ещё вон тех троих!». Опять догнали. Это у него такая тактика была. Говорит: «Через пятьсот метров финиш. Метров за триста рванём, потому что все рванут». Мы рванули, и на финише я ещё и его обогнал, прибежал первым.

Оказалось, что «физика» у меня есть. Этот парень научил меня правильно бегать, но в результате потом сам меня ни разу не мог обогнать. Но он оказался независтливым, радовался, что у меня получается. В результате я в роте бегал лучше всех. И у меня вообще всё получалось. Ведь каждое утро я стал тренироваться. Все курят, а я в это время ка-

чаюсь, кирпичи держу, чтобы руки при стрельбе не тряслись.

Но когда первый кросс мы вдвоём прибежали первыми, подошли сержанты и один из них мне к-а-к врежет! А я после шести километров и так еле дышу. «За что?». «За то! Ты понял, за что?». — «Нет». Он ещё раз мне — дынь! Я: «Понял!». Но на самом деле мне было непонятно. Всех спрашиваю — за что? Я же первый прибежал! Никто тоже не понимает.

После второго кросса (я в первой десятке прибежал) мне сержант опять врезал: «Самый хитрый?». И «колобашку» сверху — бац!.. — «Понял, за что?». — «Нет!». — «Ты что, как сто китайцев тупых, как сибирский валенок!». Столько новых выражений услышал: и баран я парнокопытный, и монгол какой-то несусветный. Я всё равно не понимаю! Говорю: «Хорошо, я виноват. Тупой, деревенский — но не понимаю: за что!». Тут сержант объяснил: «Ты знаешь, что лучше всех бегаешь. Ты должен помочь тому, кто слабее всех! ВДВ — это один за всех и все за одного! Понял, солдат!?.».

И после этого как только кросс или марш-бросок пятнадцать километров, я тащу самого слабого. А хуже всех бегал пацан, у которого мама была директором кондитерской фабрики в Минске. Раз в две недели она приезжала к нам и с собой привозила кучу шоколада, служеб-

ная машина была полностью им забита. Поэтому этот парень бегал в кедах. Все в сапогах, а он — в кедах! Но всё равно бежит хуже всех. Останавливаюсь — он цепляется за мой ремень, и я тащу его за собой. Я вперёд — он меня назад дёргает, я вперёд — он меня опять назад тянет! Прибегаем минут через тридцать после всех. Я просто падаю, ноги вообще не идут. Как же тогда это было тяжело и казалось лишней обузой...

Но потом я благодарил Господа — ведь таким способом я накачал себе ноги! И в Афганистане это мне очень пригодилось.

Первые два месяца я плохо стрелял: и из автомата, и из пулемёта, и из пушки БМП-2. А для тех, кто стрелял на двойки, была такая процедура: на голову — противогаз, в руки — два чемодана. И семь с половиной километров со стрельбища — в полк бегом! Останавливаешься, выливаешь пот из противогаза, и дальше — тын-тын-тын... Но в конце концов один сержант стрелять меня всё-таки научил.

Сержанты у нас вообще были очень хорошие, из Белоруссии. Помню, рота выходит в наряд. Сержант: «Желающие — два человека в Вильнюс!». — «Я-я-я хочу!..». А мы с парнем, который был из Крыма, рядом стоим, он тоже из деревни. Решили — давай не будем торопиться, что достанется, туда и пойдём. «В районный центр столько-то человек, в кафе столько-то — нужно отвезти что-то в город». Потом:

«Два человека — свинарник». Тишина... А мы же деревенские. «Давай мы пойдём!». — «Ну, давай». Дальше зачитывает: «Два человека (я и парень из Крыма) едут в Каунас. Остальные — копать окопы!». Это было очень смешно.

В следующий раз всё то же самое: желающие туда-то поехать? Тишина... Сержант нас спрашивает: «А вы куда хотите? Есть коровник, есть то-то, есть то-то...». А нам, деревенским, в коровнике — одно удовольствие! Навоз почистили, коровку подоили, молочка попили — и на сено спать. А место огороженное, коровы дальше забора всё равно не уйдут.

В школе я учился плохо. Мне на выпускном экзамене даже двойку поставили и должны были выпустить не с аттестатом, а со справкой. Но из-за того, что я остался работать в колхозе, председатель колхоза договорился: мне тройку всё-таки поставили и аттестат дали. А здесь в армии я стал лучшим солдатом, примером для других. Я выучил наизусть все инструкции, все правила дневальных, караульных. Бегал лучше всех, научился отлично стрелять, рукопашный бой получался, лучше всех проходил ВДК (воздушно-десантный комплекс. — Ред). И через пять с половиной месяцев меня признали лучшим солдатом роты.

Но оставались прыжки с парашютом... Практически у всех до армии прыжки были, а я никогда не прыгал. И вот од-

нажды в три ночи поднимают — боевая тревога! В четыре утра — завтрак. Потом выехали на машинах в сторону деревни Гайжюнай, оттуда — марш-бросок по лесу. И часам к десяти утра мы пришли к аэродрому. Туда на машинах уже привезли наши парашюты.

Так получилось, что день первого прыжка совпал с днём моего рождения. Всем курсантам в день рождения давали отпуск, и ты в этот день ничего не делаешь, идёшь в кафе, просто гуляешь. Офицер тебя останавливает: «Стой, куда идёшь?». — «У меня день рождения сегодня». Без разговора — свободен, иди гуляй дальше. А тут в три ночи подъём, марш-бросок и первый прыжок! Но такое событие на следующий день не переносится...

Мы сели в «кукурузник», самолёт Ан-2. Было нас человек десять. А все опытные, у одного — вообще триста прыжков! Он: «Ну что, пацаны! Трусите?!.». Все вида не подают, я тоже стараюсь держаться. Ведь к тому времени я был среди лучших!

Прыгал я по росту и по весу четвёртым. Все улыбаются, шутят, а я даже улыбку не смог выдавить из себя. Сердце — тын-тын, тын-тын... Про себя говорю: «Господи! Я должен прыгнуть, я должен прыгнуть! Я же в числе лучших числюсь. Что будет, если я не прыгну? Позор на всю жизнь. Я так рвался в ВДВ! Я прыгну, я прыгну!.. Никто же

не разбивается... Я заставлю себя!». Так сам с собой и разговаривал до самой сирены. А когда она сыграла, я увидел, что трусят все...

Раньше дважды во сне я видел ад. Сон такой — падаешь в бездну с невероятным страхом!.. Страх этот у меня в мозгу и засел. (Это потом я узнал, что такие сны видишь, когда растёшь.) И вот этот самый страх напал на меня в самолёте! Встали, проверили, чтобы всё было застёгнуто. Я строго по инструкции схватился правой рукой за кольцо, левой — за «запаску». Инструктор командует: «Первый пошёл, второй пошёл, третий пошёл...»! Шёл я с закрытыми глазами, но у самых дверей пришлось их открыть: по инструкции, надо определённым образом ногу поставить и потом нырять по ходу. И я вижу, что внизу облака — и дальше ничего нет!.. Но спасибо инструктору — он мне помог практически: «Четвёртый пошёл!..». И я пошёл...

Но как только вылетел из дверей, мозг сразу заработал. Ноги поджал под себя, чтобы они во время кувыркания не заплели выходящие стропы. «Пятьсот двадцать один, пятьсот двадцать два... пятьсот двадцать пять. Кольцо! Потом — кольцо за пазуху!». Это я себе такие приказы давал. Обратил внимание, что сердце, которое невероятно билось в самолёте, после прыжка через какую-то секунду перестало уже так стучать.

Сильный рывок, даже ногам больно стало! Открылся парашют. А у меня в голове крутится инструкция: перекрестить руки, посмотреть, нет ли кого-то рядом. И тут наступило такое блаженство!.. Вокруг парни летят. — «Витё-ё-ё-ёк, приве-е-е-ет! Ко-о-о-о-оля, приве-е-ет!». Кто-то песни поёт.

Но как только я посмотрел вниз, то тут же судорожно схватился за стропы — земля уже близко! Приземлился нормально. Но из-за того, что я перенервничал, у меня ещё в воздухе началась «медвежья болезнь»! Думаю: «Быстрее бы упасть на землю, да поближе к каким-нибудь кустам!». Погасил парашют строго по инструкции: потянул на себя стропы, потом резко отпустил. А тут же быстренько с себя всё скинул и бегом в кусты! Сижу там... Бам! Рядом сапог упал. Только тут до меня дошло, зачем десантники завязывают шнурки на голенищах сапог. Собрал парашют. Иду по полю. Рядом — бум! Это кольцо с тросиком упало, кто-то его выбросил, а не затолкнул за пазуху! А я уже шлем снял. Тут же снова натянул его на голову, ещё и парашют сверху поставил.

Здесь же, в лесу, нам дали значки, шоколадки. И вручили по три рубля, положенные солдату за каждый прыжок. Офицерам платили по десять рублей. Сразу стало понятно, почему все так рвались на прыжки. После первого прыжка

на полмесяца настроение у меня улучшилось, как будто силы дополнительные появлялись. (Всего у меня было шесть или восемь прыжков. В Афгане, конечно, прыжков не было. Сначала командование планировало организовать. Мы даже подготовились, собрали парашюты. Но в назначенный день прыжки отменили – побоялись, что душманы могут устроить засаду.)

Один из семи парней, с которыми мы вместе призывались из Мордовии, попал служить со мной в одно отделение. У нас даже кровати были рядом. Я думал: «Какое счастье, что рядом есть земляк!». Ведь деревенским парням намного сложнее, чем городским, уезжать из дома. В первое время было очень тяжело, просто невыносимо тяжело. Он оказался неплохим парнем, и мы с ним постоянно общались. Его родная сестра работала медсестрой в госпитале в Кабуле. И она писала ему такие страшные письма! Письма на гражданку цензура точно читала и много чего не пропускала. А это были письма между воинскими частями, поэтому, наверное, они доходили. И вообще солдатам из учебки разрешали переписываться с солдатами, которые уже воевали в Афганистане.

Мы читали письма сестры вместе. Сестра писала, что почти восемьдесят процентов ребят болеют гепатитом, процентов двадцать пять раненые, процентов

десять — калеки, очень много убитых. Она ему писала: «Я не хочу, чтобы ты здесь служил!». И через три с половиной месяца её брат сломался... Пошёл к командиру полка, показал письма и сказал, что не хочет в Афганистан. Командир: «Хочешь в ремроту, в постоянный состав?». — «Хочу!». И через две недели его перевели в ремроту. Я переживал — мы с ним сильно сдружились.

А ещё через какое-то время он стал уговаривать меня: «Давай оставайся, давай оставайся...». Я думаю, что он, увильнув от Афгана, искал себе оправдание в том, что он не один такой будет.

Мы, курсанты, ходили очень чистые и опрятные: мылись, форму стирали... А он приходил из ремроты весь в мазуте, чёрный, невыспавшийся — дембеля его гоняли там, как сидорову козу. А у нас в учебной роте и дембель был только один. Сержанты нас, конечно, гоняли, но такой дедовщины, как в ремроте, не было.

Мой товарищ сходил к командиру полка: «У меня есть земляк, Виктор. Он и токарь, и вообще хорошо служит. Может, его тоже оставите?». Меня командир полка пригласил: «В Афгане хочешь служить?». — «Да не очень хочется, если честно признаться». — «Хочешь остаться?». — «Ну можно остаться...». — «Ладно, сделаем на тебя приказ».

Незадолго до этого ко мне приехала мама в гости. Её я позвал сам. Хотя

принципиально я, как и все, был против приезда родителей. Я же не маменькин сыночек! Но я ехал в Афганистан, где, возможно, меня убьют. Я хотел с ней сфотографироваться, попрощаться. Она не знала, что нас готовят в Афган, и я не собирался ей об этом говорить. (Кстати, почти до самого конца моей службы она так и не знала, что я служу в Афганистане.)

Мама приехала вместе с мужем моей сестры. Спрашивают: «Где будешь служить потом?». — «Отправят в какую-нибудь часть». Но на следующий день, когда мама пришла ко мне, на КПП она увидела рыдающую женщину: сына берут в Афганистан!.. Мама тоже расплакалась. Говорит: «А мой сын не идёт в Афганистан». — «А в какой роте он служит?». — «Не знаю». — «А буква какая?». — «Е». — «А у моего тоже «Е»...». — «А мой сказал, что вся рота идёт в Афганистан!».

Прихожу — мама рыдает. «А ты, оказывается, в Афганистан идёшь, скрывал от меня!». — «Мама, я не иду в Афганистан». А она мне разговор с той женщиной пересказывает. Спрашиваю: «А как её сына зовут?». — «Такой-то». — «Да, он идёт, а меня в другое место отправляют». Сам про себя думаю: «Ну и козёл...».

Целый день мы с мамой гуляли. Вечером прихожу к командиру полка: «Дайте мне какую-нибудь бумажку, что я не иду

в Афганистан, мама не переживёт этого». Командир вызвал писаря, тот написал, что я командирован на полтора года в Братиславу в Чехословакию. Командир расписался, печать поставил. Я принёс бумагу маме: «Вот, пожалуйста! Это приказ, что я в Чехословакию иду служить, успокойся». Мама так обрадовалась!

Я вернул бумажку командиру полка. Он: «Ну, успокоилась?». — «Успокоилась». Разорвал, и мне: «Ладно, иди». Потом я пошёл к парню, от которого всё пошло. — «Ты что, обалдел? Скажи своей маме, что я точно не иду в Афган!».

Тут командир полка выпустил приказ, что я остаюсь в постоянном составе в ремроте. Но когда приказ состоялся, мне стало не по себе, муторно на душе. Не хотели в Афган многие, но деваться было некуда. А я ведь всегда был примером, ходил по прямой. А тут как-то извернулся, увильнул...

За две недели до отправки нам выставили оценки, и я увидел, что оказался в числе лучших солдат полка. Меня все поздравили. И тут же в роту принесли приказ, что я остаюсь в постоянном составе. Все: «Витёк, мы так рады, что ты остаёшься! Не отлынивал, пахал, как папа Карло. Давай, Витёк! Будем переписываться. Если кого-то убьют, мы тебе напишем...».

Я собрал рюкзак, стал уже прощаться, и вдруг у меня сами собой потекли слё-

зы: «Боже мой, эти парни мне же ближе, чем родные, стали!». У некоторых тоже слёзы на глаза навернулись. Выхожу из роты (это четвёртый этаж), стал спускаться по лестнице, чувствую — ноги не идут. Меня стала душить совесть, мне воздуха не хватало. Стало так плохо... Думаю: «Это я, лучший солдат роты, увиливаю от Афганистана? Это не по-человечески!». Появилось явное чувство, что они все идут в рай, а я из рая ухожу.

Бросил рюкзак прямо на площадке и побежал к командиру полка. — «Товарищ полковник, виноват! Простите, спасите меня!». А там какие-то офицеры сидели. Он: «Солдат, я тебя помню. Что случилось?». — «Спасите!». — «Что надо?». — «Отправьте в Афганистан!». — «Почему?». — «Не могу, совесть меня душит. Я хочу с ребятами!». Он: «Подожди». Пошёл, достал мою папку из архива. Копался, копался (а там на меня уже листов пятнадцать было написано), вытащил заявление о том, что я хочу остаться в части. — «На, рви!». Я разорвал. — «Пиши заявление в Афганистан. Я, такой-то такой-то, хочу в Афганистан по собственному желанию. Расписывайся, дату ставь». Положил в мою папку заявление: «Отнесите, отдайте в афганскую группу. Поедешь в Афганистан». Я: «Спасибо!..». — «Подожди!».

Полковник вышел со мной на улицу и произнёс слова, которые я запомнил на

всю жизнь. Я никогда таких в свой адрес не слышал. В школе меня только ругали, обзывали по-всякому. А полковник сказал: «Знаешь, я с тобой пообщался и понял — у тебя очень сильные моральные качества. Ты сможешь выдержать любые нагрузки, любые испытания. Никогда не бойся. Если другому очень тяжело и он чего-то не может, знай: ты сильнее его. Это тебе поможет». Обнял меня: «Служи хорошо, не подводи наш полк!». — «Спасибо, товарищ командир!». И побежал к себе.

На лестнице хватаю рюкзак, забегаю в роту. — «Витёк, что случилось?». — «Ребята, я еду с вами в Афган!..». И тут мы снова обнялись до слёз... Потом я пошёл к земляку в ремроту: «Ты прости, Олег, но я еду в Афганистан». — «Жалко, конечно, что я здесь один остаюсь. Вдвоём веселее было бы». — «Да, но я не могу».

Я подумал тогда, что убежал от первого промысла Божьего (от трудностей трёхлетней службы в морфлоте отказался), но тогда Господь увеличил трудности ещё больше — в Афганистан пойдёшь! А я ведь сам хотел в десантные войска, хотел же испытать себя. И Господь дал мне такую возможность. Но дал и направление — Афганистан. А я решил этого избежать! И, что интересно, Господь дал мне возможность выбора (я ведь мог избежать этих трудностей). Но одновременно Он дал мне совесть и этим спас

меня. Если бы я увильнул от Афгана, я бы точно погиб, (если даже не физически, то морально), стал бы совершенно другим человеком, сломался бы, как многие мои земляки, не мог бы жить нормально, если бы перестал себя уважать.

ЛЕТИМ В АФГАНИСТАН

Через пару недель нас посадили в двухэтажные десантные ИЛ-76, и мы долго-долго летели до Кировобада. В Гайжюнае было холодно, а выходим из самолёта — двадцать семь градусов тепла! Дали сухпайки, мы чего-то поели и полетели дальше, в Фергану. Вышли из самолёта — темнота, ничего не видно. Стояли на аэродроме, стояли... Тут говорят: ночевать будем в Ферганском десантном учебном полку. Пошли туда пешком. Идём, идём по пустыне, идём, идём... Так шли то ли пятнадцать, то ли семнадцать километров.

Жили мы в полку трое суток, спали в каких-то жутких условиях. Ведь мы прибыли из культурной Прибалтики! И здесь условия — как в Афганистане: вода течёт только из каких-то дырочек в трубах, туалет на улице.

Нам говорили, что задержка с отправкой — из-за урагана, самолёт не может сесть. А потом выяснилось, что накануне сбили самолёт с дембелями. Нам, конечно, ничего не сказали. Че-

рез три дня снова пешком пришли на аэродром. Посадили нас не в военный самолёт, а в гражданский Ту-154. Самолёт летел на максимальной высоте, ведь тогда уже появились «стингеры» (переносной зенитно-ракетный комплекс производства США. — Ред.). Горы сверху казались такими маленькими. Красота неописуемая! А вот когда подлетели к Кабулу, началось что-то невообразимое. Самолёт стал заходить на посадку по крутой спирали с пикированием. Было такое ощущение, что мы просто падаем! Сели, смотрим в иллюминаторы — вокруг средневековье, холмы облеплены мазанками. Появилось ощущение, что мы на триста лет назад на машине времени провалились.

Прямо у трапа встретили дембелей, которые на этом самолёте должны были улететь. Матёрые такие: чёрные от загара, в парадке, с медалями, с аксельбантами! И у всех в руках дипломаты (небольшие плоские чемоданчики) одинаковые. — «Откуда? Есть кто-то из Перми, из Иркутска?..». Мы спускаемся, они кричат: «Вешайтесь, сынки! Тут вам конец!».

Пересыльный пункт был метрах в двухстах. Туда за нами пришёл офицер: «За мной!». Тут же начиналась артиллерийская часть. Она была в самом конце аэродрома за взлётной полосой (артиллерийский полк 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии. — Ред.). Через

«артполчок» мы пришли в «полтинник» (350-й полк 103-й дивизии ВДВ. — Ред.). Завели нас в клуб, мы расселись в зале. Пришли «покупатели»: — «Так, сначала в разведроту дивизии». Кричу: «Я, я хочу!». — «Ладно, иди сюда. Где учился?». — «В шестой роте в Гайжюнае». — «Нет, не можешь. Мы берём только разведчиков». — «Ка-а-ак?!.». Но всё-таки с моего взвода один парень попал, Володя Молотков из Череповца (он, слава Богу, остался жив). Они разведчиков не добрали, а он к ним ближе всех стоял.

А я всё рвусь и рвусь! Мне один «покупатель» говорит: «Да что ты всё время рвёшься куда-то?!.». — «Я хочу в боевую роту, воевать!». — «Тогда пойдёшь ко мне в 1-ю роту». Так я попал в 1-е отделение 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона 350-го полка. А 1-я рота всегда первой десантируется, самой первой поднимается в горы и самой первой захватывает горки. И если 1-я рота поднималась выше всех, то 1-й взвод в ней уходил дальше всех и поднимался выше всех и оттуда докладывал полку, что творится вокруг.

Вместе с нами пришли «ферганцы», солдаты из учебного полка в Фергане. Внешне мы друг от друга очень сильно отличались. Мы все мордовороты, кровь с молоком. Ведь нас в учебке кормили как на убой: шоколадное масло, яйца, печенье. А «ферганцы» тощие — их кормили одной капустой.

Наконец мы (нас двадцать два человека), пришли в роту. Из 6-й учебной роты из Гайжюная со мной в 1-й роте никого не оказалось. Правда, из нашего учебного взвода несколько парней попали в 3-ю роту. Они жили от нас через коридор.

В роте нас уже поджидали довольные дембеля, на вид тигры прямо какие-то: «Пришли!.. Как мы вас ждали!..».

Меня назначили наводчиком-оператором БМП-2. А мне так хотелось в горы! Мы выезжаем на броне, а других на вертолёте куда-то кидают. Возвращаются дней через десять — злые, как пантеры... Как будто они видели что-то настоящее в жизни, а мы нет.

Первые полмесяца жили в части, в палатках. В октябре в Афганистане температура воздуха примерно плюс сорок. Нас там учили, как правильно воду пить. Мы всё время носили с собой фляжку. Пить надо только один глоток, глотать не сразу. Можно горло прополоскать перед тем как проглотить. И всё время надо было таскать шляпу, чтобы не получить солнечный удар. Но ещё более опасным был тепловой удар. Тогда человек может просто умереть, особенно если это происходило на боевых. Если ты находишься в части, то больного можно отвезти в госпиталь, а в горах куда везти?..

Эти две недели мы каждый день бегали кросс до Паймунара, до стрельбища. Это километров семь-восемь. Выгляде-

ло так: собирают всех молодых (это несколько сот человек), строят и — бегом марш!.. Бежим, пылища столбом... Это примерно как бежать по бетону, который обсыпан цементом. Сначала народ бежит в три ряда, потом в десять, потом ещё больше. Потом, растянувшись по всему полю, бежит огромный табун, поднимая немыслимую пыль! Тем, кто в хвосте, от этой пыли вообще дышать нечем. Я это быстро сообразил, взял автомат в руку и вперёд — тын, тын, тын!.. Думаю: я не сдамся! Так я ещё раз себя проверил и прибежал первым. И успокоился: раз меня не обогнали, значит, всё нормально, всё будет хорошо. На стрельбище мы целыми днями стреляли, ползали, на гору поднимались. Было очень тяжело... Но я понял, что если мне тяжело, то и всем тяжело.

КАНДАГАР

Осенью 1985 года начались боевые действия в Кандагаре, это километров пятьсот от Кабула. По разведданным, душманы планировали захватить сам город.

Броня наша пошла своим ходом. А меня с брони сняли, потому что на боевых из бойцов кто-то не выдержал. И вместо одного из них взяли меня — пойдёшь «карандашом», то есть автоматчиком! Я был так счастлив! Это было примерно

такой же переход к другой жизни, как попасть в десантные войска. Конечно, так, как я, рвались не все. Но я думал: раз уж приехал воевать, значит надо воевать!

В Кандагар полетели на военно-транспортном самолёте Ан-12. Летел он на предельной высоте около десяти тысяч метров. В этом самолёте есть гермокабина небольшая, там находятся лётчики, где и давление нормальное, и температура, и воздух. Но нас-то загрузили в транспортный отсек сзади, а в нём на высоте вообще дышать нечем! Хорошо, что у меня «дыхалка» была хорошо поставлена, я сознание не терял, но процентов пятьдесят наших вырубились. Потом вышел лётчик и дал нам маски. Оказывается, всё-таки были кислородные маски: одна — на тричетыре человека. Стали дышать по очереди. И ещё в самолёте стоял невероятный колотун, холодрыга немыслимая! Потом уже я узнал, что на этой высоте температура воздуха за бортом примерно минус пятьдесят градусов, а транспортный отсек не герметичный... Когда прилетели, то некоторых просто пришлось выносить из самолёта на руках. У меня из-за нехватки кислорода появились жуткие головные боли, спазм в голове.

Нам сказали, что сразу в горы нельзя. Надо готовиться. Двое суток мы жили прямо на земле, лежали рядами возле аэродрома. Более или менее в себя пришли, подготовились к боевым. Тут как раз

подошли наши ребята на броне. У них по дороге было несколько подрывов. Но, слава Богу, все остались живы.

На третьи сутки нас посадили на вертолёты. Даже помню, сколько их было. Сорок. В каждом — по тринадцать-пятнадцать человек полностью экипированных, у каждого по пятьдесят-шестьдесят килограммов на плечах. Дверей в вертолёте нет, только тросик натянут. Рампы в хвосте тоже нет, стёкол на иллюминаторах нет: тут пулемёт стоит, тут пулемёт стоит, в иллюминаторах — автоматы. Так, ощетинившись стволами, мы полетели в горы. В горах находилось плато, на котором располагался учебный центр. По данным разведки, именно здесь американцы готовили душманов ко взятию Кандагара. «Духов» должно было быть много, вроде бы не меньше тысячи.

Только мы подлетели к горам, как душманы в упор расстреляли нас из ДШК!.. Самих выстрелов было почти не слышно: пых-пых-пых... Мы, 1-й взвод 1-й роты, летели самые первые, поэтому первыми нас и сбили. В вертолёте по центру огромный бак с топливом стоит. Господь нас спас, потому что по бокам бака в полу появились большие дырки, а сами пули ушли дальше вверх к двигателям! Пули попали и в кабину лётчиков, там кого-то ранило. Вертолёт загорелся, пошёл вниз, дымище повалил страшенный! И двигатели заработали с натугой, плохо: ту-ту-

ту, ту-ту-ту… Мы стали падать в ущелье. Сзади слышится стрельба, взрывы. Но нам было уже не до этого…

Дембеля схватились за голову: вот-вот домой, а тут сейчас все погибнем! Но на самом деле всё было не так уж и страшно. Экипаж был очень опытный. У них под крылышками стояли большие дымовые шашки, от них тянулись стальные тросики, которые через ролики выходили в кабину. На концах к тросикам были приделаны две ручки от парашютов. И как только в вертолёт попали пули, лётчики дёрнули за тросики и вырубили один из двух двигателей. Душманы подумали, что этот вертолёт сбит, и занялись оставшимися.

Падали в ущелье мы долго. Глубина была, может быть, около километра. Мы падаем, падаем, двигатель натужно работает… Но потом лётчики включили второй двигатель, вертолёт стал устойчивым. И мы пошли уже вдоль ущелья.

Когда стали падать, я посчитал, сколько дней служу в Афганистане. Получилось тридцать пять. Я вроде сильно не паниковал, ведь к этому готовился. Помню, пришла мысль: раз суждено умереть, лучше умереть достойно. Но Господь нас охранил, от места боя мы улетели.

А вот следующие два вертолёта со 2-м и 3-м взводом нашей роты сбили по-настоящему: они врезались в камни.

Просто чудо, что никто не погиб, хотя эти два вертолёта в конце концов загорелись. Остальные развернулись и улетели обратно в Кандагар.

Некоторые из ребят в обоих вертолётах от удара потеряли сознание. Но те, кто мог что-то соображать и делать, стали отстреливаться — ведь «духи» сразу побежали к месту падения. «Духов» отогнали, вытащили своих из горящих вертолётов. Потом забрали боезапас, пулемёт, запасные пулемёты. Слава Богу, успели до того, как оба вертолёта взорвались.

Вертолёты упали недалеко, метров пятьсот друг от друга. Рации у наших работали. И они решили взять горку, на которой были «духи». «Духи» атаки не выдержали — ушли с горки, перебежали на другую сторону. На горке наших собралось уже тридцать человек. Они камнями обставились и заняли круговую оборону.

Мы вылетели из ущелья. Летим над равниной. Неожиданно появились реактивные самолёты. Явно не наши. Оказалось, что ущелье выходило в Пакистан! Самолёты в одну сторону пролетели, потом в другую. Пилот одного из самолётов, который на несколько секунд пристроился параллельно, показывает — выходите на связь! Тут кто-то из наших сдуру орёт: «Давайте его из пулемёта собьём!». Но сбивать самолёт, конечно,

мы не стали. Наши лётчики нырнули вниз, развернулись и пошли обратно по ущелью. Но чтобы не подлетать к месту боя, стали подниматься к вершине высокой горы. Вертолёт еле тянет, мы почти физически это ощущаем! — «Ну, родненький, давай, давай!..». Кто-то сунулся к лётчикам: «Командир, может, что-нибудь скинуть?». — «Тебя давай скинем!». — «Не-е-е, меня не надо!..». Еле-еле перелетели, буквально над самыми камнями над вершиной хребта, и вернулись в Кандагар.

Подбежали к связистам, рация у них была включена. По очереди слушаем, как парень, который находится на горе на связи, кричит: «Ребята, не оставляете нас, не оставляйте!!! Тут море душманов, они валом идут!». Кошмар какой-то такое услышать! Мы сами только что еле выжили, а тут наши товарищи погибают!..

Вертолётчики сначала лететь не хотели. Наверное, понимали, что это на верную гибель. И если бы дали волю солдатам, они бы точно этих лётчиков перестреляли. Ругались, ругались, но в конце концов полетели...

Но сначала полетели самолёты, отбомбились по душманским позициям. Потом «крокодилы» (ударный вертолёт МИ-24. — Ред.) ракетами и пушками обработали местность. А потом на МИ-8 полетели уже «карандаши», то есть десантники. Наш взвод снова оказался в

первых рядах. Но в этот раз на подходе к месту высадки никого не сбили.

На земле наши отвоевали у «духов» плацдарм. Высадились всем батальоном и сразу разошлись по разным точкам на хребте, захватывая горки, — это чтобы при обстреле всех сразу не перебили.

Ущелье с противоположной стороны окружал очень большой и высокий хребет, за которым начинался Пакистан. На плато в середине ущелья мы увидели душманский учебный центр: дома, окопы, блиндажи. Душманы нас совершенно не боялись. И напрасно: из Союза прилетели тяжёлые бомбардировщики, которые сбросили на плато даже не знаю сколько тяжёлых бомб. После бомбёжки установки «град» стали работать, потом отработала артиллерия и танки.

Управление батальоном встало на соседней горке. Молодых солдат и меня вместе с ними оставили на той самой горе, где мы высадились. А «фазаны» (солдаты, отслуживший год. — Ред.) и дембеля с командиром взвода пошли брать соседнюю горку километрах в трёх. Там оказались четыре «духа». Они просто убежали.

Наши дембеля ушли, остались дембеля из управления батальона. Воды у всех оставалось очень мало, у меня — около литра. А когда воды мало, пить хочется ещё больше. Обычно на боевые мы брали с собой по две полуторалитровых капро-

новые фляги на человека. А больше брать было просто невозможно. Если всё сложить, то получается примерно так: бронежилет восемь килограммов, автомат или винтовка ещё три с половиной—четыре килограмма. Четыре двойных магазина по сорок пять патронов в каждом — ещё два килограмма. С нами ходил миномётный расчёт, поэтому каждому давали по три-четыре мины, это ещё почти пятнадцать килограммов. Плюс ленты с патронами для пулемёта, килограмма по три каждая. Вода три литра. Три сухпайка — около пяти килограммов. Валенки, спальник, одежда, гранаты, патроны россыпью... Всё вместе получается пятьдесят-шестьдесят килограммов. И настолько к этому весу привыкаешь, что лишние даже два килограмма моментально начинают на тебя давить.

Ночью дежурим по очереди, часа по два. И тут украли воду... Подходит ко мне дембель: «Ты с этого времени стоял?». — «Я». — «Где вода? Ты выпил?». — «Какая вода? У меня немного есть!». — «У меня нет воды, у других молодых нет воды. А у тебя есть. Значит, ты выпил чужую воду». — «Да не пил я!». Дембель забрал мою воду и говорит: «Приедем в полк — я тебе по шее дам!». Ведь на боевых воду воровать — это вообще последнее дело.

Но тут подошёл дембель из другой роты: «Дай сюда воду!». Первый дембель: «Зачем?». — «Это не он. Я с ним вместе

стоял, взял кто-то другой». Разбирались, разбирались, но так и не могли понять, кто воду выпил.

Когда всё улеглось, я подхожу ко второму дембелю и говорю: «А почему ты сказал, что я не брал? Мы же с тобой вместе не стояли?». — «А я видел, кто взял». — «Правда? И кто?». — «С твоего взвода мордастик выпил. Ты смотри: если он выпил воду, значит, это гнилой человек, он тебя сдаст за три копейки. Никогда на боевых не оставайся с ним вдвоём...».

Наступила тишина, стрельба прекратилась. Конец ноября, ночью уже холодно, но днём солнце вышло, ветра нет, тепло... Офицеры были на соседней горке. С нами только три чужих дембеля, остальные — все молодые. И я решил: дембелей своих нет, а этим я не подчиняюсь. Залез на большой камень, расстелил плащ-палатку, разделся до трусов и лёг — загораю!.. Камень тёплый, хорошо... То тут стрельба, то там, где-то что-то взрывается. А я лежу и смотрю сверху на огромное плато под собой — километров восемь или десять длиной.

Припекло, перевернулся на живот и вижу — наш дембель возвращается! Я, как его увидел, испугался — он ведь меня точно прибьёт за эти солнечные ванны! И в горы меня больше никогда не возьмут! Я с камня спрыгнул и только хотел палатку стянуть — в неё бьют три

пули!.. Пули разрывные, они огромные продолговатые дыры в палатке сделали. Я понял, откуда по мне стреляли, — «духи» были в километре от нас.

Оказывается, дембель вернулся за биноклем ночного видения. Слава Богу, что Ангел меня с этим дембелем спас! Дембель мне: «Сейчас некогда. Но если вернусь живым, ты у меня своё получишь!». Тут я понял, что на боевых можно очень быстро расслабиться. Постоянно держаться в настороженном состоянии привычки тогда ещё не было, она пришла сама собой позже.

Тогда же у меня случилась ещё одна неожиданная проблема. Кувалда (мой друг Сергей Рязанцев) захотел меня научить, как правильно есть сухпаёк. Он его разогрел на сухом спирте, а сверху насыпал горку сахара. Говорит: «Тут все так едят, очень полезно». Я решил тоже так сделать, хотя интуитивно чувствовал, что что-то тут не то, не нравился мне этот рецепт. Но он меня уговорил, через силу я эту питательную смесь съел... А через два часа у меня началось такое расстройство желудка! И длилось это несколько дней... За этот очередной прокол главный дембель меня чуть не убил.

Очень долго мы наблюдали за войной сверху. В афганской армии были наши «катюши» времён Отечественной войны. Стоят они в два ряда вдалеке. Вылетают снаряды, летят, летят, взрываются!..

Рядом стоят наши самоходные установки, «грады». А мы целыми днями сверху смотрели на эту стрельбу, как в кино.

Нам казалось, что в живых после такого обстрела на плато вообще никого не должно остаться, но выстрелы оттуда всё равно были. Правда, в конце концов бомбёжками и обстрелами большинство душманов добили: часть погибла, а остальные побежали в Пакистан через ущелье. Мелкие группы, которые не ушли с основной массой, мы добивали по-одиночке. Пленных не брали, это как-то было не принято. Так мы воевали около месяца.

ПЛЕН

Стоим как-то на очередной горке. Тут меня вызывает один дембель и говорит: «Сегодня праздник — у нас сто дней до приказа» (Сто дней до приказа об увольнении. Приказ ежегодно подписывался всегда 24 марта. — Ред.) Я: «И что?». — «Где «чарс»?». (Одно из названий анаши, наркотического средства из конопли. — Ред.). Я: «Какой «чарс»? Нет никакого чарса»!..». — «Рожай! Куда хочешь иди: в другой взвод или ещё куда. Мы тебя на боевые взяли! Если не родишь, больше на боевые не пойдёшь». — «Меня же увидят?». — «Стемнеет — сходи».

Вообще-то эту схему я теоретически уже знал. По рации анашу называли то

«миша», то «андрей». Это чтобы офицеры, которые слушали наши разговоры, не поняли, о чём на самом деле идёт речь. Чтобы выйти на второй взвод, даю два тона (два коротких сигнала по рации. — Ред.). — «Да». — «Ребята, у вас «миша» есть во взводе?». — «Нет, у нас «миши» нет». Ну ладно... Третий взвод: «миша» есть? Нет. Оказалось, что есть в управлении батальоном, они стояли на другой горке. — «Ребята, как стемнеет, я к вам поднимусь. Дадите — я сразу обратно».

Было часов шесть вечера. Дембелям сказал, что пошёл, и когда стало темнеть, стал спускаться. Спустился вниз — уже стемнело совсем. Честно говоря, было боязно. Шёл без бронежилета. На мне была куртка с карманами — «эксперименталка», она только-только появилась. Сверху «лифчик», там три магазина двойных, четыре ракетницы, две дымовые шашки оранжевые, четыре гранаты. Запалы к гранатам были отдельно. Бывали случаи, когда пуля попадала в гранату. Если граната была в снаряжённом состоянии, то она детонировала. Моему дембелю пуля попала в «эфку» (оборонительная граната Ф-1. — Ред.). Когда пуля ударила, он стал кричать — прощаться с друзьями: «Маме скажите то-то, то-то, сестре — то-то, то-то!..». Ему было очень больно, и он подумал, что умирает. Тут прибежал доктор: «Где-где-где?!.». — «Да вот здесь болит!». — «Да нет здесь ничего, только

синяк квадратный!». Пуля попала в гранату, гранату ударила в пластину бронежилета, а пластина — уже ему в грудь. Если бы был вкручен запал, он точно бы погиб. Потом дембель показывал нам пулю, которая застряла между зубцами на «рубашке» гранаты...

Спустился я вниз, потом стал подниматься. Шёл очень медленно, осторожно, слушал внимательно. Вдруг вижу — у входа в пещеру огонь тлеет (горел чурбак, который может всю ночь тлеть без дыма), а вокруг этого костра сидят люди! Сначала я подумал, что это наши. Но почти сразу сообразил — не наши... Они меня пока не видели.

Как же я мог так ошибиться, перепутать направление и зайти прямо к «духам»! Но я не очень испугался, приготовился к бою. Положил автомат, снял с предохранителя, патрон уже был в патроннике. Вкрутил запалы в гранаты. Взял «эфку», усики разомкнул, выдернул и выбросил кольцо. Я видел там не больше десяти человек. До них было метров двадцать. Думаю: брошу гранату и перестреляю оставшихся из автомата. Наверняка у них анаша есть, так что задание дембелей всё равно выполню.

Только приготовился, как пришла мысль: никогда не убивал людей так близко. Когда стреляешь на расстоянии, то непонятно — убил или не убил. Может, душман просто упал? И тут же

вторая мысль: а вдруг кто-то из них пошёл по нужде и зайдёт сзади? Только так подумал, мне автомат сзади в голову — бац!.. И крик!.. Тут же подбежали ещё два «духа» — бородатые, с автоматами. На голове шапки, которые краями заворачиваются наверх.

Меня схватили, потащили к пещере и бросили внутрь. Я даже не успел испугаться, был какой-то шок. Но автомат левой рукой инстинктивно схватил, другой рукой гранату крепко держу — кольцо-то выдернуто! Вижу: в углу на камне старший сидит. Он что-то сказал — ко мне пошли двое с верёвками, чтобы меня связать. Один берётся за мой автомат — а я поднимаю гранату без кольца! Уже собирался бросить, как старший стал что-то быстро говорить и мне показывает: тихо, тихо, тихо, не надо... Обалдевшие «духи» отпрянули назад. Мы были внутри пещеры вчетвером, остальные стояли снаружи.

Они мне: «Шурави?». — «Да, шурави». Начали со мной разговаривать, но я же по-афгански ничего не понимаю! Говорят, говорят, мне непонятно. И в какой-то момент я осознал, что мне конец, уже отсюда не вырваться... Придётся взорвать гранату вместе с собой. Мысль эти привела меня в такой дикий ужас!.. Мне же всего девятнадцать лет! И неужто мне конец!.. И сразу обратил внимание, что тут мысли как-то по-другому пути пошли.

Время остановилось. Мыслил я очень ясно и чётко. Перед смертью я оказался в каком-то другом пространстве и времени. Думаю: лучше умереть в девятнадцать лет. Рано или поздно я ведь всё равно умру. Буду стариком каким-нибудь больным, да и вообще в жизни сложности наверняка будут. Лучше умереть сейчас.

И тут я вспомнил про крестик под петлицей. Меня эта мысль стала очень сильно греть. Появилась какая-то надежда не на спасение физическое, а что я могу обратиться к Богу. И обратился к Богу мысленно: «Господи, мне страшно! Отними у меня страх, помоги мне гранату взорвать!». Подрываться было очень страшно...

После этого пришли мысли о покаянии. Я стал думать: «Господи, мне всего девятнадцать лет. Лучше сейчас меня забери. У меня сейчас грехов мало, я не женат, с девушками не дружил. Ничего особенно плохого в своей жизни не сделал. А за то, что сделал, прости меня!». И вдруг я почувствовал Бога так близко, как никогда в жизни больше не чувствовал. Он был буквально над пещерой. И в этот момент время остановилось. Ощущение было такое: как будто я одной ногой уже на том свете нахожусь, а другой ногой — ещё на этом.

И тут открылись какие-то вещи, над которыми никогда в жизни не задумывался. Я с ходу понял, в чём состоит

смысл жизни. Думаю: «Что самое главное в жизни? Дом построить? Нет. Родителей похоронить? Тоже нет. Дерево посадить? Тоже неважно. Жениться, детей родить? Нет. Работа? Тоже нет. Деньги? Даже странно об этом думать — конечно, нет. Нет-нет-нет... И тут я почувствовал, что самое главное, самое дорогое в жизни — это сама жизнь. И подумал: «Господи, мне ничего в жизни не надо! Ни денег, ни власти, ни наград, ни званий армейских, ничего материального. Как хорошо просто жить!».

И вдруг в голове мелькнуло: если я взорву гранату, то дембеля подумают, что я к душманам сбежал! Они же меня мучали, хоть и не били особо. — «Господи, Тебе всё возможно! Сделай так, чтобы дембеля так не подумали! Господи, и ещё одна просьба! Сделай так, чтобы моё тело нашли. Чтобы меня похоронили дома, у нас на кладбище. Маме будет намного легче, когда она будет знать, что это моё тело в гробу, а не кирпичи. Она обязательно будет это чувствовать. Придёт на кладбище, поплачет... У меня ещё три сестры есть, утешение всё равно будет». И я почувствовал какое-то необъяснимое спокойствие. Такие правильные мысли мне, совсем молодому парню, в голову приходили, просто удивительно.

И в этот момент пришёл парень лет шестнадцати, «бача». Его «духи» откуда-то вызвали. Оказалось, что он год или

два жил в Союзе, в Куйбышеве (сейчас город Самара. — Ред.), и говорил по-русски. Стали спрашивать через него, откуда я, где служу. Отвечаю — в Кабуле, в десантных войсках. Здесь находимся на боевых. Спрашивают, откуда я родом. Отвечаю, что из города Саранска. Мальчик: «О, это недалеко от Куйбышева!». Я: «Да, рядышком». Спрашивают: «А как ты пришёл сюда?». — «Я шёл в другой взвод за «чарсом». — «За чем, за чем?!.». — «У нас праздник у дембелей, им надо его отметить. У нас принято водкой отмечать, но водки нет. Поэтому и отмечают таким способом». Они рассмеялись. Старший приказал — кто-то пошёл и принёс «чарс». Кусок большой, примерно с апельсин. Внешне он похож на пасту «гойя», тёмно-зелёного цвета, на ощупь как пластилин, только жёстче.

(Сам я анашу не курил ни разу, ни до этого, ни после. Но не раз видел, как через три затяжки человек уходит в аут и становится невменяемым минимум на час. Я потом часто обкурившимся дембелям рассказывал анекдот про чукчу. — «А ну-ка про чукчу!». Начинаю: «Идёт чукча по пустыне. И вдруг вертолёт пролетел. И он как побежит обратно в свой аул! Кричит: я видел, я видел, я видел! Весь посёлок собрался — ну что ты видел? Ну, апельсин знаешь? Знаю. Совсем не похож!». И дембеля хохотали над этим по полчаса! Валялись в буквальном

смысле, это же просто цирк был на конной тяге! Потом снова: «Давай!». И как только начинаю: «Чукча пошёл...» Они: ха-ха-ха!.. Полгода я дембелям этот анекдот рассказывал.)

«Духи» говорят: «Мы передали своим, что взяли пленного». Отвечаю: «В плен не сдамся. У меня граната без кольца, взорвусь вместе с вами. Знаю, чем плен закончится, я видел трупы наших». Они говорили-говорили между собой. Потом спрашивают: «Что предлагаешь?». — «Я предлагаю... Может, отпустите меня?..». — «Но ты же приехал убивать нас?». — «Да. Но в плен не сдамся. Я ещё никого не убил, всего полтора месяца здесь».

Душманы посоветовались ещё немного, потом старший говорит: «Ну ладно, мы тебя отпустим. Но с условием: мы тебе «чарс», а ты мне — свою куртку». (Куртка душману понравилась потому, что это была «эксперименталка». Её недавно дали, да и то только нашей роте — опробовать. А она тяжёлая, как бронежилет. Как будто матрас на себе тащишь, в горы ходить в ней очень неудобно.)

Говорю: «Куртку можно. Только отойдите». У меня в одной руке автомат, в другой — граната. Я всё равно опасался, что душманы могут на меня кинуться во время переодевания. Автомат положил, осторожно вытянул одну руку из рукава, потом другую с гранатой. Действо-

вал с опаской, но было ощущение, что находился в какой-то прострации. Настоящего страха у меня не было. Когда я просил: «Господи, отними страх! Я боюсь взорвать гранату», Господь страх у меня отнял. И в тот момент я понял, что человек на девяносто девять и девять десятых процента состоит из страха. И этот страх мы сами на себя берём, им как будто грязью мажемся. Я почувствовал, что от этого мы и болеем. И если страха нет, то человек совсем другой.

Я отдал старшему куртку, тот её сразу надел. Все куртку похвалили, а мне говорят: «Ты настоящий шурави, хубасти-хубасти (хорошо. – Ред.)». Старший говорит: «Всё, мы тебя отпускаем. Вот тебе «чарс», вот конфетки». Даже чай мне налили. Но чай пить не стал – а вдруг отравят?

И действительно мне дали конфеты! Ещё платочки размером сантиметров тридцать на тридцать, на них вышивка в виде руки с пальцем и что-то по-арабски написано. И ещё наклейки овальные, размером сантиметров десять. Там тоже рука и надпись.

Говорят: «Мы тебя отпускаем, но оставь автомат». Отвечаю: «Автомат не дам. Я за него расписался, за потерю автомата четыре года «дисбата» (дисциплинарный батальон. – Ред.)». – «Ладно, автомат не нужен. У нас и патронов таких нет, 5,45. Давай ракетницы!». – «Это пожалуйста». Вытащил четыре штуки и

отдал. — «Можешь идти, мы тебя отпускаем. Скоро рассвет».

Сунул всё, что они мне дали, в карман, встал и без страха совершенно, как будто мы сидели за столом с приятелями, пошёл к выходу. Нагнулся, вышел из пещерки. Впереди площадка метров, наверное, десять в длину. «Духи» машут рукой — тебе туда, ты оттуда пришёл!..

Первые секунды не думал ни о чём. Но как только прошёл метров пять, как будто проснулся!.. Появился такой страх, просто будто молния какая-то в меня ударила! Первая мысль: какой я дурак, они же сейчас в спину будут стрелять! От этой мысли меня сразу пробило потом холодным, по спине струйка потекла. Думаю: они даже бушлат сняли, чтобы не продырявить! Остановился... Я реально чувствовал эти пули в себе, мне казалось, что они уже стреляют! Решил повернуться лицом, чтобы стреляли не в спину. Повернулся: а они мне машут рукой — туда-туда!..

Развернулся обратно и как будто схватился за ниточку надежды Божьей. «Господи, пожалуйста! Ты меня почти спас! Осталось всего пять метров. Господи, Тебе всё возможно! Сделай так, чтобы пули мимо пролетели!». Иду, а ощущение такое, что всё равно будут стрелять! Осталось метра три. Не выдержал, обернулся: душманы руками машут — иди-иди, туда-туда!.. — «Господи, Ты меня

почти спас! Три метра осталось... Ну пожалуйста, спаси меня!». И как сиганул в темноту!

Спустился вниз, стал подниматься. Сначала хотел гранату выбросить, но сообразил — если гранату брошу, то свои прикончат из гранатомётов. Так и пошёл дальше с гранатой. Поднимался очень осторожно — как бы не начали стрелять. А в Афганистане ведь как: темно-темно-темно... А как только солнце выходит, бац — и сразу светло! Буквально пятьдесять минут — и кругом день деньской!

Слышу: «Стой, пароль!». Пароль я назвал, цифры какие-то были. — «Это ты, что ли?!.». Поднимаюсь, радостный такой. Дембеля подбежали и в девять рук меня — бам-бам-бам!.. Я: «Тихо, у меня в руке граната! Взорвётся сейчас!». Они — в сторону! (Оказалось, что они действительно решили, что я к душманам сбежал! Всех опросили по сто раз — меня нигде нет. И испугались — поняли, что им по шее могут дать за это дело. А тут я вернулся. — «Ах, ты вернулся!.. Мы же за тебя столько переживали!..». И действительно — вместо того, чтобы праздновать сто дней до приказа, они всю ночь не спали! Короче, наваляли мне прилично. Хотя я всё равно был очень рад, что всё так обошлось.) Говорю: «Осторожно, у меня пальцы онемели!». Одни гранату держат, другие пальцы отгибают. Наконец гранату вытащили и бросили куда-то.

Граната взорвалась — командир взвода проснулся. Вышел: «Что вы тут делаете? Кто гранату бросил?». — «Подумали, что «духи» ползут! Решили шваркнуть». Вроде поверил.

Дембеля: «Ну всё, тебе просто крышка! Жизни тебе не дадим!». А я всё равно счастливый, что живой остался!

Тут приходит приказ: спускаться вниз на другую сторону горы, на броню. А я в тельняшке, кителе и шапке, больше ничего на мне нет. Холодно... Командир взвода спрашивает: «А где куртка?». — «Да не знаю. Положил куда-то, она и потерялась». — «Где потерялась? Площадка одна — всё как на ладони! Ты меня за дурака считаешь?». — «Нет». — «Ну и где она?». — «Нету...». Не буду же я ему говорить, что я куртку душману отдал. Тем более здесь за командира взвода у нас был замполит, командир в это время от гепатита лечился. Он: «Приедем на базу, я тебе покажу!». А я всё равно рад, что от душманов живой вернулся! Ну побьют, ну ничего страшного... Ведь за дело. И вообще, если бы душманы мне сказали: «Выбирай: либо мы тебя убьём, либо дембеля тебя будут бить целый месяц», я бы всё равно выбрал дембелей.

Спустились, сели на броню, поехали на четвёртый этап. У меня как у ненадёжного автомат забрали. Главный дембель мне говорит: «Ну всё, тебе крышка! Мы столько переживали из-за тебя! На

боевые больше никогда не возьмём, будешь салагой до конца службы». — «Так вы сами меня послали за анашой!». — «Так мы тебя за анашой послали, а не куда-нибудь! Ты где был?». — «Сейчас расскажу». И подробно всё рассказал — командир не слышал, на другой машине ехал. — «Вот платки, вот наклейки, вот конфеты, вот анаша...». Разворачиваю, показываю. Он: «Так это же душманская!». — «Конечно! Я же тебе говорю, что был у «духов»! Бушлат им отдал, анашу взял». Он на меня: «Шайтан!..». Отвечаю: «Я не шайтан!». (Я знал, что это слово значит. Бабушка в детстве нам даже имя «чёрного» запрещала произносить. Когда мы сидели на бревне нога на ногу или на скамейке ногами болтали, она нам говорила: «Так нельзя! Он там сидит в это время, а ты его качаешь».)

Дембель был просто в шоке! Говорит: «Будешь в моей тройке!». Я: «Как скажешь». Это был очень сильный парень. Звали его Умар. Это его прозвище от фамилии Умаров. А имя его Дели. Внешне — просто двойник Брюса Ли! Он для меня стал реальным покровителем. Конечно, он меня гонял как сидорову козу, но никогда не бил и защищал от всех! (Умар строго-настрого запретил мне кому-то рассказывать про историю с пленом, но потом сам и проболтался. Дембеля ведь когда обкурятся, то хвастаются, какие у них молодые шустрые.

Умар слушал, слушал и говорит: «Вот у меня молодой — вообще волшебник! На боевых говорю ему: «чарс» нужен! Он к душманам сходил, «чарс» у них отобрал и мне принёс! Вот это волшебник!». И скоро об этой истории узнал весь полк.)

В конце концов наши решили не брать «зелёнку», а запустили туда весь боезапас артиллерийский. Мы вернулись в сам Кандагар, оттуда опять самолётом — к себе в Кабул.

КАРАУЛ

Только вернулись из Кандагара — сразу в караул. Меня поставили охранять парк машин. За парком — колючая проволока, дальше поле и метров через четыреста-пятьсот начинаются дома — это уже окраина Кабула.

Часовому надо ходить вдоль проволоки, как мишень (а «духи» тут постреливали время от времени). Это был конец декабря, ночью холодно. Надел бушлат, бронежилет, автомат сверху. Хожу, как огромная макивара (в карате тренажёр для отработки ударов. — Ред.), не попасть в такого человек просто невозможно. Ходил-ходил — думаю: «Опасно... Надо отойти подальше от проволоки. Хоть я и не дембель, но что-то не очень хочется маячить туда-сюда».

Хожу уже между машинами. Иду-иду... Вдруг — бум, меня что-то ударило! От-

крываю глаза — лежу на земле. То есть я на ходу заснул и упал. Встал: «Как это?!.». Ну ладно бы я лежал и заснул. Но я же шёл! Снова иду-иду-иду. Так хорошо становится, тепло-тепло-тепло... Бам — опять на земле лежу. Вскочил, уже побежал. Тепло-тепло-тепло, словно как в тёплую воду погрузился... Бум — опять на земле! Сообразил, что я уже и на бегу заснул. Выбросил бушлат, бронежилет. Но уже и в одном кителе на бегу заснул! Встал — автоматом по спине себя бью! И стал изо всех сил бегать по кругу. Чувствую тут — вроде проснулся.

И вдруг слышу: «Витёк! Это я, «Сокол»! У меня «дэцл» есть и печенье. Давай захаваем!». Вся рота в нарядах, дружок мой попал в столовую. А «дэцл» — это банка сгущёнки, сто сорок граммов. Нам в принципе в Афгане каждое утро сгущёнку давали, в кофе её заливали. Но те, кто был в наряде в столовой, из сорока двух банок, которые были положены на полк, половину тырили себе. Все об этом знали, но никто даже не ворчал. Все понимали, что наряд в столовую — самый тяжёлый, сутки вообще не спишь.

Мы залезли в кабину «камаза». Успели по одному разу печенье в сгущёнку макнуть, и тут же домиком голова к голове сложились — вырубились оба...

Караул пришёл — меня нет! Все очень испугались, когда увидели, что я пропал. Ведь «духи» могли зайти в парк и ута-

щить меня. Это же «залёт»! Сорок минут искали, но докладывать побоялись.. Ведь если придётся разбираться, то выяснится, почему я заснул. Отстоял свои два часа. Тут приходит дембель: «Теперь за меня два часа стоишь!». Через два часа пришёл уже и мой главный дембель, Умар: «Так, за меня два часа стоишь!». Отстоял шесть часов — уже моя смена подошла, стою за себя два часа. То есть я стоял всю ночь и поэтому под утро отключился окончательно.

Проснулся от ударов. Спросонья не могу понять, что происходит: бьют руками, ногами, но не по лицу, а как матрас выбивают. Тут самый свирепый дембель хотел меня побить уже по-настоящему. Но Умар сказал: «Ты что, обалдел, не трогай! Он же восемь часов стоял».

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Через некоторое время меня вызывают в особый отдел — разбираться с моим походом к душманам под Кандагаром. Против меня грозились возбудить уголовное дело. Перед этим меня пригласил командир полка: «Смотри, могут сломать! Не колись — наш полк хотят признать лучшим полком ВДВ. Если что, то я тебя оттуда на боевые выдерну».

И получалось, что на боевых я отдыхал. Вернулись, оружие почистили, в баню сходили, кино посмотрели — на следую-

щий день меня в особый отдел. Особисты пугали гауптвахтой, тюрьмой: ««Давай, колись, как ты у душманов побывал!». — «У каких душманов?». — «Солдат, говори, сколько душманов было, сколько «чарса» принёс! Кто тебя послал?». А мне пришлось говорить, что ничего не было. Перед этим дембеля пригрозили: «Смотри, не расколись!». И действительно, если бы я рассказал всё, как было на самом деле, то у дембелей были бы очень большие проблемы. Но и мне бы точно крышка пришла.

Прошло полгода, первый особист уехал в Советский Союз, дело передали другому. А второй майор оказался моим земляком из Саранска. Пригласил меня: «Слушай, «зёма»! Все же говорят об этом. Ну расскажи, интересно же!». Я: «Товарищ майор, за копейку хотите купить? Хоть арестуйте, можете даже расстрелять меня — ничего не было. Это же смешно, как это вообще могло бы быть? Давайте мы вас сдадим в плен в тельняшке десантника и посмотрим, что от вас останется! Может, ухо или что-нибудь ещё...». Он так разозлился! Ходили слухи, что он владеет гипнозом, поэтому я ему в глаза не смотрел. Он: «В глаза мне смотри!». Я: «А чего мне в них смотреть? Они что, красивые, что ли?..». Конечно, я рисковал, так с ним разговаривая. А что было делать?!. Я тогда оказался между трёх огней: с одной стороны, дем-

беля, которые меня послали за анашой, с другой стороны, командир полка говорит — не колоться! А особист требует: колись! Так что спасся я из этой ситуации просто чудом.

А спасал меня, как и обещал, командир полка. Звонят особисту: это наш снайпер, он очень нужен на боевых. Но как только возвращаюсь с гор — опять всё сначала. (Кстати, наш командир полка сейчас — замкомандующего ВДВ, генерал Борисов. Очень хотел бы с ним встретиться и поблагодарить.)

Я думаю, что особисты прежде всего хотели наказать солдат, которые послали меня за анашой. Разговаривал майор со мной очень жёстко. А тут как-то говорит: «Ладно, «зёма». Дело мы закроем. Расскажешь, как было?». Я: «Товарищ майор, давайте так! Домой в Саранск вернёмся, водочку поставим, выпьем, посидим, шашлычка поедим. Тогда и расскажу. Интересно было, просто отпад! Но тут, простите, скажу: ничего не было».

Майор этот оказался человеком порядочным. Когда уезжал в Союз, спрашивает меня: «Может, что-нибудь передать родным?». Я попросил отдать им «афганку» (специальная форма одежды. — Ред.), мне самому вряд ли удалось бы её через границу провезти. Но нас подняли по тревоге, и я попросил своего товарища отнести мою «афганку» особисту. Тот отнёс, но другую, пятьдесят шестого размера!

Сестра потом рассказывала, что в Саранске к ней пришёл майор и отдал «афганку». Но когда я её дома в руки взял — это оказался огромный халат какой-то! Вот думаю, хитрый хохол! Куценко его фамилия. Но зла на него не держу. Пусть и Бог его простит.

ЧАРИКАР, ПАГМАН, ЛАГАР

Буквально через несколько дней после возвращения из Кандагара, перед самым Новым годом, нам сказали, что опять надо выйти на точки. Вроде «духи» на Новый год собираются обстрелять Кабул. Мы поехали в Чарикарскую долину, оттуда на Пагман. Дальше нас загнали в горы. Мы взяли большую палатку, и мне как молодому дали её нести. Я: «Почему я? Разве больше некому?». Дембеля: «Если хочешь с нами ходить на боевые, бери и неси А если нет — будешь оставаться на броне». Если бы я отказался нести палатку, это был бы мой последний выход.

Палатку мне положили сверху рюкзака. Иду в гору и чувствую, что уже еле живой. А прошёл всего-то метров триста. Тяжело было ещё и морально: я же не знал о своих возможностях, сколько я вообще могу выдержать. (Я до этого видел парня из моего взвода, которому лямка рюкзака перетянула что-то на плече, и у него онемела рука. Он месяца два или

три провалялся в госпитале. Там рука окончательно высохла, он стал инвалидом. Комиссовали...)

Дембель Умар остановился: «Ну-ка стой! Ты же сейчас помрёшь! Дышишь неправильно». Посидели с ним минут пять, он дал мне два кусочка сахара-рафинада. Говорит: «А теперь давай вместе со мной — ровненько, не торопясь. Пошли. Пускай они бегут. Далеко всё равно не убегут, не беспокойся».

Двинулись дальше. Но я всё опасаюсь, что не выдержу. А выдержать для меня было самым главным! И тут я вспомнил слова командира учебного полка: «Если тебе тяжело, то другим ещё тяжелее. Ты ведь морально сильнее». Такие слова обязывают... Если он вправду так думал, то я обязательно должен выдержать! И поставил себе цель: если даже будет невыносимо трудно, буду руку себе кусать, но буду держаться.

Шёл-шёл-шёл... И вдруг появились огромные силы, второе дыхание. Об этом я много слышал, но на деле оказалось, что оно открывается намного быстрее, когда ты несёшь большие тяжести. Буквально метров через пятьсот дыхалка заработала, как часы. А ноги-то у меня нормальные! И я пошёл-пошёл-пошёл!.. Одного обогнал, второго, третьего. В результате поднялся на гору первым.

Поднялись на высоту тысяча шестьсот метров. Только мы расстелили палатку,

присели поесть... Тут команда: подниматься выше! Но дальше нести палатку досталась уже не мне. Шли часов десять и поднялись на три тысячи двести метров.

После этого случая я часто брал дополнительный груз. Командир спрашивает: «Кто понесёт дополнительные мины?». Никто не хочет. Говорю: «Давайте я». Конечно, я рисковал. Но мне хотелось доказать, что могу. А дембеля сразу обратили на это внимание и стали лучше ко мне относиться: не били, практически вообще не трогали. Хотя было за что! В горах ведь всякое бывает: не туда посмотрел или, хуже того, заснул. А молодой солдат засыпает только так! Стоишь, спать вообще не хочется. Туда-сюда посмотрел. Вдруг — бум!.. Прилетел удар от дембеля. Оказывается, ты уже спишь. Границы между сном и бодрствованием вообще нет.

Когда мы ещё ехали по Чарикарской долине и заехали в предгорья, то пошёл хлопьями снег. Вокруг глина склизкая, все грязные! Когда вижу видео из Чечни, всегда вспоминаю эту картину.

Для ночёвки растянули палатку. В палатке «поларис» (печка из танковой гильзы. — Ред.) стоит, тепло... Ребята бросают на землю бронежилет, сверху спальник зимний — так и спят. Я пока чем-то занимался, прихожу, а в палатке уже места нет! Дембеля: «А ну, брысь от-

сюда!». — «А где же мне спать?». — «Твои личные проблемы. Иди спи в броне». — «Там же железо кругом, колотун!». — «Твои проблемы». Что делать — непонятно...

Пошёл, открыл БМП. А наша машина на полметра от пола была забита мешками с луком, мы его у «духов» как-то взяли. Лук красно-синий — очень вкусный, сладкий. Мы жарили его с гречкой (я дома до сих пор так делаю).

Люк закрыл, положил бронежилет на мешки, залез в свой спальник и лёг спать. Вдруг просыпаюсь от грохота — дынь-дынь-дынь-дынь! — «Открывай!!!». Вылезаю из БМП, спрашиваю: «Что случилось?». Смотрю — стоят дембеля, все мокрые! Оказалось, что они вырыли под палатку яму, в ней рядами и лежали. А ночью пошёл дождь, и вода в эту яму так ливанула, что залила от дна сантиметров на двадцать. Спали крепко, поэтому когда проснулись, уже все мокрые. Умар мне: «Ты самый хитрый! Давай сюда свою одежду!». — «Так ты же сам меня загнал сюда!». Отдал Умару свою сухую одежду, но его мокрую не стал полностью надевать.

Тут команда — всем на боевые. Умар мне — остаёшься здесь! Я: «Почему?». — «Я старший группы. Сказал — остаёшься!». Ну ладно, он дембель. Остаюсь, значит остаюсь. Они пошли в горы, а я так расстроился...

Но мне опять повезло. Они поднялись наверх, а там снег! И тут ещё ударил мороз, градусов двадцать. Их продержали в горах двое суток. Снегом их завалило, пришлось копать в снегу ямы и в них спать. Кто-то даже обморозился. Но обморозился не потому, что в мокрой одежде пошёл, одежда на них быстро высохла. Мышцы, когда работают, много тепла дают. (Меня дембель научил напрягать все мышцы секунд на двадцать. Потом мышцы отпускаешь — и от тебя пар валит! Жарко, как будто в бане парился.)

Когда они вернулись, то были жутко злые: «Кому это нужно было!». Войны с душманами никакой не было. Но на обратном пути они увидели на соседнем хребте каких-то оборванцев, которые шли без рюкзаков. Стали с ними воевать, а это оказалась своя пехота! Пока разобрались, успели двоих пехотинцев убить, а двоих ранить.

Мне дембель говорит: «Слушай, ты такой хитрый!». — «Да я же хотел идти! Ты меня сам не взял». Он: «Снимай одежду! Забирай свою, мокрую...».

«ЧМОШНИКИ»

После боевых заехали в Баграм, переночевали, оттуда уже вернулись в Кабул. В Баграме я встретил своего знакомого по учебке. Смотрю — возле «балдыря»

(в Афгане так называли полковое кафе, в Гайжюнае его обычно называли «булдырь») сидит какой-то пацан, похожий на бомжа, и ест буханку хлеба с торца. Мякиш вытаскивает, ломает и потихонечку съедает. Я зашёл в кафе, взял что-то. Вышел, мимо прохожу — вроде знакомое лицо. Подошёл — он вскочил: «Привет, Витёк!». Я: «Это ты?.. А что ты здесь, как «чмошник», сидишь?». — «Да так, захотелось кушать». — «А почему здесь ешь? Садись хоть на ступеньку, а то спрятался в углу». Он: «Всё нормально!». Это был тот самый парень из Минска, у которого мама была директором кондитерской фабрики.

И только потом ребята из нашей учебки, которые попали в 345-й полк в Баграм, рассказали, что он действительно «чмошник» (на армейском жаргоне — неопрятный, не следящий за собой, не умеющий постоять за себя человек. Сокращение от «человек морально отсталый». — Ред.). Не думал, что в Афган попадёт, но попал. И его там совсем зачморили! Мне его даже жалко стало. Хотя в учебке я его не любил: ведь именно его мне на кроссах и марш-бросках приходилось всё время таскать буквально на себе, замучил он меня совсем.

И история с этим парнем закончилась плачевно. Мне об этом потом рассказал заместитель командира их полка, мой земляк. В 345-м полку был «залёт»:

с БМП-2 украли пулемёт ПКТ (пулемёт Калашникова танковый. — Ред.). Похоже, что его продали душманам. Но кому он нужен? Это же не обычный пулемёт с прикладом. Конечно, из ПКТ можно и вручную стрелять. Но это же танковый пулемёт, штатно стреляет через электрический спуск.

Искали, выясняли внутри полка, чтобы дело дальше не пошло, — по шее же дадут! Но так и не нашли. Тогда на броне выехали к кишлаку и по громкой связи объявили: «Пропал пулемёт. Кто вернёт, тому будет большое вознаграждение». Пришёл мальчик и говорит: «Меня послали сказать, что пулемёт есть. Мы его купили». — «Сколько денег хотите?». — «Столько-то». — «Когда принесёшь?». — «Завтра. Деньги вперёд». — «Нет, сейчас — только половину. Остальное завтра. Если уйдёшь с деньгами и не вернёшь пулемёт — сровняем кишлак с землёй».

На следующий день мальчик вернул пулемёт. Наши: «Ещё денег дадим, только покажи, кто продал». Через два часа выстроили всех, кто был в парке. Паренёк-афганец показал — вот этот, белобрысый. Оказалось, что пулемёт продал сын директора кондитерской фабрики. Получил он за это пять лет.

На тот момент оставалось служить ему всего около месяца... Денег у него не было, у него всё отбирали. А ему хотелось домой тоже дембелем нормальным

вернуться. Ведь «чмошников» и на дембель отправляли как «чмошников»: давали грязный берет, такую же тельняшку. В «чмошники» попадали по разным причинам. У нас во взводе, например, был парень-самострел. Попали наши в окружение. Отстреливались. Появились раненые. И тут к ним пришёл вертолёт, но только за ранеными. Раненых загрузили. И тут парень отбежал в сторону, завернул ногу чем-то и прострелил. А это дембель увидел!

Самострел был с нашего призыва, но с ним мы даже не общались. Ведь десантники есть десантники, никто не любит несправедливость. Если кто-то пашет и делает всё правильно, а другой отлынивает, ничего не хочет делать, то постепенно тот и становится «чмошником». Обычно таких отправляли в какую-нибудь пекарню или уголь таскать. Они в роте даже не появлялись. В роте у нас был один такой из Ярославля, другой — из Москвы. Первый был хлеборезом, хлеб резал на весь полк, а другой котельную топил. Они даже не приходили ночевать в роту — боялись, что дембеля побьют. Оба так и жили: один — в кочегарке, другой — в хлеборезке.

С тем, который топил котельную, произошла трагедия. Пошёл он как-то к хлеборезу, тот ему хлеба дал. А это увидел прапорщик, который был старшим по столовой. Прапорщик был очень зануд-

ный, хлеб почти никому не давал. Забрал прапор у кочегара хлеб, положил на стол и как дал парню в «дыню»! Тот убежал к себе в кочегарку. Через какое-то время ему стало плохо, он пошёл к врачу. Врач принимал другого солдата, говорит — посиди. Парню стало совсем плохо... Вдруг зрение потерял. Врач завёл его к себе и стал расспрашивать: «Так что случилось, расскажи?». Тот успел рассказать, что его прапорщик в столовой ударил... И — умер... У него оказалось кровоизлияние в мозг.

Прапорщика сразу заклевали: «Ты сам-то кто такой? На боевые не ходишь». Его хоть не посадили, но куда-то перевели. Это был «залёт» конкретный. Как скрыть такой случай? И присвоили погибшему парню орден Красной Звезды посмертно. Конечно, самого парня было жалко. Мама его, директор школы, потом писала нам письма: «Ребята, напишите, какой подвиг мой сын совершил! В честь него школу хотят назвать». Мы про себя по-солдатски думаем: ничего себе! Такой «чмошник», а в честь него школу называют! Вот ведь как получилось: многих из нас сто раз могли на боевых убить, а мы выжили. А он избегал трудностей, а так всё трагически для него закончилось.

Ещё был один «чмошник». Звали его Андрей. Он писал стихи. Однажды после Афгана мы с друзьями на день ВДВ встречались на ВДНХ. Стою, своих жду.

Вижу — стоит какой-то парень, вокруг сгрудились десантники, которые в Афгане не служили. И он так помпезно рассказывает: мы там то-то, то-то, то-то!.. Я слушал, слушал — ну вот не нравится мне, как он рассказывает. И тут я его узнал! «Андрей! Это ты?!.». Он меня увидел — и пулей убежал. Спрашивают меня: «Кто он такой?». — «Неважно».

Он был морально слабый, на боевых не выдержал. Поэтому его оставляли в роте, никуда не брали. И плюс ко всему он за собой не следил: каждый день надо подшиваться — он не подшивается. И вообще не мылся, грязный ходил.

Мы-то сами постоянно себя в порядке содержали, одежду стирали. На улице под умывальником полковым (это трубы метров по двадцать пять длиной с дырками) ложбинка бетонная, по которой вода стекает. Кладёшь туда одежду, замылил и щёткой — ширк-ширк, ширк-ширк. Перевернул — то же самое. Потом щётку помыл и ею сгоняешь мыло с одежды. Постирал, позвал кого-то, вдвоём выкрутили, прогладил руками — и на себя надел. Летом на солнце всё высыхает минут через десять.

А Андрей этот одежду не стирал вообще. Заставляли — бесполезно. Но стихи писал неплохие. Приходят с боевых, дембель ему: «У моей девушки скоро день рождения. Давай что-нибудь такое придумай афганское: война, само-

лёты-вертолёты, горы, любовь-морковь, жди меня, я скоро вернусь...». Андрей: «Я так не могу!». — «Почему не можешь?». — «Мне нужно особое состояние...». — «А, воображение! Сейчас дам тебе воображение!». И берёт сапог. Андрей: «Всё-всё-всё... Сейчас будет!». И тут же сочиняет необходимые стихи.

Лентяй он был жуткий, засыпал везде. Уже будучи дембелем, я был в наряде по роте, он со мной. Ясное дело, что дневальным по роте дембель не стоит, молодые для этого есть. Прихожу — его нет на тумбочке. А эта тумбочка — в батальоне первая. Приходит командир батальона: «Где дневальный?!.». Я заспанный выбегаю: «Я!». — «Кто дежурный?». — «Я». — «А кто тогда дневальный?». — «В туалет сбежал». — «Почему никого не поставили?». — «Потому что я идиот, наверное...». Надо же было что-то сказать. — «Сам вставай!». Тут у меня всё закипело: между теми, кто ходит на боевые в горы, и теми, кто не ходит, — огромная разница. Вроде всё это ВДВ, но это отличается, как пехота и лётчики. Одни в горах постоянно рискуют, а на броне риска намного меньше. И я на тумбочке должен стоять!..

Я нашёл его: «Ты что, спишь?!.». Он: «Нет, я отдыхаю...». Причём ноль эмоций, спит себе... (Наверное, я точно так же спал, когда заснул на бегу на посту после Кандагара.) Врезал ему каким-то

сапогом: «А ну быстро на тумбочку!..». И буквально запинал его в коридор.

ДЕДОВЩИНА

Сам я дедовщину не переживал как какую-то катастрофу. Я вполне серьёзно считаю, что хорошо, что она есть. Ведь «деды» заставляли нас поступать правильно. Обычно сам правильно постоянно никто не поступает, это очень тяжело. А тут делать всё правильно тебя заставляют силой! И ты просто вынужден жить не так, как хочется, а так, как надо. Конечно, всякое бывало... Например, дембеля отнимали у молодых все деньги. Единственный дембель, который не отнимал деньги, был мой Умар. Как снайпер я получал пятнадцать чеков в месяц. Он один чек забирал, а четырнадцать оставлял. А другие дембеля деньги забрать у меня не могли — он меня от них защищал.

Помню, как-то собирались они в соседнем модуле, у «химиков». После Кандагара расслабились — сидят, курят... И вдруг меня зовут! Идти туда страшно — неизвестно, что им, обкурившимся, в голову придёт. Прибегаю. Умар: «Видите? Запомните его!». И после этого меня уже не трогали.

Был у нас сержант, который отвечал за продовольствие. Он страшно боялся дембелей, прятался, скрывался от них

везде, чтобы его не побили. Поэтому со всеми дембелями организовал хорошие отношения. Они приходят к нему, берут что-нибудь вкусненькое: шпроты, сгущёнку, рыбку. Как-то опять меня дембеля вызывают. Думаю — снова обкурились. Прихожу, вижу — ещё не успели. — «Что надо?». Умар: «Иди к этому, возьми две банки сгущёнки, две пачки печенья, две банки вот этого, вот этого, вот этого...». Я: «А если не даст?». — «Даст!».

Прихожу, говорю: «Слушай, Умар послал. Надо три банки этого, три этого, три этого...». Тот без звука дал. Я лишние банки себе затырил, мы с друзьями их съели. Проходит дня два. Умар сидит с дембелями и мне говорит: «Иди сюда!». Думаю — что-то не так. Чувствую — сейчас врежет. Подхожу... Он: «Ты на днях еду приносил? Приносил. И сколько ты взял банок?». Говорю: «Умар, да что ему эти банки! Взял всего по три. И мы тоже захавали «дэцл!». Он: «Слюшай! Какой маладэц, какой сообразительный! Надо же так додуматься! Свободен!».

И мне эта жизнь нравилась. Дикой дедовщины в роте у нас как таковой не было. Вот во второй роте была, там ребят действительно избивали. А у нас давали «колобашки», могли в грудь врезать. В пуговицу на кителе я много раз получал, даже синяк оставался и кожа в этом месте огрубела. Но получал за дело — я же постоянно попадал впросак!

Свою дембельскую одежду дембеля делали сами. Максимум, что меня заставлял Умар, так это чистить его автомат и приносить ему еду из «балдыря». Ещё я вместе со своей одеждой стирал одежду Умара. Вот и всё. Нет!.. Ещё по утрам я его таскал на плечах. Он прыгает на турник и кричит: «Лошадка, сивка-бурка, ко мне!». Подбегаю, он садится на меня верхом. Все бегут под песню Леонтьева: «А все бегут-бегут-бегут-бегут...». Это была полковая песня, которую через большой динамик нам постоянно крутили, а мы по грязи под неё круги мотали. А я ещё и Умара на плечах несу! Все на меня с сочувствием смотрели: ну и «дед» у тебя, прямо какой-то узурпатор! Но на самом деле таким способом он качал мне ноги!

Злости в отношениях между им и мной вообще не было. Разница была только в том, что я молодой, а он — дембель. И у меня было к нему уважение, потому что на боевых он всё делал правильно. И ещё он люто ненавидел афганцев. В Афган напросился сам. В Душанбе, где он жил, у него была девушка. И эту девушку в парке изнасиловали афганские офицеры, которые учились там в военном училище. Он сказал, что нашёл их и жестоко отомстил. Хотели арестовать — вроде его кто-то видел. Он пошёл в военкомат и напросился в Афганистан переводчиком, он ведь таджик по национальности, язык знал. Сначала был переводчиком в диви-

зии. Но потом «залетел» на боевых (вроде, когда забили караван, деньги себе взял) и его сослали в боевую роту.

Кстати, когда он увольнялся, то мне целый мешок денег подарил. Большой такой мешок, килограммов тридцать. Я заглянул — там вперемешку афганские деньги, чеки и доллары. Какие-то просто так спрессованы, какие-то резинками перевязаны. Я эти деньги даже считать не стал, побоялся: ведь если бы меня по тем временам с долларами прихватили, то точно бы кердык мне пришёл. Поэтому в конце концов я мешок закопал.

Но когда первый раз открыл мешок, то часть денег ребятам раздал. Некоторые магнитофоны «Шарп» себе купили, тогда в Союзе их трудно было достать. Но я был парень деревенский и не понимал, почему все так стремились купить магнитофон. Для них это была мечта, а для меня — ничего особенного. А потом, когда стал дембелем, я думал уже не о магнитофонах, а о том, чтобы живым остаться. До сих пор я живу этой мыслью. Каждый раз, когда мне совсем тяжело, у меня моментально мысль появляется: «Господи, ну чего я-то жалуюсь? Ведь там я мог давно погибнуть!».

Магнитофоны купили все, кроме Кувалды, Серёги Рязанова. Он тоже парень деревенский. И тут командир роты узнал, что в роте есть деньги, — ему стукач сказал. Стукачей я знал конкретно.

Командиром роты был мой земляк из Мордовии. Когда я попал в эту роту, он узнал, что я его земляк (мы из соседних районов), и чуть ли не каждый день приглашал меня на чай, беседовал... Дембеля: «Ты что-то часто к нему ходишь. Гляди там, не закладывай!». — «Да нет, он ничего не спрашивает». — «Смотри!.. Он хитрый».

КАК Я ОТКАЗАЛСЯ БЫТЬ СТУКАЧОМ

И дембеля как в воду глядели! Примерно через месяц — чай-кофе, чай-кофе-конфетки — командир роты спрашивает: «Ну как там дела в роте? Бьют?». — «Нет». — «Как же нет? Тебя же вчера побили». — «Так это же за дело!». — «А кто тебя бил?». — «Это неважно». — «Нет, ты докладывай». — «Не, не, не буду. Вы же всё-таки офицер, а я солдат. Это наше солдатское дело». — «Нет, ты рассказывай. Я ведь знаю — побил тебя такой-то». — «Откуда вы знаете?». — «А я всё знаю». — «Зачем вам это знать?». — «Я же командир роты! Кормлю тебя, чаем пою. А ты в ответ — ничего». Тут у меня аж челюсть отвалилась: «И что?..». — «Давай договоримся так: ты мне говоришь, что в роте творится. А я тебе как земляку, как родному человеку, обеспечиваю Красную Звезду, «За отвагу», «За боевые заслуги». И домой поедешь старшиной. Договорились?». — «Я не понял?.. Вы что,

предлагаете, чтобы я стучал?!.». — «Зачем стучать? Просто будешь рассказывать». — «Так это же стукачество?». — «Да никакое это не стукачество!». — «Знаете, товарищ командир, я так не могу!». — «Короче, будешь докладывать! Не будешь — всем скажу, что ты стукач, и тебе будет крышка! И мне поверят, потому что мы с тобой целый месяц чай пьём. Скажу, что ты мне доложил то-то и то-то». Я встал: «А пошли бы вы вообще очень далеко, товарищ командир, с такими предложениями!». И пошёл к себе. А стучал командиру роты парень из Чувашии. Он постоянно с командиром чай пьёт, а тот про нас потом всё знает. Стал старшиной, Красная Звезда, «За отвагу», за «Боевые заслуги» — всё совпадает.

Так вот этот командир роты за мой отказ стучать на мне как следует отыгрался. Пока я был молодой, всё было нормально — только дембеля меня гоняли. «Фазаном» — тоже более или менее ничего. Но когда стал дембелем — это просто кошмар. Командир роты меня просто достал! Во-первых, он все мои наградные резал. А те, которые командир полка выписывал, пилили уже в особом отделе. Он приходил туда и докладывал: этого награждать нельзя. Командир взвода трижды написал на меня представление на орден Красной Звезды и четыре раза на медаль «За отвагу». Ничего не дошло. А все вокруг с медалями!

СНАЙПЕР

Я отслужил половину службы, стал «фазаном». К тому времени стал снайпером и окончательно научился точно стрелять. Но оказалось, что снайперская винтовка очень сильно меняет сознание человека. Мне это не понравилось. Оказалось, что на самом деле это — большая опасность. Только ещё начинаю целиться в душмана и вдруг понимаю: он точно мой, не уйдёт... Я стреляю, он падает. И чувствую, что попадаю. И после этого у меня в мозгу стало что-то меняться не в лучшую сторону. Я ощутил: что-то странное происходит, как будто какие-то непонятные силы стали мною овладевать.

Однажды мы окружили душманов: расселись по горам, а они в ущелье, в маленьком кишлаке. Через четверо суток они сдались в плен: мы вызвали авиацию, артиллерию, и они поняли, что скоро от них и от их кишлака ничего не останется. По такому случаю приехали представители афганского правительства, телевидение, иностранцы какие-то.

До этого бывало, что окружённых душманов наши брали в плен. А «духи» после этого писали жалобы, что их избили и деньги отобрали. И у нас в роте такой случай тоже был. Молодой неопытный командир взвода взял двух «духов». Наш командир ему говорит: «Не бери. Бахни — и всё!». Тот: «Нет, я возьму! Мне

за это дадут орден и старлея». Мы: «Глупый человек...». Лейтенант сдал пленных куда следует. А через неделю его приглашают в особый отдел: «Это были мирные люди, они просто защищали свою деревню. Мало того, что вы их избили, вы ещё взяли у них большие деньги. Где деньги?». — «Мы не брали». — «Пришло указание из ХАДа. Чтобы через пять дней деньги были. Если денег не будет — будешь сидеть два года».

Дело дошло до командира полка. И, видимо, из чемодана командира дивизии выделили средства, на которые лейтенанта выкупили. После этого он быстро научился, как надо действовать, и ненавидел душманов конкретно. А если в таких ситуациях «духов» убивали, то пули вытаскивали. Ведь по пуле можно было определить, по крайней мере, кто стрелял — наши или душманы. У меня вообще всегда с собой были душманские патроны. Когда мы захватывали оружие, я часто тырил патроны калибра 7,62. Они немного другие, но к моей винтовке подходили. Думал: если уж придётся стрелять, так хоть не поймают.

Видим: «духи» идут прямо под нами ниже метров на четыреста, растянулись чуть ли не на километр. Так руки чесались! Ведь до того, как мы их окружили, у нас были потери. Но командир дивизии строго-настрого стрелять запретил, вплоть до трибунала.

И вдруг под вечер мы видим — они идут уже обратно! С автоматами, с ружьями своими древними. Выходим на связь, а нам говорят: «Душманы подписали соглашение, что не будут с нами больше воевать». То есть они перешли в категорию мирных. Но мы-то уже точно знали, что такого не может быть в принципе! Днём — мирный афганец, ночью — душман!

И мы не выдержали: «Командир, давай бахнем! И сразу оружие почистим». Поставили миномёт, запустили мины. Потом я первым из винтовки стал стрелять. Запустил в толпу двадцать пуль с расстояния четыреста метров. А душманы все разбежались в разные стороны и за камни спрятались! Ни один не упал... После этого до самого дембеля надо мной все подшучивали: «Эх ты, ещё снайпер называешься! Да какой ты снайпер, в кучу не попал?!.». Думаю: «Как это может быть? Я же с четырёхсот метров без проблем попадаю в кирпич. А тут ни один «дух» не упал!».Тогда мне было очень стыдно. А сейчас думаю: слава Богу, что я тогда никого не убил...

АППЕНДИЦИТ

Как-то у меня заболел живот. Сказали, что похоже на аппендицит, и отправили в медсанбат. Запомнил почему-то каталки зелёные военные. Было жарко, и меня

положили прямо на железку. Обработали живот — облили место операции йодом. Йод стёк вниз, и потом у меня кожа облезла чуть ли не до колена. Разложили на груди инструменты и стали резать...

Резали меня два капитана из Военмеда. Разрезали живот: сначала немного, потом для своего удобства дальше разрезали. Было настолько больно, что казалось, будто меня в костёр бросили! Несказанно тяжело было боль такую терпеть, только какие-то секунды можно, потом просто невыносимо. Было ощущение, что как будто я с ума схожу. Со стоном рычу: «Больно мне!..». Они: «Чего орёшь, десантник! Да что ты за десантник такой!». И дали палку в зубы.

Резали-резали... В этот момент духи стали обстреливать полк реактивными снарядами! Попали в электроподстанцию, от которой операционная питается — свет вырубился. Капитаны пошли узнавать, когда будет освещение. Пришли, говорят: «Сейчас грузовик пригонят, подключат генератор». Пока пригнали, пока подключили — прошёл час. А мне так невыносимо больно, что не передать: я волосы рву на себе, руки кусаю... Наконец свет дали, операцию продолжили.

Когда аппендицит вырезали, один доктор другому говорит: «Слушай, оказывается, у него не аппендицит...». Я им кулак показываю: «Не посмотрю, что вы два капитана!..». Те: «А что же у него было?

Непонятно... Ладно, зашьём. По крайней мере, аппендицита у тебя точно уже не будет». И тут один другого спрашивает: «Ты сколько ему уколов сделал?». — «Каких?». — «Промедола». — «Я не делал — ты же делал!». — «Ты чего, шутишь, что ли? Ты же делал! Ты точно не делал?». — «Нет!». И оба ко мне: «Ты нормально себя чувствуешь, нормально?!.». Я: «Всё нормально, всё нормально...». Если были бы силы, я бы им точно прямо тут врезал!.. (Потом мне в Военмеде врачи сказали: «Это невозможно. Такой болевой шок человек не может выдержать. Ты должен был отрубиться!». Я им говорю: «Но если бы мне сделали хотя бы местное обезболивание, то не было бы так больно. Ведь когда зубы лечат и делают укол, тогда же не больно!».)

Капитаны мне быстро — тык-тык-тык — сделали несколько уколов в живот. И боль сразу пропала! Отвезли в палату, там сделали ещё какой-то укол, после которого я проспал тридцать восемь часов. Проснулся — а у меня левая рука отказала прямо от плеча, лежит как полено. Врачи сказали, что санитарка, которая мне последний укола делала, могла задеть то ли мышцу, то ли нерв.

Я очень испугался — ведь я теперь инвалид на одну руку! В ней вообще ничего не чувствую: поднимаю другой рукой, отпускаю — а она падает как бревно! Тут силы душевные меня покинули, я стал

равнодушным, вялым, ничего хорошего впереди не ждал... Но мой друг Виктор Шульц из разведроты (его с ранением положили в нашу палату) говорит: «Витёк, не сдавайся! У тебя хоть одна рука работает. Смотри — тут инвалиды вообще без ног, без рук». И стал каждый день мять мне руку по часу.

Проходит где-то дней двадцать-двадцать пять. (Это были двадцатые числа мая 1986 года.) Сижу как-то — вдруг у меня палец на руке стал дёргаться! Но я всё равно ничего не чувствую! Виктор кричит: «Витёк, рука заработала!». И мы уже целый день по очереди руку массировали. Ребята подключились. Один мне левую руку мял, а я правой рисовал ему на забинтованных ногах кроссовки «Адидас», потом другому на забинтованной руке боксёрские перчатки изображал... И рука у меня постепенно восстановилась. Сначала три пальца ожили, потом — оставшиеся два. Подтягиваться некоторое время я не мог, но к августу 1986 года восстановилось всё полностью. Сейчас мне врачи говорят, что я мог руку отлежать, когда спал почти сорок часов. Вроде бы такое бывает...

БУНТ МОЛОДЫХ

После операции прошло чуть больше месяца. Я по-прежнему числился наводчиком-оператором БМП. У меня от

этого всё внутри кипело: я же снайпер, это такая опасная работа! А наводчику-оператору нужно чистить пушку, которая весит сто двадцать килограммов. Попросил молодого солдата почистить её, а он не почистил! Командир батальона пришёл проверять, и выяснилось, что пушка нечищеная. Тот — выговор командиру роты. А когда последний узнал, что именно я должен был это сделать, то даже обрадовался... Говорю ему: «У меня только что операция была». — «Ничего не знаю!». Пришлось мне вытащить пушку, почистить, обратно поставить. Пошёл в туалет, смотрю — у меня шов порвался, весь живот в крови. Помылся, постирал одежду, заклеил пластырем. Потом — в санчасть, там чем-то ещё заклеили. Целый месяц я на боевые не ходил.

Молодому врезал. Потом ещё раз! Он: «За что?!.». — «Из-за тебя у меня шов порвался!». — «Это твои проблемы». Говорю: «На твоём месте я попросил бы прощения. Ты что, этого не понимаешь?». Он: «Я не должен пушку чистить, не надо меня бить». После этого ночью молодые собрались вместе, подошли ко мне (я как раз охранял рюкзаки на улице) и говорят: «Если ещё кого-то из молодых тронешь, мы тебе «тёмную» устроим!». Говорю: «Всё ясно, вы свободны! Я вас учить больше не собираюсь. Воюйте, как хотите».

Потом я долго думал над этим. Возможно, Господь спас меня через послушание дембелям. Ведь сколько трудностей у меня было, командир роты просто житья не давал! Но я страшно любил ВДВ и готов был терпеть всё! И до сих пор я беспредельно люблю ВДВ. Дембелям я подчинялся полностью, делал, как мне приказывали. И при этом я к ним хорошо относился, за исключением одного из них. Как-то в столовой тот на меня суп вылил. Ему в обед не досталось мяса в супе — другие дембеля съели. Он: «Где моё мясо?!.». Я: «Там, в бачке». — «Тут его нету!». — «Ну не я же его съел! Твои дембеля и съели». — «Где мясо!». — «Слушай, откуда я знаю где?!. Было там. Я его не ел». Он: «Кругом!». Я повернулся, и в этот момент он мне суп на голову вылил. Суп тёпленький был, я не обжёгся.

Пошёл стираться. А тут меня стал искать мой дембель Умар. — «Ты где был? Я просил, чтобы ты картошки принёс». — «Я стирался». — «А чего?». — «Мясо Кузино вы сожрали (фамилия дембеля была Кузнецов), а он рассердился и суп на меня вылил...». Тут Кузя заходит. Умар ему так врезал, что тот упал! — «Кто тебе разрешил моего солдата трогать?!.». Кузя потом подошёл ко мне в столовой: «Ну что, жалуешься, стучишь?..». А я про себя только порадовался: ведь сам я не мог дембелю врезать, не положено. Хотя очень мне хотелось... Поэтому то, что мо-

лодые решили мне «тёмную» устроить, было неправильно.

Кузя отличился так дважды. Первый раз — с Кувалдой, второй раз — со мной. Кувалда — это мой самый близкий друг в Афгане, Сергей Рязанов. Он был тоже из деревни, из Курганской области. Кувалдой его звали потому, что руки у него были, как маленькие дыни. Дембеля, когда к ним приходили друзья, всё время повторяли одну и ту же шутку: «Кувалда, иди сюда! Ну-ка, поднеси ему!». Кувалда подносит руку — и все хохочут... Кувалда служил в Афгане на три месяца больше меня. Он в Фергане в учебке был всего три месяца, а я в Гайжюнае — полгода.

Мы только спустились с боевых, и тут Кузя Кувалду просто достал: суп сварил не так, быстро «дэцла» неси... Кричит: «Щенок, ко мне!». Кувалда был пулемётчиком, здоровенный парень. Берёт он свой ПКМ, в нём двести пятьдесят патронов бронебойно-зажигательных. Дембель весь побелел, у него руки затряслись... Кувалда как даст очередь в землю!.. Дембель побежал, Кувалда снова очередь в землю рядом с ним! Тут командир взвода Игорь Ильиничев стал его успокаивать: «Кувалда, тихо... Серёга, успокойся, успокойся... Положи пулемёт. Ты из-за этого дурака в тюрьму сядешь! Таких дебилов не так много. Ты что, пришёл сюда воевать и спокойно вернуться домой или

своих убивать? Положи лучше пулемёт. И успокойся...». У Кувалды руки трясутся, а дембеля остальные рядом стоят и тоже трясутся. Ведь ещё одна секунда — и Серёга их всех бы уложил!

Наконец Кувалда бросил пулемёт. И тут Умар как прыгнет на дембеля, из-за которого их чуть не поубивали, и как врежет ему в нос! Остальные дембеля добавили, командир взвода тоже добавил. Кузя побитый, весь в крови, кричит: «За что?!.». Ему: «Кувалда из-за тебя нас чуть не пристрелил... А у нас ведь через два месяца дембель!».

Перед самым отъездом этот нехороший дембель забрал у меня часы и ещё как-то меня подставил. Прихожу к Умару и говорю: «Он у меня часы забрал, которые ты подарил». Тот: «Не расстраивайся, я ему врежу! Мы с ним вместе летим. Я с него ещё и медали сниму». Я: «Нет, медали не надо. Заработал — значит заработал».

Мне написали, что через две недели после нашего отъезда с молодыми из моего взвода произошла трагедия. Взвод был на боевых. Они спустились с гор и возле БМП развели костёр. Обычно мы чай кипятили так: на камни ставили огромный двадцатилитровый чайник, под ним поджигали тротил. Он очень сильно горит, вода быстро закипала. Наши молодые притащили две артиллерийские гильзы танковые. Под гильзы положили шашки, которые под водой горят, и дрова. Ста-

ли кипятить воду. А оказалось, что одна гильза хоть и помятая была, но оказалась целая, не стреляная. Танк через неё проехал и смял. Внутри что-то было, но, наверное, они подумали, что туда просто земля набилась. А в гильзе был заряд... Парни сидели вокруг, только один зачем-то залез в машину. Тут рванула гильза... Все остались живы, но кто-то потерял зрение, кто-то руку, кто-то ногу. Мне очень жалко этих ребят...

Сейчас я понимаю, что у каждого есть своей предел. Я вообще не говорю об издевательствах ради издевательств — это абсолютно неприемлемо, эту грань нельзя переходить. Но для того молодого солдата, которого я ударил в грудь, это оказался предел. Он взбунтовался, а я отказался дальше его таким способом воспитывать. Но если ты не будешь выполнять указания дембеля, то пойдёшь в наряды. А в наряды уж как миленький будешь ходить, это же по Уставу. Ведь отказался идти в наряд — гауптвахта. И никуда ты из этой системы не выйдешь. Поэтому в армии больше всего боятся именно Устава.

Для меня дедовщина имеет совершенно другой смысл. Это система, при которой старослужащий учит молодых солдат. Конечно, учит жёстко. Мне везло на дембелей, они были люди хорошие. Да, они гоняли меня как сидорову козу, но не унижали без причины.

Мне кажется, что в армии на первом месте должно быть послушание. Сам я дембелей слушался без особого напряжения душевных сил, ведь в деревне чёткое послушание к старшим было обычным. Дембель ведь опытней меня. Он меня бьёт, но он же меня и учит! А на боевых никто никого вообще не трогал. Если за дело — то «колобашку» давали. Нагнулся, тебе между лопаток — хрясь! Ха-ха-ха — и всё на этом закончилось.

Так что принцип «залетел-получил» действовал неотвратимо. А что значит, например, «залетел»? Сидим мы как-то в части. Тишина. Я и пошёл к своему другу гражданскому, он работал в управлении маттехобеспечения. У него своей кубрик. Думаю: пообщаемся, «дэцла» покушаем. И пока я у него два часа сидел, полк по тревоге уехал на боевые. А меня, снайпера, нет...

Прибегаю — никого нет. Меня отправили в караул. Через неделю возвращаются наши: «А ну иди сюда!». Один дембель мне — дынь! Второй дембель — дынь! Спрашивают: «Ты где был?». — «Да «дэцла» у друга нажрался, отдыхал!». И на этом всё закончилось! А ведь за мой залёт реальная гауптвахта минимум на две недели. Это же было самовольное отлучение из части. Вот такая у нас была дедовщина.

КУНАР

В конце лета 1986 года нам говорят: едем на Кунар. Это страшное ме-

сто, именно там до меня погиб весь наш взвод. Они из вертолёта высадились на поляне. Только один парень зацепился за какие-то крючки в вертолёте, и лётчики улетели вместе с ним. А оказалось, что сели наши в центр «духовской» банды! Во время высадки душманы спрятались, а потом в упор расстреляли всех до единого. Выжил только тот парень, который зацепился за крючки.

Приехали мы на броне, а тут такой серпантин, дорога метров пятьсот вниз вырублена прямо в скале! Такого я ещё не видел. Проехали серпантин, доехали до Суруби, а дальше пошли в горы пешком. Мы должны были искать оружие. Шли трое суток, в день километров по двадцать пять. Как-то я нашёл пещеру. Встали на ночёвку. Обыскали — видно было, что душманы сбежали отсюда буквально перед нами, угли в костре были ещё тёплые. Нашли спальные мешки, тряпки всякие, еду. Но оружия не было. Тут вижу — наверху щель высотой сантиметров пятьдесят. Говорю Кувалде: «Подержи меня». Поднялся, как мог, дальше руку просунул. Вдруг чувствую — что-то круглое! — «Кувалда, там мина! Что делать?». — «Дёрни резко руку!». Дёрнул, жду взрыва — нет...

Принесли что-то подставить, я встал и заглянул в щель — вроде не заминировано. Вижу — какие-то баночки. А в них оказалось чистое эфирное масло для

женских духов! Командир взвода всё баночки у меня отобрал. Оказалось, что одна стоит около трёхсот чеков, больше чем месячная зарплата офицера. Говорим командиру: «Дайте хоть помазаться!». Он: «А зачем вам мазаться?». — «А вам они зачем?». — «Женщинам подарим».

Чтобы душманы не подошли незаметно, над ущельем стали подвешивать ракеты осветительные на парашютах. Они висят минут по двадцать, освещают огромную территорию. А после запуска каждой ракеты вниз падает гильза. И эти пустые гильзы со страшным воем на нас через каждые двадцать минут стали обрушивались. Мы забились кто куда, никто глаз ночью не сомкнул...

На последний перевал воды у нас не осталось. Некоторые теряли сознание от обезвоживания. Наверх я поднялся первым. И пока поднимались остальные, я уже отдохнул и первым стал спускаться. До наших оставалось всего километра три. Иду уже по равнине, один. И вдруг вижу — с левой стороны от меня море, и волны огромные о берег бьют со страшным гулом! Думаю: это же глюки! Не может быть здесь не то что моря, а даже озера никакого. Закрываю глаза, уши. Открываю — снова вижу и слышу морской прибой! Таких миражей я раньше никогда не видел. Твержу про себя: «Меня зовут Виктор, я нахожусь в Афганистане... Вот моя винтовка, я нахожусь

в горах». И в то же время — натуральные галлюцинации!

Вдруг смотрю: справа от меня из-под земли вода льётся! Льётся, льётся по ложбинке, а потом снова под землю уходит. Остановился и думаю: «Вот это глюки! Что делать?». Решил подойти поближе. Сунул руки в поток — вода между пальцев течёт. Думаю: наверное, на самом деле это песок, а мозг думает, что это вода. Решил попытаться набрать. Взял фляжку капроновую, засунул — вроде на самом деле вода! Решил — попробую попить. Достал фильтр, через него налил в другую фляжку. Бросил туда таблетки обеззараживающие, марганцовку, перемешал. Пью — вода! Не может же быть, что я песок пью! Выпил литр, но даже не почувствовал. Но через некоторое время ощутил воду в животе, у меня слюна появилась. И пока шёл оставшиеся километра два, у меня язык стал работать. До этого я его не чувствовал.

А наши с брони мне руками машут, в воздух стреляют: свои, свои!.. Оглянулся — за мной никто не идёт. Все наши, кто в горы ходил, почему-то пошли вдоль горы, это крюк километров восемь. Зачем? Не понимаю...

Дошёл. Мне: «Ты что, сумасшедший! Там же всё заминировано!». (А у меня ведь рации нет! Нашим передали, что тут мины, они и пошли в обход вдоль горы.)

У своих я выпил ещё литра два воды. Но я её уже чувствовал, это очень хорошо! Ведь часто бывало, что человек после обезвоживания одним махом выпивает воды литров пять, а ему пить всё равно хочется! Ведь рот и желудок воды не чувствуют вообще! И это часто очень плохо заканчивалось...

ЗАСАДА В КАБУЛЕ

В Афгане мы дали друг другу слово обязательно съездить к родителям наших погибших ребят. И в 1989 году я поехал во Львов к родителям Игоря Чипки — он погиб у меня на глазах.

В то время я был человеком очень жёстким, тимуровец конкретный. Если я дал обещание человеку, то неважно, что у меня в жизни происходит: я брошу работу, но выполню своё слово. Мне говорили: «Ты ненормальный!». А я отвечал: «Не могу по-другому, меня так воспитывали». Я от этой своей упёртости страшно страдал, даже в клинику неврозов попал.

И вот приехал я под Львов, деревня километрах в пятнадцати от города. Очень красивый памятник другу поставили на сопке. Мне рассказали, что здесь присягу солдаты из соседних частей принимают. В школе, которая была названа именем Игоря Чипки, собралась вся деревня. Я очень боялся, что меня за-

ставят рассказывать: ведь я же простой солдат, не писатель какой-то. Что же рассказывать? Но всё как-то само собой устроилось. Потом я пришёл домой к его родителям, маму встретил, потом папа пришёл. Из Львова сестра приехала, ещё родственники.

Стою, с мамой общаюсь. Отвернулся на секунду — вдруг кто-то мне по спине палкой как даст!.. Я отскочил, смотрю — а это мама его меня ударила! И бьёт второй раз! Но как десантник я быстро сообразил — стулом защищаюсь. Тут забегает папа, хватает её, обнимает: «Всё нормально, всё нормально...». Она успокоилась в конце концов, потом заплакала. Плакала-плакала, потом снова успокоилась. Поворачивается ко мне: «Садитесь, всё нормально! Игорь скоро приедет». Папа держит её, а сам мне показывает пальцем у виска. Оказалось, что ум у матери помутился на почве гибели сына...

Погиб Игорь в 1986 году. Где-то я видел упоминание, что погиб он 6 сентября. Но на самом деле погиб он 4 сентября на моих глазах. В Кабуле была гостиница «Международная» — это со стороны выезда на Пагман. Недалеко от этого места в своё время жили самые богатые люди Афганистана: князья, ханы и так далее. Это красивый оазис с пальмами, с бассейнами. Но когда мы приехали, там всё уже разбомбили. Слева — большая гора

ровная. На этой горе стояли наши, чуть ли не целый батальон. Они точками охраняли весь Кабул. Как-то к ним со склада пошла колонна машин — примерно «камазов» двадцать. Везли боеприпасы, продукты... Сопровождения не было, водители были без автоматов, только офицеры и прапорщики с пистолетами. Решили — это же Кабул, тут всё спокойно. И, видимо, кто-то душманам стуканул...

Там перед выездом через бугорок на ровное место с одной стороны — дувалы-дувалы-дувалы, а с другой — бруствер. То есть нашим даже развернуться негде было. «Духи» взорвали или расстреляли из гранатомёта первую и последнюю машины, а потом всех перебили: двадцать машин — это примерно сорок человек. Мы на следующий день даже не все трупы нашли. У тех, которых нашли, были отрезаны пальцы, выколоты глаза, некоторые тела были обгоревшие. Были и живые, ножами все истыканные... Смотреть на это было очень тяжело. Но к тому времени я уже отслужил в армии полтора года, поэтому в тот момент психика нормально отреагировала. (Сбой она дала уже после Афганистана.)

Полк у нас боевой, поэтому уже через полчаса после сообщения о засаде мы выскочили из части. Ехали туда на БМП минут сорок. Подъезжаем к горящим машинам, а «духи» никуда не ушли, нас поджидают! Началась бойня...

Ехали мы, как обычно, на броне сверху. Моё любимое место было справа возле ствола, обычно это место дембелей. Стрельба началась неожиданно, тут же рядом что-то взорвалось — взрывной волной нас с машины просто смыло! До сих пор помню стук осколков по броне — как сушёный горох на дно ведра железного посыпался... Пылища, ничего не видно! Внутри остался один водитель. Потом ещё кто-то из молодых в башню залез и стал стрелять из пушки. Ствол прямо над нами, а стреляет он в бруствер, до него метров тридцать! Снаряды взрываются тут же, на нас дождь осколков сыпется! Кто-то в машину сзади залез: «Хватит стрелять, с ума сошёл!». Солдат из пушки стрелять перестал. Но вокруг всё равно каша: кто-то куда-то стреляет, пылища, ничего не видно, трассеры везде летают. Тут прямо у нас над головами кто-то из пулемёта стал стрелять, вообще головы не поднять.

В конце концов командир взвода кричит: «Все в машину!». Мешков с луком у нас на этот раз в БМП не было, как на Чарикаре, но всё равно мы забились внутрь, как селёдки. Мне досталось самое опасное место, за водителем. Это и был Игорь Чипка. Засунул винтовку и автомат каким-то образом, сам еле-еле забрался. Кто-то на меня сверху залез...

Командир кричит водителю: «Разворачивайся! Будем уходить обратно!». А во-

дитель лежит, откинувшись на сидение, вроде как спит. Его ногой двинули: «Ты чего, давай!..». А он убитым оказался... Осколок огромный срикошетил внутри машины и попал ему в голову. (Вот что удивительно: мы все сидели на броне — никого даже не царапнуло. А Игорь один был внутри — и погиб от осколка...)

Мы вылезли наружу, вытащили Игоря, снова залезли, а тело положили сзади. Колю Соколенко из Севастополя, который учебку закончил на водителя, сунули на водительское место. Тут прилетели самолёты и сбросили бомбы, они разорвалась метрах в двухстах от нас. Нас опять обсыпало осколками. Снова пылища поднялась.

Развернулись, идём обратно. Я опять сижу за водителем. Страшно неудобно: одна нога у меня через плечо водителя перекинута, винтовка в одну сторону торчит, автомат в другую... Командир кричит Коле: «Из колеи не выходить. Строго по колее!..». И тут у нашей машины отключилась электроника! Кто-то бросил бронежилет, он при повороте башни попал в зубцы. В результате башню заклинило, электричество отключилось и пушка застряла в верхнем положении. В принципе ничего страшного: надо было выключить питание и снова включить — всё бы заработало.

К тому времени мы уже почти вышли. Тут перед нами дувал, из-за него растёт

дерево, которое нависает над дорогой. Машины все нормально проезжают. Но у нашей-то пушка стволом вверх, не проходит! Командир взвода кричит наводчику: «Опусти пушку!». — «Не работает!». Ильиничев — бамс! наводчика по голове: «Опусти пушку!..». А Ильиничеву по рации уже командир полка кричит, он где-то сзади: «Кто там остановился! Под трибунал!..».

Коля от испуга забыл, что пушку можно опустить механически. Командир орёт, мы Колю по коленям бьём! Коля: «Товарищ командир, давайте объеду!». — «Я тебя лопатой убью, если будешь объезжать!». Тут ещё командир полка диким голосом орёт: «Водитель, я тебя просто живым закопаю!». Но Коля на свой страх и риск всё-таки стал дерево объезжать. Проехал два метра, развернулся, чтобы пушка прошла, и поехал дальше. Командир взвода: «Приедем, я тебя убью!..».

И вдруг слышим страшный взрыв! Нас так тряхануло в машине! Поняли, что подрыв, но мы-то живы! Командир: «Всем наверх!». Пулей вылетели из машины, я даже винтовку и автомат внутри бросил. Пылища, ничего не понятно...

Оказалось, что подорвалась машина из нашего 2-го взвода, которая шла прямо следом за нами. Мы все по этой колее заезжали, и обратно перед нами машин десять проехало. Но влетели мы на дорогу без инженерной разведки, обычно

в таких случаях танк с минным тралом первым идёт. Скорее всего, сработал фугас, настроенный на определённое количество нажатий.

Фугас пробил днище БМП-2, хотя там броня двадцать пять сантиметров. Все из той машины остались живы (они перед самым взрывом только-только наверх вылезли), но получили тяжёлые ранения и контузии. Некоторые по четверо суток не приходили в сознание. Парней так разбросало, что мы долго их в пыли искали. Причём даже водитель остался жив: он сдвинул крышку в сторону и ехал, наполовину высунувшись. Очень далеко улетел, весь переломанный оказался, но живой. Взрыв был за ним, как раз там, где мы сидели. Вообще-то при таком подрыве остаться живым практически невозможно. Говорят, что есть шанс, если все люки открыты. А если закрыты – то это взрыв в консервной банке... Получилось, что Коля нас спас. Подорвать должны были мы. Но Коля по собственной инициативе объехал дерево, и подорвалась следующая машина. Командир взвода подходит к нему: «Коля, я тебя люблю...».

Мы выехали из района, переночевали. А утром вернулись и окружили всё вокруг. Велели местным выйти и стали ждать. Не ошиблись: «духов» ловили прямо в женской одежде. В парандже идут такие здоровяки, а под паранджой

автомат... Но в конце прохода все должны «открыть личико»! Поймали «духов» не всех, часть ушли через кяризы (водяные колодцы, соединённые ходами. — Ред.).

На всякий случай нас держали тут четыре или пять дней. И боевая операция завершилась настоящим санаторием! Мы встали под огромной шелковицей, вырыли яму, положили туда палатку, завели воду с арыка и стали купаться. Рядом озеро размером километра полтора на километр.

Сначала попробовали в нём купаться, но с противоположного берега (там находился командир дивизии) стали стрелять из автомата по воде — нельзя! Сначала просто купались и грелись на солнышке — это же сентябрь, температура градусов пятьдесят! Потом нам привезли муки, мы жарили блинчики, картошку с тушёнкой. Решили рыбу поглушить: связали штук десять гранат и бросили в озеро. Они так взорвались — прямо как бомба какая-то!

Рыба-то всплыла! Но приехали офицеры и всё забрали. А нам сказали, что рядом находятся дипмиссии, и ни в коем случае нельзя так делать. Но всё равно отдохнули прекрасно!

Конечно, очень жалко было Игоря Чипку. Вспомнили, что не хотели его с собой брать. Но он сам напросился: «Ну сколько можно в части сидеть?».

«БОЙ С ТЕНЬЮ» В ЧАРИКАРСКОЙ ДОЛИНЕ

В октябре 1986 года ракетный полк, который стоял в Кабуле, вывели в Союз, решили, что он здесь не нужен. А чтобы его по дороге душманы не разгромили, сопровождать поручили десантной дивизии.

Мы шли через Чарикарскую долину, которая заканчивается посёлком Джебал-Сарадж. Колонна растянулась километров на восемь: одна машина ракетная, потом БПМ или танк, потом снова машина — БМП — танк.

Примерно в середине долины мы остановились ночевать. Решили: мы будем спать, а молодые будут нас охранять. Но командир взвода говорит: «Нет, вы с Кувалдой пойдёте охранять танк. Там их всего четверо». Мы: «Почему? Пусть молодые идут!». — «Я сказал, вы пойдёте!». Делать нечего, пошли. Но думаем: найдём там молодого, он будет охранять, а мы всё равно спать ляжем. Приходим — а там четыре дембеля! Расстроились...

Пришлось бросать жребий кому когда стоять. Нам с Кувалдой досталось с двух до четырёх утра. Только легли, танкист будит. Я: «Не может быть, что уже два часа!». Смотрю на часы — точно два.

Встал, стою, охраняю... Танк поставили прямо у дороги, пушка повёрнута в

сторону ущелья. А между дорогой и ущельем метров четыреста виноградники. С краю в ложбинке Кувалда спит. Подхожу: «Кувалда, вставай!». — «Ага...». И спит дальше. Думаю, пусть пока полежит. Патроны в магазин винтовки зарядил, ещё что-то сделал. Прошло минут двадцать пять — Кувалда спит. Пытаюсь разбудить — никакого эффекта, не просыпается. А мне одному стоять никакого удовольствия. Беру винтовку, снял с предохранителя и над его головой сантиметров в пятидесяти — ба-бах! Выстрелил.

А винтовка очень громко стреляет. Кувалда моментально, в секунду какую-то, вскочил. Снял автомат с предохранителя: «Что, что случилось?!. Где, кто?!.». — «Там «духи» стреляют, а ты спишь!». Он сразу присел немного и боком из автомата — ты-ды-дын, ты-ды-дын... Стал стрелять вокруг себя поверх виноградника. Но не рассчитал и попал по башне танка. Танкисты проснулись, вокруг наши тоже проснулись. Все повылезали: «Что случилось?». Кувалда: «Душманы там, душманы!». И пальцем тычет в сторону виноградника. Танкисты моментально в танк спрятались. Думаю: «Ну танкисты, ну воины! Испугались...».

Вдруг слышу звук — взююю-ююю-ююю... Танк, когда заводится, сначала такой специфический звук издаёт. Потом заревел сам двигатель. И не успел я даже по-

думать, зачем они танк завели, как ствол поворачивается и — ба-бах!..

Расстояние от ствола до земли всего метра полтора-два. А мы-то стоим возле танка! Нас взрывной волной оттолкнуло и накрыло густой пылищей. Оглохли мгновенно. Упали и ползком в сторону... А танкисты не могут успокоиться — ба-бах снова! Мы: «Сумасшедшие, сумасшедшие...».

Кувалда мне: «А «духи» откуда стреляли?». — «Какие «духи»! Я тебя так разбудил просто». Кувалда: «Если узнают, нам точно крышка!».

А тут уже все проснулись и начали из всех орудий палить! Мы стоим, смотрим... Красота!.. Запустили осветительные ракеты, которые на парашютиках спускаются. Мы с Кувалдой по этим парашютикам стрелять стали — соревновались, кто больше собьёт. Мы-то точно знали, что душманов нет...

«Бой» длился минут двадцать. Говорю Кувалде: «Теперь спокойно можно ложиться отдыхать. Душманы сто процентов даже близко не подойдут!».

ОКРУЖЕНИЕ

Особенно запомнилась мне окружение, в котором мы оказались в Пандшере. Пандшер был одним из самых опасных регионов Афганистана, а самым опасным считался Кунар.

За полтора года службы я был на Пандшере трижды. Дембеля наши там были только один раз. А когда они узнали, что идём в Пандшер, то сказали, что кошмар — хоть в обморок падай. Они ведь видели трупы ребят, которых оттуда привозили. А погибало там очень много, бывало до семидесяти процентов личного состава.

Командир взвода сначала схитрил: «Готовимся на боевые! Летим туда-то и туда-то». В другую сторону вроде. И поехали... на Пандшер. Это был ноябрь 1986 года.

На броне снова прошли через Чарикарскую долину. Задача стояла обычная — подняться в горы и занять своё место. Наша 1-я рота прошла по ущелью и поднялась на самые дальние горки, а наш 1-й взвод ушёл дальше всех и поднялся выше всех. Примерно на одном уровне, чуть ниже, на соседней горке, встало управление роты. За нами были ущелье и горка, повыше нашей. Первоначально мы должны были подняться на неё, но почему-то не стали. А там оказались «духи»!..

Я был очень рад, что нам прислали молодых. У меня было две мины, многие несли по четыре. Иду я, как всегда, первый. Уже так себя натренировал, что привык, что меня никто обогнать не может. Вдруг слышу — за мной кто-то пыхтит. Оборачиваюсь — молодой с Чувашии.

Его звали Федей, фамилия Фёдоров. Я пошёл быстрей, он тоже быстрей. Я — ещё быстрей, он — тоже быстрей. Но я же не могу смириться, чтобы кто-то обогнал меня, не привык к такому! И тут он стал меня обгонять! Я: «Федя, ты чего? Совсем с ума спятил? Дембеля обогнать!..». Он заулыбался и пошёл-пошёл-пошёл уже впереди меня... Я: «Федя, стой!». Он встал. Даю ему две свои мины — на, если такой шустрый! Он молча взял и всё равно попытался меня обгонять! Но я не сдался и всё-таки обогнал его в конце концов.

Было очень радостно, что во взводе появился надёжный солдат. Он ничего не сказал на то, что я дал ему мины, совершенно не обиделся. А это же было проверкой — каков человек? Я, конечно, потом приказывал ему, гонял его, но никогда не трогал.

Перед нами было огромное плато. Где-то здесь должны были быть спрятаны «духовские» боеприпасы. Дней пять эту местность прочёсывали пехотинцы. Мы лежим, смотрим вокруг — прекрасный вид, красота неописуемая!..

Душманов нет, стрельбы нет, но позицию мы сразу оборудовали на всякий случай, сложили из камней невысокую стенку. Думаем: все находятся внизу, только одна горка повыше нас примерно в километре. Зачем большую позицию строить?!. Хватит и этого...

Легли на бронежилеты, у камня положили автоматы, мою винтовку снайперскую. Вытащили сухпайки, зажгли сухой спирт. На камушках разогреваем котлетки. И вдруг — пум, пум!.. Взрывы! Упали, лежим. Я поднимаю голову и вижу, что в нас стреляют с той самой горки сверху и попадают чуть ли не прямо в нас! Мы сползли вдоль своей стенки и видим: между головами у нас стоит «цветочек» металлический. Это разрывная пуля пробила камень. Сердечник улетел дальше, а в песке осталась оболочка цинковая.

И тут началась такая стрельба! Видно, что человек десять «духов» бьют по нам! А нам даже не добежать три метра до автоматов и винтовки! Пули бьют в ногах, совсем близко. Еле-еле за своим укрытием прячемся, бронежилеты на голову тащим, про себя думаем: «Вот два дурака!.. Решили котлетки поесть...». Но выручил нас арткорректировщик, который был в управлении роты. Вызвал артиллерию, те очень чётко накрыли горку. «Духи» стрелять перестали.

Точное расстояние до горки было километр двести метров, я потом на винтовке замерил. «Духов» было человек десять-двенадцать. Мы видели, как они бежали по хребту. Я стрелял. Но они, как только пули стали попадать рядом, упали за камни — там их не достать. Да и вообще это почти предельная прицель-

ная дальность СВД, а винтовка была у меня уже разбитая.

Обстрел был очень полезным — ночью из дембелей никто не спал. И стояли в карауле не по два, а по четыре человека. Молодые, конечно, спали, а дембелям спать вообще не хотелось: дембель в опасности! Было ощущение, что «духи» совсем рядом. Как только какой-то камень упал, в ту сторону такие слоновые уши тянутся!

Мы стояли на этой горке шесть дней. Как-то пошли за сухпайками, которые нам сбросили с вертолёта. Но до этого на вертолёт напали «духи», и вертолётчики коробки просто выкинули, как пришлось. Коробки разбились и разлетелись в разные стороны. «Духи» тоже хотели сухпайки взять. Стреляли мы, стреляли друг в друга... Но как только снова навели артиллерию, «духи» ушли за хребет, и остатки сухпайков достались нам.

Через три дня вертолётчики снова прилетели с грузом. Но сели пониже, километрах в трёх, где стоял командир батальона. Пришлось нам туда идти, а это часа полтора-два. Пошли всемером.

Дошли, взяли два ящика с патронами, гранаты, гранатомёты и сухпайки. Зачем-то нам дали мины для миномёта. Двинулись обратно. Видим тропинку — очень удобная на первый взгляд, быстро можно к своим выйти, но одно место на ней простреливается!.. Хотя и тихо было

целый день, я говорю Кувалде: «Молодые, если хотят, могут тут пойти. Но у нас дембель в опасности! Пойдём лучше по хребтам, там надёжней». И пошли в обход, это часа два с половиной.

И через какое-то время слышим: «духи» стали из автоматов стрелять. Потом из гранатомёта бахнули! Это они наших молодых зажали. Одного почти сразу в руку ранили. Молодые спрятались за камни и очень долго не могли оттуда выйти. Расстояние до «духов» было метров семьсот. Это очень близко.

А мы идём потихонечку-потихонечку... Почти дошли, но впереди — горка и ложбина, как лошадиное седло. Сначала ровная песчаная поверхность, дальше камень большой лежит, а сбоку — пропасть метров пятьдесят с острыми камнями на дне. Никак там не пройти.

Только высунулись на открытое место — пули перед нами землю пашут!.. Мы — обратно! Решили оставить ящики, добежать до своих, а сухпайки забрать ночью. В «духов» постреляли-постреляли, и я кричу: «Кувалда, я побежал!». И рванул к камню! Тут же по мне стали стрелять, пули вокруг, как в кино, землю пыль и песок взбивают! Я такого раньше ни разу не видел!

Попасть, слава Богу, не попали. Упал за камень. Он высокий, в мой рост. И тут снайпер по камню раз пять прицельно ударил. Сижу, сижу — вдруг биу-уу!..

Это пуля в камень бьёт. Сижу дальше — опять биу-уу... Первый раз за всё время в Афганистане со мной такое было — снайпер меня зажал! Стал рассчитывать: если это один снайпер стреляет, который пристрелялся к этому камню, то если я пробегу оставшиеся метров двадцать, вряд ли он в меня попадёт. Но зачем рисковать? А вдруг из гранатомёта другой бахнет? Он просто сметёт меня с этой горки, ничего от меня не останется. — «Кувалда, что делать?». — «Витёк, не знаю!».

Пока я думал, Кувалда рванул ко мне! С ума сошёл, ведь из гранатомёта нас двоих одним выстрелом снесут! Но он мне был как брат родной, без него никуда. Сидим за камнем уже вдвоём. Он время от времени руки с автоматом высовывает и — тын-тын-тын-тын! Я: «Ты чего стреляешь в никуда?!.». А снайпер опять по камню — биу-уу!.. В конце концов говорю: «Сиди, я побежал». Дождался очередного выстрела и рванул! Снайпер в меня стрелял, но не попал, пуля ударила в песок метрах в двух. Я упал, перекатился за камни! Дальше уже спокойно пошёл к своим.

Кувалде кричу: «Подожди!». Командир подсказал, где душманы находятся. Я взял винтовку, стал смотреть и заметил, откуда снайпер стреляет, огни увидел. До него было около двух километров, с ним было ещё человек пять. Прицельная дальность СВД — тысяча

четыреста метров. Я выстрелил прямо, посмотрел, куда попадаю. Потом взял выше — пуля попала недалеко от «духов». Они разбежались в разные стороны, а потом вообще ушли за горку. Кричу: «Кувалда, беги!». Тот тоже перебежал эти двадцать метров.

А наши молодые так до ночи зажатые и просидели. Когда навели артиллерию, «духи» стали по ним стрелять уже с другой стороны. Но ночью всё-таки наши сумели ко взводу выбраться.

Получается, что в этом районе душманов было много. До этого нам докладывали, что где-то здесь действуют «чёрные аисты» (спецназ афганских моджахедов. — Ред.). И точно, на следующий день «духи» вдруг пошли на нас в атаку! Это действительно оказались «чёрные аисты», все в чёрной одежде и высоких кроссовках. Нам раньше говорили, что «аисты» эти хорошо подготовлены, что у них очень чёткая тактика: они не бегут по одному друг за другом, а одни бегут — другие их прикрывают. Короче, действуют, как регулярное войсковое подразделение.

Началось всё неожиданно. Сидим мы на своей площадке спокойно: у нас гранатомёты, связь с артиллерией. И вдруг началась стрельба, и «духи» с противоположной стороны ущелья побежали вниз в нашу сторону! Расстояние до них было километра полтора, это прямо на-

против нас. Сначала мы увидели человек тридцать, а нас на этой горке всего тринадцать. Но с другой стороны вдоль ущелья ещё «духи» бегут! А ещё одна группа, человек десять, пошла по хребту сзади! То есть нас стали обходить сразу с трёх сторон.

Командир роты по рации передаёт: «Два других взвода роты уже спустились с горок и отошли к командованию батальона. А вам командир батальона (молодой офицер, только из Союза прилетел) приказал, чтобы вы прикрывали ущелье, сдерживали натиск наступающих».

Мы про себя: «Да комбат просто больной человек!». Ведь дураку понятно — при таком развитии событий всем крышка... Тактика душманов в таких случаях известная: ночью подходят близко, метров на триста, и в упор стреляют из гранатомёта или миномёта. А если бы у нас кого-то убили или даже серьёзно ранили, то мы вообще никуда не смогли бы уйти — не бросишь же... А тут ещё комбат решил собрать весь батальон в одну кучу! Это как раз то, что душманам нужно! Ведь у них нет задачи всех сразу перебить. Главное, чтобы были потери.

А у нас положение вообще незавидное — нас всего тринадцать человек, и мы стоим одни на самой дальней горке. Конечно, мы будем отбиваться. И боеприпасы есть, и миномёт. Но разве попадёшь

из миномёта точно? Ну пульнём, ну, может, ранит кого-то в лучшем случае...

Командир взвода даёт команду: «Так, всем к бою! Хранить патроны!». После этого мы стреляли только одиночными. «Духи» за камни прячутся, но всё равно медленно, но верно продвигаются к нам! От камня к камню, всё ближе-ближе... Стало понятно, что ситуация в корне изменилась. Тут ещё выяснилось, что «духи» пошли не только на нас, они пошли сразу на весь батальон! Их здесь оказалось очень много. Потом говорили, что около пятисот человек.

Но времени и желания считать «духов» не было. Хотелось просто выжить. Нам приказали стоять на горе и держать оборону. А какой смысл здесь стоять, когда нас практически окружили? Вдоль ущелья душманы ползут, с противоположной горки лезут, сбоку по хребту обходят. И мы уже никого не прикрываем — все наши отошли к комбату. И тут через некоторое время произошло самое страшное: «духи» зашли уже между нами и батальоном! Мы оказались в полном окружении...

День заканчивается, до темноты остаётся часа два. Командир взвода говорит: «Похоже, нам крышка». Мы: «Да...». Вертолётов в этот раз почему-то не было. Раньше часто в таких ситуациях «вертушки» нас забирали с горки — и до свидания, «духи»!

Комбат нашему командиру взвода по рации ещё раз определённо сказал: «Стоять насмерть, держать душманов!». А это вообще глупость! Он сам только что сдал горки, которые в такой ситуации надо было любой ценой удерживать, а теперь нам велит на самой дальней горке насмерть стоять. Решил в войну поиграть... (В результате он чуть не уложил весь батальон, потери были большие.)

Тут как-то само собой созрело предложение: может, драпанём? Жить-то хочется... Командир взвода: «Трибунал...». Мы: «Но не к расстрелу же приговорят!». — «Да вам-то ничего не будет! А мне — четыре года». — «А если вас заставят?». — «Кто заставит?». — «Мы заставим». — «Ну давайте, заставляете...». Я: «Да не проблема!». И — бум-бум в землю из винтовки. Он: «Всё ясно. Будем «делать ноги»!».

Расстояние между нашим взводом и основными силами дивизии было километров семь примерно. Это, если по горам, — очень много. Командир приказывает: «Быстро миномёт к бою!». Расстреляли все мины, выпустили в «духов» все гранаты от гранатомётов. Всё, что нельзя было оставить, связали и взорвали. Сухпайки повыкидывали — нам жить-то осталось несколько часов, какая тут еда... Всю воду тоже вылили, каждый оставил себе совсем немного. Из пулемё-

тов почти все патроны расстреляли, оставили на один бой. Командир взвода командует: «Бегом!». И мы побежали вниз...

Бежим, отстреливаемся. Только мы с горки спустились, а «духи» уже с неё по нам стреляют! Бежим по ущелью. Они галопом за нами! У них же нет рюкзаков, а мы, хоть и выбросили всё по максимуму, с рюкзаками! И бронежилеты не можем сбросить, хотя пластины из них выкинули.

Я бежал сзади, отстал от наших метров на двести. Устал, решил немного пешком пройти. И вдруг метрах в двадцати из-за камней вылетает чёрный силуэт! Слышу — вжиу-у-у.... Это «дух» кроссовками притормозил по камням. Я ничего не успел толком сообразить, как он стал по мне стрелять... («Духи» бежали за нами вдоль ущелья. Мы только что повернули, а этот, видать, срезал угол и вылетел на меня уже за поворотом. Но наши-то были впереди метров на двести, меня он не ожидал тут увидеть. «Дух» в меня всё-таки попал. Потом, когда в часть пришёл и стал стирать одежду, вижу дырку в капюшоне. Думаю: за что это я зацепился? А дырка какая-то необычная — края ровные, чёткие. Стал искать — нашёл ещё одну такую же в брюках.)

Боковое зрение у меня хорошее — вижу огни, слышу звук стрельбы. И тут у меня отключилось сознание, и я увидел всю свою жизнь. Причём я видел всю жизнь целиком, от самого первого до самого по-

следнего дня. Как на киноплёнке, поминутно, посекундно... То что было до этого момента, можно было как-то объяснить: вот я родился, вот меня качают на руках, вот в школу хожу... А будущая моя жизнь слов не имела. Это как Дух Святой, который невозможно объяснить. Ни потрогать, ни увидеть нельзя. Это Тайна.

Через мгновение я пришёл в себя. Очнулся — лежу за камнем. Гранату выдернул, а она была уже в боевом состоянии, готова. Кольцо вырвал, бросил! И сразу после взрыва выскочил, выстрелил несколько раз из винтовки — и как дунул!..

Впереди вижу Серёгу Рязанова. Кричу: «Кувалда, не бросай меня одного!». И как рванул за ним!.. И вдруг вижу перед собой облако белое округлое, яйцевидное. Оно необъяснимое, информационное. Внутри него находится моя будущая жизнь. Сверху, как плёнка, — это то, что я прожил. А внутри — то, что мне ещё предстоит прожить. Я бегу — трын-трын-трын, а облако уменьшается с каждым шагом... Бегу и думаю: «Господи, хоть бы что-нибудь запомнить, хоть бы что-нибудь запомнить!». Чувствую — не запоминается ничего. И раз! Ничего нет... Длилось это секунд тридцать. Что там было?!. Ничего не могу вспомнить!

Прибежал к Кувалде, он меня дождался. Добежали до командира взвода с ребятами: они отстреливаются. «Духи» за нами и по хребту, и рядом бегут. Тут от

комбата опять приказ: «Всем залечь, никуда не идти! Дождёмся темноты и будем выходить».

Но командир взвода так решил: если уж ушли с высотки, то бежим дальше. Спрашивает: «Кто останется?». Решение понятное: кто-то должен остаться сзади и задержать «духов», чтобы они не бежали галопом. Тишина... Командир на меня смотрит. Я: «А чего вы на меня, товарищ командир, смотрите? Я ведь дембель!». — «А кто снайпер? Ты же снайпер!». (Когда мы до того бежали, я винтовку обнял и, как мог, прятал. Ведь по снайперу точно будут стрелять в первую очередь!)

Я был очень недоволен, страшно не хотел оставаться. Так не хотелось умирать, ведь дембель — вот он, рядышком! Но... остался. Командир: «Мы далеко от тебя убегать не будем. Как только начинаем стрелять по «духам», ты бежишь к нам». И тут Кувалда говорит: «Витёк, я с тобой». Командир не мог ему приказать. — «Оставайся».

Наши побежали, мы с Серёгой упали и стали прицельно стрелять. Цель была не в том, чтобы всех «духов» убить, просто надо было заставить их упасть хотя бы на время. В результате наши всё-таки оторвались от душманов. А мы соответственно оторвались от взвода...

Теперь уже мы с Кувалдой побежали. Бежим по очереди: один метров сто пробежит, падает, стреляет. В это время

другой бежит, потом сам падает, стреляет. Так друг друга прикрываем. Но для того, чтобы так двигаться, нужны очень сильные мышцы. Нужно бежать, упасть, потом сразу стрелять, а потом снова без перерыва бежать... Одышка страшная, ведь дышишь неправильно.

Я отстрелялся, а Кувалда ко мне не бежит! «Духи» по нам с боков бьют и сзади. Оттуда, где батальон, тоже на нас вдоль ущелья бегут! Возвращаюсь, добегаю до него: «Серёга, бежать надо!». А он стоит на четвереньках и как собака дышит глубоко: «Не могу, Витёк, не могу!..». Видно, что горит у него всё внутри. Я: «Кувалда!.. Бежать надо! Ты можешь! Ты же дембель!». — «Не могу, Витёк...». И тут неожиданно помог душман...

Мы на четвереньках стоим, время от времени стреляем. Пули и спереди в бруствер бьют, и с другой стороны по нам стреляют! И вдруг «дух» попадает в бруствер разрывной пулей! (Мне показалось, что пуля была крупнокалиберная. Но, может быть, и из винтовки бронебойно-зажигательная пуля с небольшого расстояния даёт такой эффект.) Земля полетела Серёге в лицо, насыпалась за шиворот, в ухо. Он упал, но тут же вскочил и как давай поливать очередями вокруг, как заведённый! Я: «Кувалда, храни патроны!». И тут он рванул, как лось, и помчался трёхметровыми шагами! Я винтовку схватил, догнать его не могу — он убежал метров на триста! Пули

уже между нами стали летать. Я: «Кувалда, не оставляй меня!».

Один «дух» совсем внаглую бежит прямо на меня! Я в него несколько раз выстрелил и снова помчался за Кувалдой. Очень страшно было одному остаться. А вдвоём — вроде не так страшно. Благодарю Бога, что Он дал мне такого человека, как Серёга Рязанов.

Добегаю до Кувалды, а он мне: «Витёк, я тут анекдот вспомнил!». И пытается мне анекдот рассказать. Я ему: «Беги быстрей!..». Это сейчас забавно вспоминать, а тогда вообще-то было очень сильно не до смеха...

Ещё на высотке мы по рации сообщили, что у нас «трёхсотый» (один парень из молодых в руку был ранен). К нам из батальона послали «таблетку» (санинструктора. — Ред.), с ним ещё кто-то пошёл. Бегут они к нам, а между нами — уже «духи»! Мы показываем им: ложись, ложись!.. А они руками машут — привет, привет! Мне пришлось стрелять по «духам». Не попал, но уложил. Они упали.

Медик, виляя между пулями, кое-как до нас добежал (я с ним отношения до сих пор поддерживаю, он сейчас в Москве живёт). Рассказывает: «Слушайте, с этим дебилом-комбатом просто невозможно рядом находиться! Это же больной человек, он вообще не знает, что делает! Всем залечь, ночью будем выходить!..

Как только сказали, что к вам надо идти, я сумку схватил и убежал оттуда. А этот, что со мной, за мной следом рванул — я, мол, его прикрывать буду».

Мы уже почти дошли до дивизии. Но душманы всё равно бегут за нами! Где-то в километре впереди я увидел — стоят танки, БМП. Они стали у нас через головы по душманам стрелять, те спрятались за горкой. Получилось, что от душманов мы всё-таки ушли… Тут как раз стало темнеть.

Доплелись кое-как… Ни у кого в магазинах не осталось ни одного патрона, первый раз такое было за все боевые! Запомнил даже, что когда до своих оставалось метров пятьсот, я решил последний патрон выстрелить. Щёлк, щёлк — пустой магазин. И гранат не было, мы их все выкинули. Конечно, один патрон у всех оставался — в воротник зашитый…

Когда пришли к своим, то боялись, что нас сразу арестуют. Ведь приказ командира батальона мы не выполнили! Но командир дивизии (тогда это был Павел Грачёв) обнял командира взвода: «Орден Красной Звезды, без вопросов! Единственный командир, который поступил правильно. Всем остальным — медали». (Мне даже написали представление на Красную Звезду! Но в очередной раз я её не получил…)

Стемнело. Тех наших, кто собрался к комбату, душманы окружили. И мы видим картину, которую и предполагали увидеть:

«духи» в упор из гранатомётов стали батальон расстреливать. Вспышка — взрыв! Вспышка — взрыв!.. Мы сидели у рации, была включена громкая связь. Слушать переговоры было просто невыносимо! Ребята так страшно кричали!..

На краю расположения дивизии установили все гаубицы, установки «град», танки, пушки стодвадцатимиллиметровые. До окружённого батальона было примерно четыре километра. Арткорректировщики дали координаты, артиллерия отстрелялась. Огнём артиллерии душманов вроде отогнали. А потом вся дивизия, кроме нас, рванулась на выручку. Сделали коридор, и остатки батальона стали выходить сами. Несли погибших, раненых. Страшное зрелище...

Комбат тогда уложил почти весь свой батальон. Ведь он сел в ложбину, а «духи» встали на горках вокруг. Батальон был у них как на ладони. (Комбат отслужил у нас всего три месяца, его сняли и отправили в Союз. За этот бой его все возненавидели. Идёт мимо, а его вслух обзывают — «Солярик». Это самое презрительное название пехоты у десантников.)

Тогда погибло человек двадцать, раненых было намного больше. Моего единственного земляка ранили в колено, ему раздробило чашечку. Отправили его в медсанбат, потом в госпиталь, потом в Ташкент. Там ему должны были ампути-

ровать ногу выше колена, но повезло: в Ташкенте как раз находился известный профессор из Франции, который специализировался на нервных окончаниях. Он сказал, что попробует сделать всё возможное, и взял моего земляка как подопытного в госпиталь Бурденко в Москву. Там ему сделали три операции и сохранили ногу! Она у него работает, сгибается. Но ходит он как будто на протезе.

В этом бою совершил подвиг наш врач — капитан Анатолий Костенко. Группа «Голубые береты» посвятила ему песню. Мне о нём рассказывал мой друг, которого в этом бою ранили. Когда его ранили, врач затащил его в яму какую-то. Перевязал, сетку поставил, вколол промедол. Тому вроде легче стало. И вдруг друг видит: «дух» бежит! Буквально метров пять-семь до него. Кричит: «Дух» сзади!». Анатолий обернулся — и упал на раненого всем телом, закрыл его собой!.. В него попало восемь пуль. А он был без бронежилета. Погиб сразу.

Снайперу из нашей роты, Игорю Потапчуку, в этом бою пуля попала в руку и задела позвоночник. Его комиссовали. Маршрут тот же: госпиталь, Ташкент, Бурденко. Потом его перевели в Подольский госпиталь. Лежал он там несколько лет. У него сначала отказала одна рука, потом — другая. Одна нога, потом — другая. Как-то он попросил своих родственников, чтобы его положили к окну — вро-

де как на улицу посмотреть. Но когда его просьбу выполнили, он выбросился в окно. Но не погиб — внизу была сетка. Его обратно в госпиталь положили. Но в конце концов он умер. Сразу после Афгана я его искал, хотел повидать: всё-таки мы снайперы, из одной роты. Но он к тому времени уже умер. Собираюсь найти, где его в Белоруссии похоронили (я там часто бываю) и съездить хотя бы на его могилу.

На следующий день после окружения нас на вертолёте подняли на горку. Ещё дня четыре мы прочёсывали местность и в конце концов вышли к началу Саланга. Перед нами шёл второй батальон. У них подрыв! Оказалось, что сама дорога и обочины были заминированы. Всем велели стоять на камнях, потом вообще встали на ночёвку.

Сидим с Кувалдой ночью, анекдоты рассказываем друг другу, чтобы не заснуть. И вдруг слышим, как кто-то из ущелья поднимается к нам! У нас уши, как локаторы, повернулись в ту сторону! Раз-раз — посыпались камни, раз-раз — ещё камни попадали. Точно «духи»! У нас гранатомёты были, пулемёт. «Давай пульнём!». — «Давай!». А стрелять можно было без предупреждения. Стреляли из гранатомёта наугад, некоторые гранаты разорвались близко, некоторые подальше. Добавили из автомата и из пулемёта. Все кричат: «Что там?!.». — «Духи»

поднимаются!». И все начали стрелять и гранаты бросать!

Командир кричит: «Всё, всем остановиться!». Эхо в ущелье гуляет... До этого всю ночь никто не спал. А я говорю Кувалде: «Теперь можно ложиться. «Духи» точно теперь не полезут».

Наутро стало ясно, что воевали мы со стадом баранов. Спустились, собрали туши. Один парень у нас мясником до армии работал, стал туши сапёрной лопаткой обрабатывать. Но тут за нами прилетели вертолётчики и сказали, что увезут всё мясо в свой полк! Мы стали с ними ругаться. (Хоть лётчики все и офицеры, десантники с ними разговаривают на равных.) Они: «Солдат, да я тебя под трибунал!». — «Да ты кто такой, чтобы десантника под трибунал отдавать? Сейчас пулю в лоб получишь!». Но они всё равно мясо увезли, нам вообще ничего не оставили. Очень мы на них обиделись тогда, так хотелось шашлыков сделать...

КАК Я СВОЕГО ЧУТЬ НЕ УБИЛ

Мы вернулись с Пандшера в часть. Броня остановилась, все соскочили на землю. Собрались повзводно, поротно. Приказ: разрядить оружие! Делается это так: оружие направляешь стволом вверх. Потом снимаешь магазин, несколько раз передёргиваешь затвор. Нажимаешь на спусковой крючок, слышишь щелчок —

значит патрона в патроннике нет. Ставишь автомат на предохранитель, подсоединяешь магазин и — автомат на плечо. Оружие было уже разряжено. Но так мы его просто ещё раз проверяли.

То же самое надо было проделать и с оружием брони. На БМП нашего взвода оператор был парень молодой. Он вроде в технике своей разбирался. Но у него всё равно возникла какая-то проблема.

Стоим, ждём, когда броня оружие проверит. Тут взводный мне говорит: «У БМП не разряжается пушка. Иди, разряжай!». Я: «Оператор на броне сидит, пусть своим прямым делом сам и занимается!». — «Иди!». — «Не пойду!». У меня внутри всё закипело. Тут ротный подошёл. А на него у меня ещё больше реакция: «Он ваш солдат! Пусть занимается своим прямым делом! Я не отлынивал, я последним из окружения выходил! А он всё это время на броне отдыхал. Вот и тренировался бы: заряжал — разряжал, заряжал — разряжал...». Но, как я ни отбрыкивался, лезть в БМП меня всё равно заставили.

Побежал к машине, запрыгнул. И тут на меня такая злость напала! Я оператора из БМП просто выкинул. Залезаю внутрь, там замполит роты сидит. — «Давай, быстрей разряжай! Нас весь полк ждёт». А все действительно стоят, с ноги на ногу переминаются, только нас ждут. Ведь впереди письма, баня, кино...

Я открыл кожух пушки, отсоединил снаряды. Смотрю в ствол — вижу светлое пятно в конце, небо. Значит, ствол свободный. Глянул в триплекс: перед БМП стоит водитель. Руки на груди скрестил, шлем сдвинул на макушку и спиной упирается в ствол пушки. Думаю: «Вот идиот, хоть и дембель! Неужели ему непонятно, чем мы внутри занимаемся? Пушку ведь проверяем!».

Я машинально сделал все необходимые движения: закрыл кожух, потянул рычаг и нажал на кнопку спуска. И тут выстрел!!! У меня от страха ноги ватными стали мгновенно. Я понял, что только что пробил водителя снарядом... Но откуда взялся снаряд?!. Его не было! Я же небо видел сквозь ствол!

Замполит испугался ещё больше меня. Ведь вся ответственность, получается, на нём. Он же рядом! От страха он стал сильно заикаться. Кричит: «Выходи!..». А у меня от страха ноги не работают. Ведь я окончательно понял, что мне конец: я перед всем полком снарядом разорвал на части водителя.

Ноги не работают, я еле-еле встал. Вылезать из люка страшно: там ведь я увижу глаза всего полка! И плюс мне грозит минимум четыре года тюрьмы. Это же всё произошло на виду, на боевые такую потерю не спишешь.

Вылезаю, поворачиваюсь в сторону пушки... А там водитель смотрит на меня:

глаза огромные, волосы из-под шлема дыбом стоят... Я: «Ты живой?!.». Он головой машет: «Живой!». У меня сразу силы появились. Выскочил, обнял его. Он мне на ухо говорит: «Мокша, ты меня чуть не убил...».

Это было настоящее чудо. Водитель мне рассказал, что, когда я жахнул кожух пушки на место, его как будто кто-то в спину толкнул. Он решил посмотреть и повернулся назад. И в этот момент выстрел! Снаряд пролетел у него прямо за спиной. Его спас бронежилет, который даже немного обгорел. И ещё его спас шлем. Шлем стоял на ушах, и только поэтому барабанные перепонки не лопнули. (Но недели две он ходил наполовину глухой. И мне всё время говорил: «Ты же меня чуть не убил!».)

А на нас смотрит весь полк во главе с командиром. Мне говорят: «Вставай в строй, потом разберёмся». Ещё мне позже рассказали, что я своим снарядом чуть не сбил самолёт. БМП стояла пушкой в сторону Кабула. В тот момент, когда я шандарахнул из пушки, с аэродрома поднимался в воздух наш самолёт АН-12 в сопровождении двух вертолётов. Вертолёты отстреливали тепловые ловушки. Ребята рассказывали: «Смотрим: красная точечка летит прямо в самолёт! Мы за голову схватились...». Но снаряд пролетел мимо и улетел куда-то в Кабул.

Помню своё состояние. Только что я в мыслях был бравый десантник: дембель, снайпер, который только что вышел из окружения! А тут уже тихо-тихо, как мышонок, встал в строй...

Но меня не наказали. Правда, командир роты вызвал к себе и сказал всё, что он обо мне думает. Потом я встретил командира полка. Он: «Да ты же чуть человека не убил!». — «Товарищ подполковник, да я понимаю. Виноват...». На этом всё закончилось.

Я потом долго думал, почему так получилось. Всё произошло из-за гнева, который меня целиком захватил. Я разозлился, что пушку заставили проверять меня, а не парня, который целыми днями спит и ничего не делает. Когда я открыл кожух и заглянул, то на самом деле увидел не небо, а тыльную сторону снаряда. До неё было сантиметров двадцать пять. Тыльная часть у снаряда матово-металлическая, я её и принял за небо. Но от гнева я даже не сообразил, что на конец ствола пушки надет чехол от пыли. Так что никакого неба я видеть не мог в принципе. А когда потом посмотрел в триплекс, то тоже не сообразил, что водитель спиной небо загораживает. Но голова была так злостью затуманена, что когда я увидел светлое пятно в стволе, то механически закрыл кожух, потянул рычаг и нажал кнопку спуска.

После этого у меня очень сильно изменилось отношение к оружию. В меня

вселилось какое-то особое чувство ответственности. Стало ясно, что автомат должен смотреть либо вверх, либо вниз. Никогда нельзя направлять его на людей! И когда я видел солдат, которые баловались и направляли автоматы друг на друга, я на их месте видел себя. Ведь патрон может быть в патроннике! Они же могут друг друга убить!

(У нас такие случае были. Самый страшный произошёл в 3-й роте. Они жили от нас в казарме через коридор. На боевых часто из-за тяжёлых рюкзаков мы садились отдыхать, упёршись спинами друг в друга. Потом, после отдыха, один сидя надевает рюкзак, а другой его за руки поднимает, как колышек. Поднял, потом сам сел, надел рюкзак. И уже его за руки поднимает стоящий. Как-то мы спустились с гор и вброд переходили речку Кабул. Перешли, остановились на отдых. В 3-й роте у нас служили два брата из Мурманска, оба на полгода моложе меня. Когда братья стали спина к спине садиться, один держал автомат на плече. Патрон оказался в патроннике, а предохранитель был в положении стрельбы очередями. Он случайно нажал на курок и целая очередь попала сзади в голову другому брату. Тот умер мгновенно...)

После случая с пушкой всех любителей пошутить с автоматами мной пугали. Если я узнавал про баловство с оружием, то приходил, надевал на шутника бронежилет и

изо всех сил бил его по спине плашмя автоматом! Никто этой экзекуции не сопротивлялся — знали за собой вину. Но после этого удара шутники на сто процентов запоминали, что так делать нельзя. И если бы мне в своё время кто-то вот так дал по лопаткам, то до меня точно бы дошло.

И эти примитивные, на первый взгляд, методы работали. Когда мы только приехали, меня дембеля поймали на лишней расстёгнутой пуговице на кителе. (Китель у десантников и так до верху не застёгивается. Но мы расстёгивали ещё одну пуговицу, чтобы тельняшка лучше была видна.) Во время чистки оружия дембель мне говорит: «Солдат, иди сюда!». Подхожу. Дембеля стоят у блиндажа, куда надо прятаться при обстреле. Один показывает мне гранату Ф-1. Спрашивает: «Что это такое? Характеристики?». Отвечаю: «Оборонительная граната Ф-1. Радиус разлёта осколков двести метров». — «Смирно!». Выдёргивает кольцо и мне за тельняшку резко гранату засовывает! Тут же меня откидывают руками в сторону и мгновенно все прячутся с блиндаж!

Конечно, с непривычки от страха можно было и окочуриться. Но я эту тематику знал, мне об этом один дембель раньше рассказал. Граната-то настоящая, но без части взрывателя. Щелчок есть, а взрыва нет! Благодаря дембелю я знал, что будет дальше. Поэтому посмотрел вокруг, где

нет людей, вытащил из-за пазухи гранату и швырнул её в ту сторону. Дембеля вылезли из блиндажа и одобрительно говорят: «Молодец, сообразительный!». А один солдат у нас, который не знал об этой шутке, нечеловеческим усилием разорвал на себе китель и тельняшку, вытащил гранату и, не глядя, бросил её в сторону. А там шли люди... Дембеля вышли и так врезали ему в грудь! Он: «За что?!.». — «А ты бросил гранату в людей! Ты должен был гранату вытащить, осмотреться и бросить туда, где никого нет!».

ГОНКИ НА ВЫЖИВАНИЕ ПО-АФГАНСКИ

Шёл декабрь 1986 года. Объявили перемирие, и нам сказали, что в ближайшее время боевых действий не будет. В полку сидеть — как в тюрьме, поэтому я напросился на боевое сопровождение на БМП-2. Я же до снайпера был наводчиком-оператором, документ есть. Взял свою винтовочку, сел в башню, и мы поехали в Баграм сопровождать колонну. Это где-то шестьдесят километров от Кабула. И по дороге произошёл очень показательный случай. Наша колонна — три БМП. Навстречу нам идут три БТРа пехотные. У нас внизу на БМП белой краской нарисован большой-большой знак десантных войск — парашют и два самолёта. Видно издалека. А с пехотой у десантников очень натянутые отношения.

Идём в башне БМП, во что-то играем. Мы в бронежилетах экспериментальных, в касках. Ещё смеялись над этими бронежилетами — они по восемнадцать килограммов весили! Как в горы в них подниматься?!. Ненормальные люди какие-то их придумали.

Не помню, во что мы играли, но если проиграешь, то тебе по голове по каске щелбан — бам! И тут вдруг слышим звук страшного удара! Но стукнулись не мы, а наша соседняя машина. Столкнулась лоб в лоб с БТРом.

Оказалось, что пехота стала десантников пугать и вышла на встречку. Наш водитель в сторону, БТР — тоже в сторону. Ещё раз туда-сюда вильнули. Водитель БТРа не успел вывернуть обратно, и они врезались друг в друга на полном ходу. БМП немного выше БТРа, у неё нос острее и она тяжелее. Поэтому БМП шагнула по БТРу, срезала башню и со страшным грохотом упала обратно на дорогу!.. А БТР покатился кубарем и метров через пятьдесят слетел с трассы.

Остановились, выбежали. В БТРе были четыре человека. Одному голову оторвало сразу, остальные лежат без сознания. Вызвали врачей и военных следователей. Доложили, кто мы такие, и поехали дальше в Баграм.

Когда через день или два назад едем — БТР на том же месте валяется. Его охраняют два других БТРа. Следователь тут

же ходит. Остановились, чтобы посмотреть что к чему. И вдруг видим — а внутри БТРа труп солдата лежит, халатом накрытый! Мы: ничего себе! До сих пор труп лежит, не забрали... И тут «труп» вдруг резко встаёт! Как мы трухнули... А это, оказывается, охранник под халатом спал. Потом хохотали всю дорогу: десантники, дембеля... Душманов не боимся, а тут так перепугались...

Те трое пехотинцев, которые при столкновении остались живы, потом всё-таки умерли. По факту столкновения возбудили уголовное дело. Нас вызвал следователь, мы на трёх БМП поехали на место давать показания. И тут нас обгоняют четыре пехотных БТРа. И что происходит?!. У нас скорость километров шестьдесят, а у них — восемьдесят-девяносто. Один БТР на полном ходу резко поворачивает направо и бортом бьёт в нашу машину! И все четверо улетели дальше вперёд по дороге...

Но пехоте крупно не повезло: начинался комендантский час, дальше ни их, ни нас не пустили. Надо было останавливаться ночевать на КПП. Подъезжаем, а они стоят в рядочек. Мы встали рядом. Наш замкомроты, здоровый такой, мастер спорта по боксу, подходит к БТРу — «Солдат, выйди!». Выходит такой маленький, такой худенький! Замкомандира ему — бам, солдатик — шварк об БТР! Остальным: «Выходите!».

Те: «Не выйдем...». Он подошёл ближе, поднял солдата в воздух и говорит: «Щенок, только три дня назад твои товарищи погибли от удара лоб в лоб! И ты туда же...». И бросил солдатика на землю. Мы тогда очень на пехоту рассердились: пацаны, вы для чего сюда приехали! Чтобы самим в дорожных гонках голову сложить, да ещё и других людей погубить?!.

ДЕМБЕЛЬСКИЙ АККОРД

В апреле 1987 года мы, шестеро дембелей из «полтинника», взялись делать дембельский аккорд. В полку у входа в клуб (это огромный алюминиевый сарай) сделали два фонтана. Тут же на постамент поставили старинную пушку, из труб, забетонированных в землю, сделали стенд «Лучшие люди части». На нём повесили фотографии командиров, Героев Советского Союза.

Многие за этот аккорд браться не хотели — ведь если не успеешь закончить, то домой вовремя не поедешь. А мы всё успели. Сделали быстро. Нам дают вторую работу, потом третью. Осталось десять дней. Тут говорят: «Нужно построить кафе!». Каркас железный уже стоял, но больше ничего не было. Мы: «Товарищ командир, да это работа месяца на четыре, на пять!». — «У вас есть десять дней».

Пришлось поднять молодых со всего батальона, кафе построили за три дня.

Командир прекрасно знал, кто именно кафе строит. Но для виду приходит и спрашивает: «Ну, надеюсь, молодых-то не берёте?». — «Не-е-е!.. Какие молодые — они же строить не умеют!». — «Я всё понимаю. Смотрите, чтобы всё было нормально!». Это он про «залёты» говорил, мало ли какой проверяющий придёт.

В день отправки первыми домой отправляли сто человек. Я самый первый стоял: 1-е отделение 1-го взвода 1-й роты 1-го батальона. Командир полка подошёл — смотрит на меня и на остальных, снова на меня и на остальных: «А где твои медали?..». Тут же пригласил писаря, который выписал мне две справки. Там было написано, что Емолкин Виктор Николаевич награждается орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». — «Вот тебе две справки с печатью полка, с моей подписью. Я проконтролирую, всё будет хорошо. А то как-то неудобно: воевал столько времени и вообще не награждён».

А в некоторых вопросах я точно был невезучим. До этого четвёртого мая нас подняли по тревоге: дембелям всем быстро готовиться домой! Мы обрадовались, оделись в парадку. Тут прибегает командир роты. Мне: «Быстро раздеваться! Ты никуда не едешь, будешь до августа служить». Я чуть не умер на месте от такой подлости! На боевых и так

часто искал его в прицел, у меня специальные духовские пули были приготовлены. Но каждый раз Господь спасал: нельзя, нельзя стрелять, нельзя в своих ни в коем случае. Грех страшный!

Я побежал к командиру полка. — «Тут такое дело... Командир роты сказал, что я не еду». — «Ты едешь! Ты в списках стоишь! Кто такой этот Трушкин? Тут я командир полка, а не он. Быстро одеваться!».

Оделся и побежал в «артполчок». Там выстроились все дембеля дивизии, они накануне приехали в полк, у нас ночевали. Думали, что вот-вот улетим. Но не тут-то было... Построил нас начальник штаба дивизии. А все ведь одели дембельскую форму: белые пояса (они от парадной формы, нельзя их отдельно носить) и всё такое прочее. Стоим разодетые, как павлины какие-то, но до нас все так делали. Начальник штаба: «Не полетите домой. Это неуставная форма. Всем переодеваться. Сутки, чтобы привести себя в порядок!».

Мы все в шоке. Я ведь, когда ездил на броне, долго вырезал погоны из гранатомёта, долго-долго тесал надфилем буквы «СА», зашивал шевроны белой ниткой-стропой. Это же сколько работы, целых полгода!..

Начштаба: «Солдат, ко мне!». И вытаскивает «химика» (мы с ним служили в одном взводе в учебке). А тот надел

запасную форму десантную. Для нас он был одет просто, как «чмошник»! — «Вот видите, как он одет? Вот так нужно одеваться! А теперь я покажу, как нельзя одеваться!». Прозвище у меня было Мокша. Мне шипят: «Мокша, прячься!». (Ребята знали, что я невезучий в этом отношении.) Я присел, как мог. Начштаба ходил-ходил, ходил-ходил: «Вон солдат, который там сзади стоит, такой маленький!». — «Мокша, тебя!». — «Я не выйду..». Начштаба: «Солдат!». Подходит и буквально вырвал меня, я чуть не упал: «Ты что, не слышишь!..». — «Нет, товарищ полковник, не слышал». — «Да ты что такое говоришь?». — «Товарищ полковник, я боевой солдат, меня командир дивизии лично знает. Не слышал. Теперь слушаю вас!». Надерзил, короче.

Он: «Это что за нашивка такая красненькая?». — «Ну, так все дембеля одеваются...». — «Да ты кому это говоришь? Да я тебя на «губу»!..». И хочет сорвать с меня погоны: схватил и дёргает. А погоны не отрываются, я их хорошо прилепил. — «Так, сутки даю! Чтобы всего этого не было! Иначе никто домой не полетит!».

Все дембеля дивизии собрались вместе и решили: «Если все вместе — не будет наказания. Давайте не будем ничего делать!». Всю ночь не спали, на улице разговаривали возле фонтана, который мы построили.

На следующий день командир полка решил собрать нас у нашего штаба. Вышел уже замполит Казанцев. (Потом я по телевизору слышал, что он через некоторое время в Москве выбросился из окна. Непонятная история...) Мы стоим уже с чемоданами, но толпой, ещё не построились. Казанцев: «Ну что, оделись? Я знаю, в чём дело. Сначала проверим, что вы с собой везёте, чтобы не было проблем у вас на таможне». Я испугался — не могу точно вспомнить, что у меня в чемодане лежит! Конечно, ничего явно криминального: что-то накупил, что-то натырил. Мне парни: «Мокша, прячься!». Я присел, сижу на чемоданчике. Замполит: «Так, а где Мокша? Позовите сюда его!». — «Я здесь...». — «Только у тебя проверим, больше ни у кого не будем. Согласны? Если у него проблемы — значит все обратно!».

Мне ребята: «Ты хоть знаешь, что у тебя в чемодане? Ты не подставь, из-за тебя вся дивизия не полетит!». Открываю чемодан. Бац — сверху пачка чеков и пачка афганей! Все: «О-оо-оо-оо!.. Ты чего, даже не смотрел, что ли!». Замполит: «А это что такое?». Я: «Это? Да это афгани!..». — «Да я вижу, что афгани. А зачем тебе эти афгани?». — «Мне?..». — «Тебе, тебе...». Я испугался — подставляю всех. И тут один нашёлся: «Так он же занимается нумизматикой, собирает деньги разные!». — «Коллекционируешь? Это хо-

рошо. А зачем тебе так много?». Из толпы кричат: «Так у него друзей-коллекционеров много! Пока каждому раздаст, пока поменяет туда-сюда...». Смотрю — замполит развеселился. Уже хорошо! — «Многовато будет друзей...». Кто-то: «Да, многовато-многовато! Можете часть себе взять». Я: «Да вы что?!. Как это — взять?». Замполит: «Многовато, половинку возьму». Все хором: «Да, берите, берите!..». Половину вытащил, в карман себе сунул: «А чеки?». — «Да сэкономил за полтора года...». Он: «Тут больше тысячи будет, вряд ли ты их сэкономил. Надо половину взять». Все опять: «Берите, берите!». Забрал себе половину, смотрит дальше. Часы нашёл, ремень белый. Но больше ничего не взял.

А на следующий день нас подняли по тревоге, и особый отдел раздел нас до трусов, а некоторых — догола. Забрали вообще почти всё. У меня часы остались только потому, что были на руке. А у кого в чемодане были — забрали...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

В Чирчик мы прилетели 5 мая 1987 года. Приходит полковник, в руке пачка талонов — бронь на билеты на самолёт. Полковник кричит: «Москва, двадцать мест!». — «Мне, мне, мне...». Отдал. — «Киев, десять мест, Новосибирск, восемь мест...». Бронь разбирают. И тут я начинаю соображать,

что всем брони на самолёт не хватит. Нас ведь прилетело несколько сотен человек. Полковник: «Куйбышев!». Я: «Мне!». Не досталось. Потом ещё куда-то — мне опять не досталось. Слышу: «Горький, три места!». Я разбежался, запрыгнул на чьи-то плечи, потянулся вперёд через несколько голов и вырвал из рук полковника эти три талона. И тут же по спинам скатился назад и упал на пол. Но меня все знали. Поэтому просто посмеялись, этим всё и закончилось. Тут же нам выдали деньги: каждому рублей по триста и вроде столько же чеков. Полетели дальше, в Ташкент.

В Ташкенте в аэропорту одну бронь я отдал парню из Чувашии, другую — парню из Татарии. Он был танкистом из танкового батальона нашей дивизии. Купили билеты на самолёт до Горького. Тут пришли наши полковые разведчики, все пошли гулять в ресторан. Мне Серёга Рязанов говорит: «Давай и мы выпьем!». Я: «Да ты что? Мы же тогда до дома точно не доедем!». Я так пить и не стал. А Кувалда выпил и очень крепко...

Мне уже надо идти на регистрацию. Я нашёл Серёгу в зале ожидания. Он на скамейке сидит, спит. Надо прощаться, может, мы с ним больше никогда не увидимся! А он пьяный в стельку, ничего не соображает. Так было обидно... (Недавно я его нашёл, он ко мне в гости приез-

жал. Живёт в Челябинске, работает водителем. Так было радостно с ним снова встретиться!)

Пошёл к стойке регистрации. По дороге встретил ребят из разведроты. Говорю: «Улетаю. Давайте прощаться». Они: «Витёк, мы тебя проводим!». И всей толпой пошли меня провожать. Дошли до выхода на посадку, а там говорят, что им дальше нельзя. Они: «Как нельзя?!. Мы Витька должны в самолёт посадить!». Не стали местные с нами связываться, парни меня прямо до самолёта провели. В сам салон самолёта со мной трое прошли, там обнялись до слёз. Мы ведь в Афгане так сдружились! А тут расстаёмся практически навсегда...

В Горьком попрощались с парнем из Чувашии. Не помню сейчас, как его звали. А с танкистом поехали до Саранска вместе. Автобусов не было, мы взяли такси. Вечером я приехал к сестре в Саранске. Но на следующий день поехал не к маме, а к семье своего друга Василия. (Его, когда мы попали в окружение в Пандшере, тяжело ранили в колено. Семья его жила недалеко, километрах в двадцати от Саранска. Василий просил, чтобы я родителям о ранении ничего не говорил.)

На автостанции меня увидели ребята из нашей деревни. Это было 7 мая 1987 года, они из города собирались ехать домой на праздники. Я им: «Маме не го-

ворите, что я приехал! Иначе ни грамма водки не налью».

Приезжаю к Васе домой, рассказываю его маме: «Вася, мой друг, служит нормально. У него всё в порядке...». Она: «Можешь не говорить. Мы всё знаем». — «У него всё нормально, всё прекрасно...». — «Да мы всё знаем!». — «Что вы знаете?». — «Да мы были уже у него». — «Где были?». — «Его перевели в Москву, в госпиталь Бурденко. Мы только что оттуда вернулись. Всё в порядке, нога цела. Французский учёный-хирург спас ему ногу — срастил нервные окончания». — «Не может быть! Вася же лежал в госпитале в Ташкенте!». А про себя думаю: «Вот негодяй! Меня заставил врать, а дома уже всё знают». Но на самом деле я очень обрадовался, что у него с ногой всё хорошо.

Собрался ехать из Саранска к себе домой, ловлю такси. Тут слышу, как кто-то кричит: «Виктор, Виктор!..». Не могу понять, кто меня зовёт. Не сразу узнал его в гражданской одежде. А это оказался майор — пехотный комбат. Его звали Владимир, я с ним вместе лежал в нашем дивизионном медсанбате. (В госпиталь в Афгане он попал с множественными пулевыми и осколочными ранениями, их было больше пятидесяти. Ему врачи после операции целый мешочек осколков и пуль извлечённых подарили.) Мы немного поговорили, я

взял у него адрес и домашний телефон и сел в автобус.

Приехал к себе в деревню и пешком пошёл к своему дому. Он стоял в самом конце улицы. А все уже знают, что я приехал. Люди вышли на дорогу. Со всеми надо было поздороваться, поэтому идти быстро я не мог. Мама сначала увидела толпу людей на дороге и вышла посмотреть, что там происходит. И тут увидела, что я иду! И со слезами побежала мне навстречу...

УНИВЕРСИТЕТ

Когда я через несколько дней вернулся в Саранск, то позвонил Володе. Мы встретились. Посидели, вспомнили Афган, выпили немного. Он меня спрашивает: «Ну вот, вернулись мы живые. А дальше что делать будешь?». Я: «Даже не думал ещё!». — «Тебе надо идти учиться!». — «Да какая учёба! В школе я толком не учился, знаний никаких нет». А он стал меня убеждать: «Тебе надо учиться! Ты сможешь! Тебе надо на юрфак поступать». — «Какой юрфак! Для меня это примерно как космонавтом быть — нереально. Володя, я не смогу!». — «Виктор, ты сможешь! Я командир батальона. Через меня много солдат проходило, офицеров. Поверь мне как командиру — ты точно сможешь». На том с ним и распрощались.

Я поехал в Ленинград. Несколько дней, пока искал работу, спал на вокзале. В конце концов нашёл место токаря на Ленинградском металлическом заводе. Там давали общежитие и лимитную прописку.

Оформился, сижу в коридоре, жду, когда мне дадут комнату в общежитии. Рядом сидит парень: джинсовый костюм, который в Афгане у нас у всех был, кроссовки «адидас», сумка «монтана», очки «феррари», часы японские с семью мелодиями на руке. И «дипломат» с написанным сверху именем. Думаю: точно «афганец»! Может, даже из нашей дивизии. Мы ведь все с одинаковым набором уезжали. Спрашиваю: «Ты случайно не «бача»?» Он поворачивается: «Бача...» — «Откуда?». — «Из 103-й дивизии». — «Слушай, и я оттуда!». — «А ты сам откуда?». — «Из «полтинника». Он оказался из сапёрного батальона нашей дивизии. Мы с ним так обрадовались! И поселились в общежитии в одну комнату. (После Афгана я оказался как на необитаемом острове. Общаться мне было не с кем, мы ни с кем друг друга не понимали. Интересы и жизненный опыт у людей вокруг меня были совершенно иными.)

Стали разговаривать. Выяснилось, что в Чирчик мы прилетели вместе. Звали его Ваня Козленок, он оказался родом из Брянска. Говорю: «Да у меня друг из Брянска, Витя Шульц!». — «Не может

быть! Это и мой друг». А Витя Шульц был из разведроты нашего «полтинника». Слово за слово, тут он говорит: «Мы с Витей в Ташкенте провожали одного нашего на самолёт, прорвались прямо до места!». Я: «Так это же вы меня провожали!». Он рассказал, как они из Ташкента на поезде возвращались. Напились и такой разгром на вокзале учинили! Милицию подняли, военных. Кое-как их запихнули в поезд. Так до самой Москвы и ехали с пьянками и драками...

Я стал работать токарем на ЛМЗ. Но месяца через два-три у меня стали появляться мысли об учёбе. Думаю: «Неужели я смогу учиться? Но ведь майор так уверенно говорил, что смогу. Неужели всё-таки смогу?». И как-то стали меня эти мысли подогревать.

Я пошёл искать, где же в Ленинграде находится университет. Нашёл сам университет, потом юрфак. Но спрашивать что-то мне там было стыдно. Я тогда не знал, чем отличается деканат от профессора. Но потом набрался духа, зашёл. Спросил, как можно после армии поступить. Мне сказали, что лучше после армии поступать на подготовительный факультет. Поехал на «подфак», он был на географическом факультете. Это 10-я линии Васильевского острова. Узнал, какие документы нужны. Оказалось, что на юрфак нужны характеристика и рекомендация. А у меня их нет! Из армии я

ведь ничего не взял, не собирался учиться.

Пошёл в дирекцию завода. А мне в отделе кадров говорят: «Ты должен отработать три года. Пока не отработаешь, ничего тебе не дадим. Так что либо работай, либо увольняйся». А увольняться было некуда, я жил в заводском общежитии и был там прописан.

Пошёл в заводской комитет комсомола. Там сказали то же самое. Но один комсомолец говорит: «Мы-то тебе ничем помочь не можем. Но ты сам сходи в обком комсомола. Там нормальные ребята. Может, помогут...».

Как-то после работы прихожу в обком. Он был в Доме политпросвещения, это здание прямо напротив Смольного. Ходил из кабинета в кабинет — никакого толку. Наконец нашёл кабинет третьего секретаря, зашёл в приёмную: «Хочу поговорить с секретарём!». Секретарша отвечает: «У нас надо заранее записываться: по какому вопросу и так далее». Не пускает меня к секретарю. Говорю: «Я из Афгана, воевал». — «Ну и что, что воевали?». И тут у меня внутри какой-то ураган чувств поднялся, я так возмутился! И даже не успел подумать, как с размаха шандарахнул кулаком по столу: «Да вы тут сидите, штаны протираете! А в Афгане люди воют!». И ба-бах снова по столу! Секретарша отскочила в сторону: «Хулиган!». Тут выходит секретарь обкома из

кабинета: «Что тут происходит?». — «Да вот хулиган сумасшедший! Милицию надо вызвать!». Секретарь мне: «Что случилось?». — «Я в Афгане служил. А меня не хотят даже выслушать». Он: «Успокойтесь, успокойтесь... Заходите. Расскажите, что хотите».

Зашёл, говорю: «Воевал в Афгане. Работаю на заводе, но хочу учиться. Выяснилось, что нужны характеристика и рекомендация. Из армии ничего не взял. Если сейчас туда напишу, кто же мне их даст? Я полгода как уволился. И командир мой оттуда уже уехал. Меня там никто не знает, никто писать ничего не будет. Но мне сказали, что комсомол может рекомендацию дать». Секретарь: «А где служил? Рассказывай». Только я стал рассказывать, как он меня перебил и звонит куда-то: «Серёга, заходи скорее!». Пришёл какой-то парень. Оказалось, что это был первый секретарь обкома. Я даже запомнил, как его звали: Сергей Романов. Так мы до вечера и просидели, я им часа три рассказывал про Афганистан.

В конце Романов меня спрашивает: «А от нас ты чего хочешь?». — «Да мне характеристика нужна и рекомендация!». — «Ладно. Приходи завтра, всё сделаем». На следующий день я пришёл в обком. И мне на самом деле сделали и характеристику, и рекомендацию! В рекомендации было написано, что по-

сле учёбы они готовы взять меня на работу в обком комсомола юристом. Говорят: «Тебе эта рекомендация очень поможет».

Сдал документы в приёмную комиссию университета, вроде всё в порядке. Но впереди вступительные экзамены! Знаний — ноль... Первым надо было писать сочинение. Я сделал в нём, наверно, штук сто ошибок. Перепутал названия рассказов, имена главных героев. Тут вдруг женщина из приёмной комиссии остановилась возле меня и смотрит в мои листочки. — «Сколько ошибок, сколько ошибок!..». Берёт ручку и давай исправлять! Исправляла минут пятнадцать. Потом мне на ухо говорит: «Больше ничего не пишите. Переписывайте и сдавайте». А ребята, которые рядом сидят и тоже сочинение пишут, между собой переговариваются: «По блату поступает, по блату...». Переписал (а почерк у меня был хороший, почти каллиграфический) и сдал. Потом смотрю в ведомости на стенде — у меня «четвёрка»!

Второй раз она же спасла меня на устном экзамене по русскому и литературе. Я в коридоре заступился за кого-то студента. Уж не помню, в чём там было дело, но он был не виноват. А преподавательница кричит на него. Я ей говорю: «Что вы на него кричите? Он точно не виноват». Она: «А вы чего лезете не в своё дело? Я вас запомню». И действительно, запомнила меня...

Прихожу на устный экзамен — она сидит. Обрадовалась, говорит: «Подходите ко мне». И тут я понял, что моей мечте об учёбе в университете приходит конец. До этого я так надеялся поступить! Мне так хотелось поучиться хотя бы полгода. Посмотреть, кто же такие студенты: какие книги они читают, в какие библиотеки хотят. Для меня, после глухой мордовской деревни и Афгана, учеба в Ленинградском университете была почти как полёт в космос.

И меня снова спасла та женщина, которая помогла с сочинением. Она видела, как мы ругались с преподавательницей. Выходит из аудитории, возвращается и говорит вредной преподавательнице: «Вас в деканате к телефону». Та ушла. А эта мне: «Быстро иди сюда!». Я схватил бумажки свои, подбегаю. Она берёт мою ручку и бысто-быстро пишет, что там по грамматике надо было решить. Потом ставит мне «тройку». А мне достаточно — после армии можно было все экзамены на «тройки» сдать и поступить. Выбегаю из аудитории — та возвращается. — «Вы куда?». — «Я уже сдал». — «Как это вы сдали? А ну-ка пойдёмте обратно!». Заходит, спрашивает: «Кому он сдавал?». — «Мне сдавал». — «А почему?». — «Я такой же преподаватель, как и вы. И вообще не здесь, перед абитуриентами, надо это выяснять, а в деканате». (Потом мне от вредной преподава-

тельницы всё равно на подготовительном факультете досталось, она мне всё время «двойки» ставила. Пришлось из-за этого даже в другую группу переводиться.)

Историю я сдал сам. Но впереди экзамен по английскому! Сдавали мы его вместе с Андреем Качуровым, он был из 345-го полка нашей дивизии. Андрей спрашивает: «Ты знаешь английский?». — «Да ты что! Откуда?». — «И я вообще ничего не знаю. Сначала нам немецкий в школе преподавали, потом вроде английский». Стали искать в комиссии подходящего преподавателя. Вроде мужчина нормальный... Стали жребий на спичках тянуть, кто первый пойдёт. Выпало Андрею.

Он сел к столу, о чём-то они поговорили. Тут Андрей поворачивается ко мне и показывает большой палец — всё нормально! И я сразу пулей на его место! Сажусь. Преподаватель стал мне что-то по-английски говорить. Ничего не понимаю... Говорю ему: «Знаете, я только по-афгански понимаю...». — «Тоже, что ли, «афганец»?». — «Да, с Андреем вместе служили. Но мне повезло больше — он-то без ноги». — «Как без ноги?». — «Ему ногу оторвало на мине, ходит на протезе. Комиссовали полгода назад». Преподаватель стал меня про Афган расспрашивать, ему очень интересно было меня слушать. Сидели какое-то время, разговаривали (не по-английски, конечно!).

Потом говорит: «Ну, ладно. Поставлю вам «тройку». Вам этого достаточно для поступления после армии. Но думаю, что вас скоро выгонят». — «Да я понимаю! Но для меня само поступление — это уже верх мечты!». Вот так мы с Андреем поступили на подготовительный факультет юрфака.

Но когда я проучился несколько месяцев, у меня заболела печень. Сначала думали, что гепатит. Но потом нашли другое заболевание. В феврале 1988 года меня положили в больницу. Там я пролежал до августа: после печени заболели почки, сердце, спина...

Пока я лежал в больнице, с подготовительного факультета меня отчислили. Вышел из больницы, а у меня прописки нет, работы нет... Делать после нескольких месяцев болезни ничего не могу. Да и вообще после армии душа у меня буквально рвалась на части. С одной стороны, я работал на заводе, стремился поступить на юридический факультет. Но одновременно я так рвался назад в Афганистан! Даже ездил в ЦК комсомола в Москву, пытался через них пробить отправку. Но получилось, что ничего не вышло ни с Афганистаном, ни с учёбой... И в какой-то момент я потерял смысл жизни. Однажды даже поднялся на шестнадцатый этаж дома, сел на край крыши, свесил ноги вниз. И страха никакого не было — оставалось только спрыгнуть. Но Господь

и на этот раз меня спас, пришла мысль: «Как же так? Господь там меня столько раз спасал, а я хочу сам покончить с собой?!. Это же грех!». И тут я сразу пришёл в себя. Стало страшно, соскочил обратно. Но всё равно моя нервная система дала сбой. Я попал в клинику неврозов.

В клинике мне снится сон. (Сейчас, когда я вижу во сне Афганистан, то радуюсь. Сразу после Афгана у меня были крики по ночам, но не очень часто.) Во сне иду по Невскому проспекту и в районе канала Грибоедова вижу турфирму. Зашёл, а там объявление: поездка в Афганистан. Я: «Хочу поехать! Есть ещё места?!.». Отвечают: «Есть». Купил путёвку, сел в автобус, и мы поехали. Оказался в Термезе — и проснулся...

На следующий день — сон продолжается ровно с того места, где вчера закончился. Мы переехали границу и добрались до Пули-Хумри. Места знакомые. Тут я опять проснулся. Следующей ночью во сне доехал до Кундуза, потом Саланг проехали. И так через три дня снова я оказался в Кабуле. И так последовательно сон продолжался четырнадцать дней! В Кабуле я приехал в свою часть, встретил друзей, напросился на боевые. А на боевых мы попали в окружение! Всех перебили, я остался один... Тут меня будит сосед по палате — в шесть утра я стал кровать дёргать. Пошёл к врачу. Он успоко-

ил меня: «Всё нормально, во сне ничего страшного не произойдёт».

Я соседу говорю: «Ты встань пораньше, посмотри за мной». Он встал в пять утра, соседи по палате тоже проснулись. И вовремя — я мечусь по кровати весь в поту, мокрый. Спрашивают: «Что там было?». Я: «Свалился вниз в пропасть, схватился за корень дерева. Подо мной метров триста. Выбросил рюкзак, выбросил винтовку. Тут душманы подошли, хотели пристрелить. Потом стали ногами по пальцам топтать, чтобы я сам упал. А когда стали сигаретами пальцы жечь, Толя (это сосед мой) меня разбудил».

В тот же день я вышел на улицу прогуляться. Зашёл в подворье Оптиной пустыни на набережной лейтенанта Шмидта, там тогда был детский каток. Но всё равно помолился: «Господи, помоги! Я боюсь!..». И решил этой ночью спать вообще не ложиться, так и просидел почти до утра с книгой. Читал-читал, чувствую — засыпаю. Положился на волю Божью и всё-таки лёг спать. А Толик спать не стал, так и сидел рядом со мной. Рассказывает: «Шесть утра — ты дышишь, полседьмого — ты дышишь. И решил тебя не будить». В семь толкает: «Витёк, ты живой?». Я: «Да всё нормально». Он: «Сон-то снился?». Я: «Не-ее-ет!..». Вскочил: «Толя, спасибо!». Пошёл к врачу: «Спасибо! Вы меня спасли!». До этого я рвался в Афганистан

целый год. А тут успокоился, и болезнь моя тоже стала отступать. И вообще с этого момента жизнь моя стала меняться.

Я попытался восстановиться на подготовительном факультете. Но по правилам это было невозможно, поступать туда можно было только один раз. Но уже и проректор моими проблемами проникся, и в комитете комсомола меня поддержали. В результате меня восстановили. Но в группу исторического факультета. На юрфаке мест на подготовительном уже не было.

Я сдал выпускные экзамены на подготовительном и поступил на первый курс истфака. Но слова майора, что мне надо идти на юрфак, мне очень глубоко в душу запали. Я стал добиваться перевода на юрфак. Дошёл до ректора. Но попасть к нему на приём было практически невозможно. Тут ребята из профкома, с которыми я подружился, говорят: «Мы отвлечём секретаря, а ты зайдёшь к кабинет». Конечно, это была авантюра. Но так и сделали: секретарша куда-то отошла, а я вошёл в кабинет. А там большое совещание! Сидят все проректоры, деканы факультетов, замдеканы.

Ректор спрашивает: «В чём дело? Что вы хотели?». — «Хочу перевестись на юрфак». — «Сейчас совещание, потом заходите». — «Да не смогу я потом зайти, меня к вам не пускают. Мне сейчас надо этот вопрос решить». — «Выйдите!». —

«Не выйду! Я служил в Афганистане. Можно для меня небольшое исключение сделать? Хотя бы выслушайте меня». — «Ну, ладно. Раз не хотите выходить, рассказывайте». Рассказываю: поступил, долго болел, восстановился, но только на истфак. Хочу на юрфак. Ректор говорит: «Но у нас уже всё распределено, через несколько дней занятия начинаются. Так, замдеканы истфака и юрфака, идите на факультет, заберите его карточку и принесите мне. Я подпишу. Пусть его зачислят на юрфак «вечным студентом». А потом мы его стипендию с истфака переведём на юрфак».

Пошли мы за карточкой втроём: я и два замдекана. Идём по коридору, мне замдекана юрфака говорит: «Мальчик, ты нас всех уже так достал! Даже полгода не продержишься! Я отчислю тебя на первой же сессии». А я такой счастливый! Думаю: «Да мне хоть бы полгода проучиться!».

Нашли мою карточку, ректор подписал, отдали главному бухгалтеру. И меня перевели на юрфак! Профсоюз меня поздравляет, комсомольцы поздравляют. А через некоторое время меня избрали старостой курса, включили в студенческий совет. Даже замдекана передумал меня отчислять: «Чего я тогда на тебя так наезжал? Ты, оказывается, наш человек!». Эти хорошие отношения со всеми меня позже и спасли.

Я начал учиться на юрфаке. Как раз в то время один мой друг попросил, чтобы я записывал свои воспоминания. Начал писать с удовольствием. Но пока писал, не мог учиться. Беру учебник, листаю, читаю. Страниц через двадцать понимаю, что вообще ничего не понял и ничего не запомнил. Оказывается, я всё это время мысленно провёл в Афгане. А это же первый курс юридического факультета Ленинградского университета, где всё надо учить и зубрить! А у меня не получается: я же деревенский парень, который в школе учился на двойки. Знаний нет никаких.

Я разработал специальный график: ложусь спать в девять вечера, в двенадцать ночи встаю. Принимаю холодный душ, пью кофе и иду в Красный уголок. Там до пяти утра пытаюсь заниматься. Но за шесть месяцев я так и не смог ничего толком запомнить! В первую сессию было всего два экзамена, я их еле-еле сдал на тройки. Меня все стыдят, а я ничего не могу с собой поделать...

Тогда стал учиться по-десантному: если не могу запомнить — беру палку и бью себя по руке, по ноге. Ставлю два стула, ложусь головой на один, ногами — на другой и напрягаю мышцы как только могу! Всё равно ничего не получается... Три-пять слов максимум по-английски запоминаю — утром всё забываю. Это был настоящий кошмар!..

В какой-то момент я окончательно осознал страшную вещь: я учиться вообще не смогу... Закрыл книгу, которую читал, и про себя говорю: «Господи, я не знаю, что мне делать дальше! В Афганистан я уже не попаду, а учиться не могу. Как дальше жить — не знаю...». И в этот момент произошло чудо! Сижу с закрытыми глазами и вдруг досконально вижу две страницы, которые читал последними! Вижу всё слово в слово, с запятыми, с точками, с кавычками. Открываю книгу, смотрю — всё правильно! Не может быть! Прочитал другие страницы, закрываю глаза — и тоже вижу их перед собой. Прочитал двести пунктов дат исторических — все вижу!

И после этого у меня произошёл такой прорыв в учёбе, что до пятого курса я учился практически только на «отлично». Один экзамен из первой сессии шёл в диплом, так я его на пятом курсе пересдал. А свои записанные афганские воспоминания сжёг. Я понял: сейчас мне важнее то, что есть, а не то, что было.

В университете учились американцы, которые жили в общежитии вместе с нами. Как-то их пригласили в гости, на «рашн пати». Я был человек надёжный и положительный во всех отношениях, поэтому они на всякий случай позвали меня с собой. Приехали мы в коммунальную квартиру где-то у метро Владимирская. В коридоре я познакомился с

девушкой, которая тоже тут жила. Разговорились, зашли в её комнату. И тут я вижу в углу целый иконостас! Говорю ей: «Ты же кандидат наук, психолог! Ты в Бога веришь?». Она: «Да, верю». — «И в храм ходишь?». — «Да, хожу». — «Возьми меня с собой!».

В субботу мы встретились у метро «Нарвская» и пошли на подворье Валаамского монастыря. Она мне показала батюшку и сказала, что я могу у него исповедоваться. Я ни о какой исповеди и понятия никакого не имел. Говорю священнику: «Я ничего не знаю. Вы мне называйте грехи, а я буду говорить — есть или нет». Он стал последовательно называть грехи. Я его остановил в какой-то момент: «Я воевал в Афганистане, был снайпером. Точно кого-то убил». Он всех отправил, а меня исповедовал всю службу, часа полтора. И я почти все эти полтора часа плакал. Для меня это было немыслимо: десантники ведь никогда не плачут! Но вот так получилось...

После исповеди я причастился Святых Христовых Тайн и после службы пошёл к метро один, Татьяна осталась. И вдруг ловлю себя на ощущении, что шагаю и как будто на полметра поднимаюсь в воздух! Я даже вниз посмотрел — нормально ли я иду? Шёл я, конечно, нормально. Но у меня возникло чёткое ощущение, что с меня сошла какая-то невероятная тяжесть, которая огромной гирей висела

у меня на шее и тянула к земле. Только раньше эту тяжесть я почему-то не замечал...

ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ

На последнем курсе университета я уже работал руководителем юридического департамента в крупном банке. Через несколько лет уволился и устроился в строительную компанию. Она занималась строительством домов. Через три месяца стало ясно: у компании какие-то большие проблемы. Они получили большой заказ, а под него огромные бюджетные деньги, миллиарды рублей. И эти деньги пропали...

Я был у них начальником юридического управления и входил в Совет директоров. Как-то на заседание совета приехали бандиты, человек двадцать-тридцать. Все разномастные, со своей охраной. Я окончательно сообразил, чем дело пахнет... Сразу после заседания пошёл в кадры и оформил увольнение. Но за эти три месяца зарплату мне при увольнении так и не заплатили. Я махнул на это рукой, взял свой ноутбук и через промзону пешком пошёл к ближайшему метро.

Через некоторое время я узнал, что убили директора предприятия, убили замов, убили ещё кого-то. Прошло полгода. Как-то выхожу из подъезда дома,

где я жил. Тут два парня берут меня под руки, а третий сзади в спину пистолет упёр. Рядом машина стоит. Меня в неё запихнули, и мы поехали. Оказался я в бункере: железобетонные стены, железная дверь. Стол железный, стул... В углу бункера пятна на полу, похожие на кровь засохшую. Всё, как в кино про гангстеров...

Мне посадили на стул. Двери закрыли, свет включили. Сами бандиты вчетвером сели за стол. Один достал пистолет, зарядил и положил перед собой. Говорит: «Где бабки?». Я: «Вообще не понимаю, о чём разговор! Какие бабки?». — «У тебя пять минут времени? Где бабки?». — «Да с чем хоть связана ситуация?». — «На такое-то предприятие перечислили деньги. Денег нет». — «Так надо спросить директора, бухгалтера. Я же там не финансовыми, а юридическими вопросами занимался!». — «Их уже нет. Ты единственный остался. Куда деньги ушли?». — «Расскажу, как дело было. Устроился туда, три месяца работал. А потом увидел, что что-то странное стало происходить: меня ни о чём не спрашивают, договора без меня заключают. Я понял, что эта работа не для меня. Никогда с криминалом дела не имел и не буду иметь. Поэтому и уволился. Мне ещё и деньги за эти три месяца не заплатили». — «Значит, ничего не знаешь?». — «Не знаю». — «Последнее слово?». — «Последнее». И вдруг я чёт-

ко почувствовал, что меня прямо сейчас убьют. А если каким-то чудом не сейчас, то спрятаться потом от этих бандитов будет невозможно. — «Ещё что-то хочешь сказать?». — «Вы что, хотите меня застрелить?». — «А какие варианты? Ты последний свидетель остался».

Я попытался ещё что-то сказать. Но они разговаривали как-то неадекватно, как больные люди. В словах у них не было никакой логики: говорили малопонятно, что-то на пальцах изображали. Тогда я говорю: «Вы спрашивали, хочу ли я ещё что-то сказать? Хочу. Отвезите меня на Валаамское подворье на Нарвскую. Я никуда не собираюсь убегать. Там минут пять-десять помолюсь, потом можете меня хлопнуть. Только по такому-то адресу отправьте сообщение, где моё тело. Чтобы меня потом хоть похоронили по-человечески. Одно мне удивительно! В Афгане в плену был, в окружении был. И живой вернулся. А получается, что лягу от пули своих же людей, не душманов. Когда я мог бы такое подумать?!. Но я пули не боюсь. Вот моё последнее слово».

Тут один говорит: «Ты что, в Афгане служил?». — «Да». — «Где?». — «В «полтиннике». — «А где «полтинник»?». — «В Кабуле». — «А где в Кабуле?». — «Возле аэродрома». — «А что там есть рядом?». — «Аэродром, стрельбище». — «А названия там какие?». — «Паймунар». — «А как расположена часть, в

каком месте?». — «В самом конце аэродрома». — «Где конкретно? Что там ещё есть?». — «Тут пересыльный пункт, тут наш забор, тут артполчок, тут танкисты стоят». Бандит говорит своим: «Не врёт». Дальше спрашивает: «Кем был?». — «Снайпером». — «Снайпером?!.». — «Ну да...». — «Из чего стрелял?». — «Из эсвэдэшки». — «Из чего состоит винтовка, дальность прямого выстрела какая?». Я ему рассказываю тактико-технические данные СВД. Спрашивает: «Сколько убил?». Я назвал какую-то цифру. Одного бандита это очень развеселило. Он говорит другому: «Да он круче тебя! Ты-то всего двенадцать человек завалил!». Тут тот, кто меня расспрашивал, говорит: «Сейчас я приду». И ушёл куда-то...

Я сижу, ожидаю окончательного приговора. Но в тот момент я думал уже совсем о другом. Думал не о жизни, не о том, что мне работу какую-то надо выполнять. А подумал так: «Надо же! Насколько в жизни всё не важно! Суечусь, суечусь... А оказывается, этого ничего не надо! Мне сейчас умирать, и ничего я с собой не возьму».

Тут вернулся бандит и говорит: «Я сообщил бригадиру, что мы своих не убиваем. Он разрешил тебя отпустить. Ведь мы теперь точно знаем, что ты ничего не знаешь. Свободен!». Спрашиваю: «И что мне теперь делать?». — «Пойдём». Мы поднялись по лестнице и оказались в ре-

сторане. Я его узнал, это самый центр города. Получается, что в подвале этого ресторана и был бункер. Бандиты заказали еды, сами немного перекусили. Потом говорят: «Можешь поесть спокойно». Встали и уехали.

Я есть не мог. Сидел, сидел... Мысли были очень далеко. Часа два, наверно, чай пил и размышлял о жизни: «Надо же так! Я опять был в шаге от смерти... Так она и ходит вокруг меня: туда-сюда, туда-сюда». Потом выключил телефон и пошёл гулять по городу. Зашёл в церковь, там часа два посидел, помолился. Потом зашёл в кафе, поел. Домой вернулся только к ночи.

И я обратил внимание на одну важную для меня вещь. Общение с бандитами в бункере длилось всего минут десять-пятнадцать. Но я почувствовал, что эти пятнадцать минут меня снова в корне изменили. Я как заново родился, я стал мыслить совсем по-другому. Я понял, что надо быть готовым в любой момент уйти из жизни. И уйти так, чтобы уходить было не стыдно, чтобы совесть была чиста.

Потом я ещё несколько раз оказывался на грани жизни и смерти. Однажды выиграл судебный процесс, и бандиты за это хотели меня застрелить. Потом не по своей вине не выиграл дело, и за это меня тоже хотели застрелить. В 1997 году при возвращении из Америки у нашего

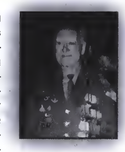
самолёта отказали все двигатели. (Мы падали в абсолютной тишине в океан, я стал читать отходные молитвы. Но перед самой водой у самолёта один двигатель завёлся.) А в 2004 году я заболел безнадёжной смертельной болезнью. Но после причащения Святых Христовых Таин на следующий день проснулся здоровым. И в конце концов я ясно осознал: в безнадёжной ситуации человек часто остаётся живым только потому, что он готов достойно умереть...

ТЫСЯЧА ЗЕМНЫХ ПОКЛОНОВ

Полковнику Тимофею Павловичу Дегтярёву сейчас восемьдесят шесть лет. Удивительная у него судьба... В Великую Отечественную войну младший лейтенант Тимофей Дегтярёв воевал командиром самоходки с говорящим названием «Прощай, Родина!». Это была та самая самоходка, которая работала на авиационном бензине и при попадании снаряда горела как свечка, да ещё и со взрывом.

На войне его никто не берёг – ни замполиты, ни командиры. Но Тимофей Павлович выжил. Выжил в бесчисленных разведках боем, из которых обычно никто не возвращался. Выжил в жесточайших дуэлях с немецкими танками, когда в живых остаётся только тот, кто стреляет первым. Выжил и под страшными бомбёжками кассетными бомбами.

А причина одна – вера в Бога. Сам Тимофей Павлович с детства был человеком верующим и на войне молился Богу. Родители и родственники его были тоже людьми верующими и тоже молись за него. А его отец каждый день, пока Тимофей был на фронте, молился о его здравии с тысячей земных поклонов. И Господь услышал эти молитвы. Сын, трижды раненый, вернулся с войны живым...

Полковник Тимофей Павлович Дегтярёв родился в 1924 году в селе Ефремо-Зыково Оренбургской области. После окончания семи классов в 1940 году поступил в Абдулинское педагогическое училище. В 1942 году поступил в Чкаловское танковое училище. После окончания училища был направлен на переучивание в Сызранское танковой училище.

Весной 1944 года младший лейтенант Т.П. Дегтярёв прибыл на фронт под Киев. Воевал в составе 301-го гвардейского самоходно-артиллерийского полка 8-го гвардейского танкового корпуса 2-й танковой армии. Был командиром экипажа самоходной артиллерийской установки САУ-76. В боях был трижды ранен. После третьего ранения 29 августа 1944 года отправлен в тыл на учёбу.

Служил в Вооружённых силах до 1970 года. Уволен в запас в звании подполковника.

Награждён орденом Боевого Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Рассказывает инвалид Великой Отечественной войны полковник Тимофей Павлович Дегтярёв:

– Когда началась война, я с родителями жил в городе Абдулино Оренбургской области. В семье я – одиннадцатый ребёнок. После меня ещё сестра родилась. Братьев кроме меня было четверо. Несколько лет назад мы вернулись с Украины, уезжали туда во время голода тридцатых годов.

На Западной Украине никакого голода не было. А вот в Оренбургской области в 1933 году голод был страшный. Нам повезло, что мой старший брат Михаил служил пограничником на Западной Украине. Там он женился и остался жить. Мы бросили дом (его после нас сожгли и поставили на его месте качалку нефти), хозяйство и уехали к нему. Оставаться на Урале никак было нельзя, очень много людей поумирало. У нас в родне умерла моя тётя. Поела с голодухи мяса коровы, которое ей случайно досталось, на улице нашла у колодца. И то ли мясо обработано было чем-то, то ли заворот кишок у тёти случился после недоедания...

На Украине меня в школе обзывали кацапом. Идёт кто-нибудь по коридору мимо и обязательно попытается меня плечом толкнуть! Я обязательно давал сдачи. Но так получилось, что во втором классе кацапом меня называть перестали после одного случая. Прямо у школы

был пруд. Лёд только встал, мальчишки побежали по нему, и один провалился, стал тонуть. Все кричат-шумят, но ничего не делают... А паренёк уже захлёбываться начал. Я руками сломал акацию (даже не знаю, как сумел, сила какая-то появилась!). Помню, колючая такая акация была! Побежал к берегу, лёг на лёд. (А плавать я тогда не умел!) Подполз, протянул мальчику край ветки. Он одной рукой лёд ломает, другой к ветке тянется. Ухватился — и я его вытащил! После этого отношение местных ребят ко мне совсем изменилось...

Из Абдулино мы привезли мелкий картофель. А он такой крупный вырос! Все приходили смотреть, как кацапы картошку умеют выращивать. Видимо поэтому отца моего уговорили стать председателем колхоза, который надо было ещё организовать. Дали нам для жилья большой дом выселенного кулака. Правда, половину дома мы отдали кулаку обратно. Но тут же местные стали под двери подбрасывать записки, в которых было написано, сколько дней нам осталось жить. Вот тогда я и узнал, кто такие бендеровцы. Отец говорит: «Это не наше место. Жизни здесь не будет. Надо уезжать домой».

К тому времени в Оренбурге голод закончился. В Абдулино жила сестра отца. У неё было девять детей. Жили они все в маленьком домике. Мы вернулись и зиму прожили у неё. В этом домике нас, вместе

взятых, в это время было больше двадцати человек. Спали вповалку на полу. Но весной мама с папой смогли купить свинарник в полуподвале, и мы поселились отдельно.

Помню, 22 июня 1941 года с утра шёл дождь. У столовой висел большой репродуктор, оттуда в десять утра прозвучало — началась война. Первые наши рассуждения были простые: это ненадолго, мы быстро победим. Патриотизм в то время был неописуемый, сейчас даже представить такое невозможно. Все говорили только одно: прямо сейчас пойдём в военкомат — и на фронт!

В этот день мы ждали приезда старшего брата, у него вечером 22 июня должна была состояться свадьба. Трое братьев жили с нами, их всех сразу забрали на фронт. А тот, который был на Украине, рассказывал, что его в первые дни войны заставили оповещать военнообязанных, и местные мужики разбегались и прятались, чтобы только в армию не пойти! Им ещё и второй раз пришлось от армии прятаться, когда наши в обратную сторону через границу пошли. И вот что интересно: после войны многие из них вдруг оказались инвалидами и ветеранами...

Брат Петя, который должен был 22 июня жениться, приехал на машине с зерном, разгрузился. После этого они с двумя другими братьями выпили какого-то одеколона, и все трое со своими ма-

шинами поехали на погрузку. Мобилизационная готовность была высочайшая: сразу подали железнодорожные платформы, туда загрузили машины и в тот же день отправили. Никакой паники, никакого беспорядка. Только женские слёзы и плач при проводах...

Петя срочную службу проходил в Монголии. Он только два года как вернулся из армии. Говорили, что там он был ранен. Но я сам не видел, с ним в бане никогда не был.

Сразу после возвращения из армии Петя увидел странный сон, что его наградили большой медалью во всю спину. Все удивлялись, что бы это могло значить! А у меня была тётя Маня, Мария Ивановна Зубкова. У неё от Бога был дар предвидения и исцеления. И она сказала родителям, что Петю на войне убьют. Шёл ещё тогда только 1939 год, никакой войны и в помине не было!

На войне Петя стал командиром взвода разведки в танковой бригаде. Прошёл Сталинград, Москву, Курск. А погиб он под Смоленском 13 августа 1943 года. Мы все обратили внимание, что пока его невеста его ждала, он был жив. А когда она вышла замуж за раненого, вернувшегося с фронта, брата убили...

У тёти Мани часто собирались верующие молиться. Их было человек десять. Они вроде чай садятся пить, а я на улице дежурю — смотрю, чтобы никто не подо-

шёл. Если бы власти узнали, то их сразу бы забрали. Мои родители были люди верующие, а дядя до революции был священником, а потом его репрессировали. Мне очень долго родители запрещали даже имя его упоминать. Говорили: «Если где-нибудь о нём скажешь, то тебе сразу все пути будут закрыты». И вот что интересно: все, кто ходил к тёте Мане «чай пить», с войны вернулись живыми!

Позже, 5 августа 1942 года, на моих проводах в армию тётя Маня сказала (и всё сбылось!), сколько раз я буду ранен; о том, что получу высший боевой орден Красного Знамени, и назвала другие мои награды; также сказала, когда я приеду с фронта на побывку и когда окончится война. И ещё она меня так напутствовала: «Ты идёшь на защиту Святой Руси!». Не Родины, не Отечества, а именно Святой Руси. Папе тогда же наказала: «Это ваш последний сын, кормилец. Ты с молитвой за него клади тысячу земных поклонов ежедневно». И папа за меня так и молился.

В 1941 году мне не было восемнадцати лет, поэтому на фронт меня сразу не взяли. Но учёба моя закончилась, и я решил пойти работать. Устроился на масло-казеиновую фабрику. Дело это было знакомое, я на фабрике с шестого класса подрабатывал. Поэтому физически я всегда был крепким, мне это сильно помогло на фронте.

Директор фабрики меня очень любил. И вот почему. Наступает весна 1942 года.

Директор в сердцах говорит: «Тары нет, транспорта нет... Всё забрали!». А у нас было много списанных машин. Говорю: «Давайте, я попробую починить». И я собрал три машины: два ГАЗ-АА и один ЗИЛ. Ведь братья у меня — шоферы, поэтому я на машине ездить начал со второго класса. А в шестом классе уже на пятитонной машине грузы возил. Отремонтированные машины отдали эвакуированным шофёрам, они были с Украины. Говорю директору: «Теперь-то отпустишь меня на фронт?». Уж очень он хотел мне бронь сделать.

Сам я обивал пороги военкомата, хотел в военное училище поступить. Хотя полного среднего образования у меня не было, но я уже был шофёром! И меня всё-таки отправили в танковое училище в Чкалов (так тогда назывался Оренбург).

Учили нас на командира экипажа лёгкого танка Т-70. У танка пушка калибра сорок пять миллиметров, пулемёт ДТ (пулемёт Дегтярёва танковый калибра 7,62 мм. — Ред.). Броня у танка всего пятнадцать миллиметров, держала только осколки и пули. Экипаж — два человека: водитель и командир. Командир сам заряжает, сам стреляет и из пушки, и из пулемёта. Короче, крутится в башне, как Фигаро. Меня именно в это училище взяли потому, что у этого танка два мотора автомобильных стоят, автомобильная коробка передач, почти вся ходовая часть

автомобильная. На базе этого танка потом сделали самоходку СУ-76. В ней два бензобака, в них пятьсот семьдесят литров авиационного бензина. Горела эта самоходка, как свечка, да ещё и со взрывом... Фронтовое название у неё было «Прощай, Родина!». Именно на такой самоходке я потом и воевал.

Учились в Оренбурге мы больше года. Я очень старался: на перекурах все отдыхают, а я иду тренироваться в прицеливании. Ведь в танке нас всего двое с механиком-водителем. Никто ничего не подскажет, всё решаешь сам. И эта школа мне очень пригодилась на фронте. Там я хоть и был командиром экипажа, но пушку свою пристреливал под себя и стрелял из неё всегда только сам. На войне в самоходке я был хозяином своей жизни: или я, или — меня...

Получать танки нас отправили в Горький. Приехали — а танков хватило не всем (в 1943 году этот танковый завод разбомбили). Тех, кому машин не досталось, отправили на три месяца в Сызрань — переучиваться на самоходные установки САУ СУ-76. Эти три месяца мы еле-еле выдержали — от голода почти у всех началась «куриная слепота». Курсантский паёк сам по себе вроде нормальный, там и мясо должно быть, и масло. Но до нас паёк доходил не полностью — воровали... Ещё и поэтому мы все рвались поскорее на фронт — там хоть кормят нормально,

первая норма. А солдатский паёк был по третьей норме — вообще жуть... Офицерам был положен ещё и доппаёк: масло сливочное, печенье, консервы рыбные. Но ни разу я не съел свой паёк сам, делили его на всех поровну, на весь экипаж.

Экипаж свой первый я помню очень хорошо. Наводчиком был владимирский парень, сержант Юра Сахаров, заряжающим — Петя из Иваново, здоровый такой! Ему еды постоянно не хватало. Мы его подкармливали. Отличные ребята! А вот механиком-водителем был Ваня (фамилия вылетела у меня из головы), курский. Пьянчуга оказался. Из-за него я погорел однажды так, что если бы не был младшим лейтенантом, то разжаловали бы. А тут и так одна звезда, некуда дальше разжаловать.

Когда мы взяли Люблин, многие наши пошли грабить польские дома. Кто-то часы искал, кто-то вообще хватал всё, что под руку попадётся. (Больно сейчас об этом вспоминать, но первое, что наши стали делать в Люблине, — это мародёрствовать. Сам я во время войны даже пуговицы себе не взял! Ни с убитого, ни с раненого, ни с пленного... Ни в один дом не зашёл ни в Польше, ни в Германии. Вообще ничего не брал и войну закончил с танковыми часами.)

А механик мой где-то вина нашёл! Притащил в самоходку, вынул снаряды из кассеты (в одно гнездо две бутылки

влезли), а снаряды положил на брезент. Тут приходит начальник штаба проверять нас. Спрашивает: «Это что такое?». Заряжающий: «Снаряды». — «Так откуда они?». — «Лишние нам привезли». — «Лишние надо отдать». А я-то знаю, что нет у нас лишних снарядов. Открываю кассету при начальнике штаба — а там бутылки...

Обычно в таких случаях командир очень просто воспитывал подчинённых — бил. И, действительно, оказалось, что самое действенное средство воспитания на войне — это дубина. В 1941 году стали расстреливать — не помогло. А вот когда палкой отлупят — тогда доходит. Я сам видел пару случаев, когда не просто офицер лупит солдата, а генерал — офицера.

Мы сосредоточились ещё перед началом боевых действий. Вдруг утром видим: над нами летает самолётик У-2, потом садится на поляне. Из него выходит командир корпуса генерал-лейтенант Попов, подходит к палатке нашего командира полка, подполковника, и начинает его палкой лупить! Тот в кальсонах с завязками от генерала вокруг палатки бегает! Мы думаем: «Значит, кто-то не окопался или не замаскировался. Действительно, а вдруг «рама» прилетит? Всё же разбомбят!». Второй случай был уже с моим комбатом. Он капитан, ему тогда сорок три года было. Длинный, нескладный... Все пошли в атаку, а он — подождём, надо

разобраться! Вдруг на «виллисе» подъезжает командующий 2-й танковой армией генерал-лейтенант Богданов. И он стал капитана палкой лупить! Я механику-водителю: «Заводи быстрее, вперёд! Пусть капитан нас догоняет». Богданов комбату «обстановку уточнил», тот сел на самоходку прямо под пушкой и поехал. На одной из канав машину так мотануло, что ему пушкой голову проломило! Потом его в начпроды перевели. А механиком-водителем у меня тогда ещё пьяница Ваня был. Я сам вообще не пил, заряжающий и наводчик — тоже. Механик выпьет фронтовые четыреста грамм за всех нас и идёт к начпроду — налей ещё! А если тот не нальёт, начинает грозиться: «Всем расскажу, как тебя палкой командующий лупил и как ты инвалидом стал!».

Сам я никогда никого из подчинённых даже пальцем не тронул. Человек провинился, ждёт, что я его ударю, а я его словами пытаюсь убедить. Я понимал, что если ты человека ударил, то наступил на его «я», задел его самолюбие. Это может очень сильно аукнуться. Но мне хватало русского языка, чтобы объяснить, причём объяснить без мата. Сам я за всю жизнь ни разу матом не выругался. И вот что интересно: наши полковые «рокоссовцы» (так называли уголовников-рецидивистов, освобождённых из лагерей и отправленных на фронт. — Ред.) при мне матом не ругались. Они знали, что я верующий.

Скоро в одном из боёв мой пьяница-механик сбежал. (Мне рассказывали, что вроде его увезли раненого. После войны я его случайно встретил, но не стал с ним разговаривать.)

Тогда накрыли нас крепко, немцы бомбили запрещёнными кассетными бомбами. Они, как хлопушки, взрываются в воздухе, и от них огромное количество мелких осколков летит. А у самоходки верх-то открытый! Поэтому мы выпрыгнули и стали смотреть, куда можно спрятаться. Вижу «шерман» (американский средний танк. – Ред.). Он высокий, клиренс (расстояние от днища танка до земли. – Ред.) большой, около полуметра. Я под него занырнул, а туда уже много людей набилось. От бомб-то я спрятался, но кто-то от страха «разгерметизировался» – вонь под танком стоит невыносимая! Думаю: «Лучше уж под бомбы, чем терпеть это». Вылез обратно и залёг в канаве метрах в десяти. Бомбы одна за одной рвутся, осколки вокруг летают! Хорошо, что канава попалась глубокая. И тут на моих глазах прямое попадание в тот самый «шерман»! Все до одного, кто был под танком, погибли...

Самоходка СУ-76 – это машина огневой поддержки. Пушка на ней стояла мощная, дальность прямого выстрела – семьсот шестьдесят метров. Пушка эта стреляла очень точно: на расстоянии тысячи метров я попадал в щиток раз-

мером двадцать на двадцать сантиметров.

У меня вообще получалось по танкам стрелять, сказалась танковая закалка. Стрелять приходилось в основном по «тиграм» и «пантерам», это очень мощные танки. Их орудия нашу тридцатьчетвёрку прошивали. Но у любого танка, и у «тигра» тоже, есть уязвимые места: там, где выходит ствол пулемёта, где выходит ствол пушки и отверстие под прицел.

Нас часто посылали поддерживать американские танки «шерман». Это большой танк с мощной вязкой бронёй. Внутри кожей всё отделано. А вот пушка у него слабая, хоть и калибра семьдесят пять миллиметров. И действовал я среди этих больших машин, как Моська крыловская: из-за махины высунусь, тявкну — и снова за неё...

Весной 1944 года мы попали в Дарницу. Это недалеко от Киева. Через небольшую речку был наведён понтонный мост (его немцы в конце концов разбомбили). Получилось, что часть танков и самоходок переправились, а часть остались. По тем, что переправились, стала немецкая противотанковая артиллерия лупить. Что делать? И пришлось мне форсировать реку по дну! Самоходка сверху просто брезентом закрыта, нет железной верхней части. Но самое главная проблема была в другом: под водой должно было хватить воздуха у двигателя, чтобы не залило его.

Мне пригодился здесь прежний опыт — на грузовых машинах в Оренбургской области я несколько раз так через речки переправлялся.

Мы разделись и облазили всё дно, глубину промеряли. Оказалось, что участок, где самоходку зальёт, был всего метров пять-шесть. Открыли пушку, подняли ствол вверх. Это на случай, если застрянем, чтобы воздух через ствол шёл. И проскочили! К самоходке был трос прицеплен на случай, если застрянем. А мы этим тросом стали остальные танки и самоходки таскать через реку.

За эту переправу командир полка перед строем до общего приказа снял с себя и мне первым прикрепил знак «Гвардия». Знак этот был с отколотой эмалью, он ему жизнь спас. Командира полка мы все звали «батей». Очень его все уважали! Но как-то на формировке он блокнот раскрыл, а там — картотека всех его женщин. Помню, последняя цифра была восемьдесят семь. К тому времени в полку знали, что наш медпункт — это его гарем. Все командиру полка по этому поводу сильно завидовали. А я посмотрел на него, когда он блокнот открыл, и сказал: «А я вам не завидую...». (Не берусь судить, почему так вышло, но потом немецкий снайпер его снял. А сидела рядом с ним Маша, у которой почти весь наш корпус побывал...)

Как-то командир полка присылает посыльного. Тот мне говорит: «Встань с тыльной стороны палатки командира и молча жди его команды». Встал, слышу — командир полка разговаривает с замполитом: «Пришло распоряжение выделить одну самоходку в разведку боем. Из бригады четыре тридцатьчетвёрки дают, пятая — наша самоходка. У нас один лейтенант есть (он коммунистом был). Как только в атаку — он то в канаву заедет, то в дерево ударится. Ни в одной атаке не участвовал...». А замполит ему веско так говорит: «Коммунистов надо беречь... Дегтярёва посылайте». — «Я его послать не могу. И так я его гоняю туда-сюда. Нельзя же одного всегда посылать». — «Да он такой, что всё равно вернётся!». (Никто меня на войне не берёг — ни командиры, ни замполиты. Только Бог меня берёг. У меня крестик был подшит под клапаном кармана. Делаю вид, что иду по нужде в кусты, а сам в кустах молюсь. И отец за меня молился с тысячей земных поклонов, и мама молилась, и тётя Маня молилась. А вот других верующих на войне я так и не встретил...)

Командир крикнул: «Дегтярёва позовите!». Подхожу. Командир: «Как ты смотришь, если мы тебя в разведку боем пошлём?». — «Да чего смотреть? Скажу нет, чтобы убили не меня, а того или этого? Пойду». Все ведь знали, что из такой разведки не возвращался почти

никто... Это ведь просто как мишенью идти.

Я: «Но у меня механика нет!». — «Да бери любого, кто согласится!». А согласился механик-водитель командира полка! Звали его Вася Гривцов, он был из «рокоссовцев», бесшабашный. Говорит: «Я с тобой пойду. Все воевали, а я ни в одном бою не был. Сижу тут, командира охраняю...». — «Вася, ведь убьют...». А он единственное, что попросил: «Скажи капитану с тридцатьчетвёрок, чтобы нас поставили в центр боевого порядка». Капитан махнул рукой: «Где хочешь, там и езжай!».

Как только мы пошли вперёд, почти сразу загорелись две крайние тридцатьчетвёрки, потом следующие две по бокам от меня. Понятно, что следующая очередь — моя... Вася кричит: «Тимка, подымай пушку!». Я поднял пушку, он открыл люк, высунулся по пояс и попёр меня прямо к немцам! Я ещё подумал: «Ну вот надо же так...». Нехорошее про него подумал... А Вася тут стал вилять и петлять! Мы, как мыши, перед носом у котов перед немцами крутимся. Кричит мне: «Передавай по рации!». Я по пояс высунулся над бортом и передаю, что вижу. И вот что удивительно: немцы смотрят на нас, обречённых, и не стреляют! А расстояние до них всего сто-двести метров! Может быть, подумали, что мы сдаваться к ним едем...

Я все данные передал. Мы вперёд проскочили и подлетели к деревне. А там танки немецкие, дальше ехать нельзя! Назад тоже нельзя — и там танки. Смотрю — справа река, а на другой стороне тропка от реки идёт. Значит, брод есть! Кричу: «Вася, вправо бери!». И когда мы уже из речки выскочили, немецкие танки стали нам вслед стрелять, но было поздно, мы от них уже удрали...

Возвращаюсь. Командир говорит: «Командующей армией звонил — представить командира самоходки к ордену Отечественной войны первой степени! Очень ценные данные ты передал, дал работу «катюшам», дал работу «илам». Я: «Как хотите, но орден надо отдать механику-водителю для реабилитации». Командир — за, а замполит — категорически против! Но орден Васе всё-таки дали. И Вася после этой разведки говорит командиру полка: «Я с Тимкой воевать буду!».

Наш полк большей частью был сформирован из «рокоссовцев» — уголовников-рецидивистов. Вася у этих уголовников был в авторитете — они его звали «Сибирский гуран». Что это означает, до сих пор не знаю. У него пять судимостей, сорок семь лет срока тюремного. Он мог любой сейф за пять минут открыть, любую печать сделать, любую подпись. А как матом ругался!.. Правда, только не при мне. Но Вася меня особо предупредил: «Когда

мы напьёмся, ты к нам не подходи. Мы знаем одного «батю» только».

Мы теснили немцев под Люблином. Это Восточная Польша. Почти все в бой рвались, я — так точно! Но этот бой у меня прошёл как-то сумбурно. Наши стали делать огневой налёт! Такие «головастики» над нами летели! Тогда я не знал, что это мины от «андрюши» (БМ-31-12, модификация гвардейских реактивных миномётов типа «катюша». — Ред.). Обычно артподготовку заканчивают «катюши», а потом народ в атаку поднимается. Я и принял мины от «андрюши» за выстрелы «катюши» и, когда «головастики» перестали над головой летать, попёр вперёд! А тут начинают лупить уже «катюши»! Немцы попрятались, и я один проскочил через их позиции прямо в Люблин! В городе поляки встретили меня с цветами и говорят мне: «Прямо сейчас в тюрьме расстреливают заключённых!». Поехал к тюрьме, народ со своими цветами мешает... Наконец подъезжаю. Не успел... Лужи крови кругом, кровь даже застыть ещё не успела. Из пушки я расстрелял немецкую прислугу, тут уже и наши стали подходить.

Пошёл по улице. Только высунулся, вижу — «фердинанд» (немецкая тяжёлая самоходно-артиллерийская установка. — Ред.) стоит. И взрыв впереди меня! Мы назад... Но улицу всё равно надо переехать. Говорю: «Вася, давай мы его об-

манем». Высунулись, тут же сдали назад — «фердинанд» выстрелил! А пока немцы перезаряжали, мы — вперёд! И проскочили.

Дальше по улице я две пушки разбил и на наблюдательных вышках пулемёты снёс, потом сжёг склад с горючим. Назад возвращаться было нельзя — меня отрезали. В конце концов удалось прорваться в 3-й танковый корпус. Танкисты сделали представление, и меня наградили орденом Красной Звезды. В моём полку очень не хотели меня награждать из-за истории с вином в кассете для снарядов. Вроде я и вообще не пил и сто лет мне это вино не нужно было, но всё равно виноват — не доглядел.

И в этом бою, и потом стрелял я всегда только сам, всегда был у прицела. Наводчика сажал к рации: быть на связи и наблюдать за обстановкой, а сам садился на его место. И у меня было золотое правило: самый дорогой выстрел — это первый. Я всегда стремился выстрелить первым, пусть даже и неточно. Дело в том, что самоходка — это артиллерийское орудие. И обычно учат стрелять из самоходки как из орудия. Это по так называемой «вилке»: один пристрелочный выстрел, затем другой, а потом уже выстрел в цель. А я как учился на танкиста, так танкистом и остался. У нас совершенно другой подход к стрельбе. Танкист всегда стремится первым попасть. Если с первого выстрела

не попал, то или перезаряжай, или удирай. За такую манеру стрельбы артиллеристы меня ненавидели — не по правилам воюю, но зато у меня получалась стрелять первым. И если бы кто-то из немцев хоть один раз успел бы выстрелить быстрее меня, то этого рассказа не было бы вообще...

От танкистов надо было прорываться обратно к своим. На рассвете я через немецкие позиции и прорвался. Может, и стреляли по мне, но не слышал — мотор ревел, но то, что не попали, это точно.

Наши были очень недовольны, когда на меня представление на орден пришло. Больше всего злился на меня наш замполит. Дело было вот в чём. Как-то вместе собрались мы, офицеры, замполит подошёл. Видит на руке у лейтенанта Пети Корнеева золотые часы. Говорит: «Ну-ка дай, посмотрю». Тот дал. А замполит — часы себе в карман и говорит: «Всё равно пропадут — сгорят, когда тебя подобьют». А я ему говорю: «Ну ты даёшь! Часы пожалел, а не лейтенанта!». Я был беспартийный, мне можно было так говорить. Тут до Пети дошло, что именно замполит сказал! Он погнался за этим майором и стал в него из пистолета стрелять! Петя не попал, майор убежал. А я Пете говорю: «А я бы в мародёра нашего попал, не промахнулся бы за такое пожелание!». И кто-то замполиту об этом доложил. Он потом мстил мне за эти слова где только

мог. И мои боевые подвиги себе присваивал: то не запишет то, что я сделал, а то и вообще себе припишет...

В 1944 году полк был в прорыве: мы у немцев в тылу, они у нас. Подъехали перед рассветом к селу. Дальше пошли пешком разведать обстановку. Метров десять я не дошёл до дома — оттуда выбегают шесть немцев! Падаю на землю, а автомат ППШ не стреляет! Пыль внутрь набилась и боёк капсюль не пробивает. Оглядываюсь назад: комбат, капитан, который в ста метрах сзади шёл и должен был меня поддерживать, стремительно назад драпанул!

По-немецки я кое-как мог объясниться. Поднимаюсь и говорю: «Нихт шиссен, не стрелять!». Сказал, что тем, кто бросит оружие, я гарантирую жизнь. Знали бы они, что я им гарантирую жизнь потому, что мне некуда деваться! Немцы — все шестеро совсем молодые парни — оружие организованно и побросали! Даю команду: направо за дом! Взял автомат немецкий и про себя думаю: «Значит, я ещё повоюю...». Тут подъезжает комбат на самоходке, за моим бездыханным телом вернулся. Он же был уверен, что немцы меня убьют. Говорит: «Расстрелять их!». Я: «Давай расстреляем! Только сначала тебя, потом — их». Он: «Ну давай тогда хоть часы с них снимем!». Я: «Не трогать!». Расспросил их. Оказалось что они, молодые ребята, просто проспали,

когда их часть ночью уходила. Написал им записку, что они добровольно сдались в плен, чтобы не расстрелял их какой-нибудь дурак вроде нашего комбата, и отправил в тыл. А мы поехали догонять немцев...

Как-то поступило сообщение, что из «мешка» прорвалась немецкая группировка эсэсовцев, а с ними идут власовцы. Мне поставили задачу их уничтожить. Главный вопрос был: где они могут пойти? Говорят: «Место для засады выбирай сам. Только загрузи как можно больше снарядов и возьми отделение пехоты на броню, шесть человек». Я загрузил сто двадцать снарядов, почти все осколочно-фугасные.

Начал изучать карту и выбрал место для засады. Передо мной — низина и болото с кочками. По карте видно, что гужевая дорога, которая была здесь когда-то, переходила в низине через речку. И тут же на карте было написано: БР (брод).

Дело было к вечеру. Солнце уже садилось. Слева, справа — кустарник. Мы его расчистили, оборудовали огневую позицию. Вижу: немцы подошли к реке, перешли её, отжали одежду, и тремя колоннами, в каждой человек по семьдесят, двинулись в мою сторону по дороге. Я встал так, что солнце оставалось позади меня. В этом случае они меня не видят. Расстояние до них было метров семьсот. Шли немцы без разведки. Скорее всего

не предполагали, что здесь в болоте среди кочек их могут уже ждать.

Пехотинцев расставил и говорю: «Нельзя ни одного из них подпустить близко, чтобы он гранату смог добросить». Ведь верх у самоходки — брезентовый. А в бою брезент вообще снимают. Нам бы всем одной гранаты вполне хватило... Я сам за пушкой. Начал стрелять, когда до немцев осталось всего метров двести пятьдесят. Первый выстрел был для немцев полной неожиданностью, но они быстро стали рассредоточиваться. И тут среди криков на немецком языке мы услышали русский мат — это оказались власовцы. Темп стрельбы был такой, что заряжающий только успевал снаряды подавать: забросил снаряд — выстрел, забросил снаряд — выстрел!..

С такого расстояния промахнуться было просто невозможно. А были такие выстрелы, что от одного разрыва пять-семь человек сразу падали. Я не добивал тех, кто остановился на месте, и раненых, которые ползли назад. Но почти все немцы упорно лезли вперёд! Были они настолько близко, что их лица можно было различить! И так рвались они вперёд до самого последнего момента. Если бы хоть один подошёл к нам на бросок гранаты, то нам всем бы в один момент настал конец. Но ни один не дошёл... Молодцы пехотинцы: тех, кто близко подходил, они мгновенно уничтожали.

Пули по броне стучат, как горох по пустому ведру. Ствол раскалился, внутри самоходки не продохнуть от гари. И как только я расстрелял все снаряды (бой длился не больше пятнадцати минут), пехотинцы прыгнули на броню, и мы ушли.

Пехотинцев наградили всех. А нам — ничего... Потом мне мой механик-водитель Вася Гривцов написал, что наградной на меня за этот бой приватизировал, как сейчас говорят, замполит. А когда я с фронта уехал на учёбу, Вася пришёл к командиру и сказал: «Больше ни с кем я воевать не буду!». И командир взял его к себе адъютантом.

Однажды мне дают задание разведать путь под железнодорожным мостом к шоссейной дороге. Здесь против нас воевала танковая дивизия СС. Название не знаю, её откуда-то с Запада перевели. У них были только «тигры» и «пантеры». Немцы, особенно эсэсовцы, воевать умели...

Я немного до реки не дошёл и провалился в трясину, завалился на правый борт. Огляделся: метрах в ста пятидесяти от меня мост железнодорожный. Мы выкинули из машины брёвна, тросы — всё, что нужно, чтобы машину вытаскивать. И тут видим: артиллеристы, которые стояли у моста со своей «сорокапяткой» (45-мм противотанковая пушка. — Ред.), бегут и кричат: «Тигры», «тигры!..». Я внутри самоходки ещё был, бегущих ар-

тиллеристов вижу через револьверную заглушку (она нужна, чтобы изнутри можно было стрелять и оборонительную гранату Ф-1 выбросить наружу. У нас в боекомплекте было двадцать таких гранат).

Тут «тигр» выходит. Расстояние до него метров сто пятьдесят. Остановился, снарядом «сорокопятку» разбил, пострелял в наших, которые в стороне были... Думаю, что сначала он мог самоходку мою и не заметить — мы же были все в грязи! Но тут вдруг «тигр» пушку разворачивает прямо на нас! Я только успел подумать: «Господи! Но не могла же тётя Маня ошибиться!». Жить нам оставалось несколько секунд... «Тигр» пушку на нас навёл, подержал-подержал... И вдруг отводит, не выстрелил. Чудо! В стороне по дороге идут два «шермана», отстали от остальных. До них километра два было. «Тигр» их поджёг и снова возвращается ко мне! Опять наводит пушку, держит... И вдруг даёт задний ход, не отводя пушку. И ушёл за железнодорожный мост!.. Меня все потом поздравляли со вторым днём рождения.

Когда «тигр» ушёл, мы стали самоходку из грязи вытаскивать. Наши через мост так и не пошли, ушли другой дорогой — той, на которой «шерманы» подбили. Когда самоходку вытащили — уже ночь. Думаю: «Чего ехать за своими в обход? Немцы отсюда же ушли». Переправились через реку. Она в этом месте

неширокая. Вдруг слышу — рядом гудят моторы. Решил, что наши. Выезжаю на шоссе и упираюсь прямо в «пантеру»... Задний ход — там тоже «пантера». Получилось, что в темноте мы вклинились в немецкую колонну. Вдруг команда: «Вперёд!». Прошли с полкилометра, остановились. Немцы бегут вдоль колонны и по броне стучат: «Командиров — в голову колонны!».

Думаю: «Можно, конечно, бросить самоходку и убежать. Но это же особый отдел... И ещё позор и братьям моим на фронте, и родителям». А плен для меня вообще был равен самоубийству.

Мысли убежать больше не появлялись. Я наметил план. У меня с собой была немецкая карта. Их карты были более точные, чем наши, — ведь немцы уже наступали в этих местах. Смотрю — километра через полтора дорога уходит направо. А прямо дорога просёлочная ведёт в ту сторону, куда наши ушли. Перед перекрёстком я приотстал, и «пантера» передо мной ушла далеко вперёд. И как только она стала поворачивать направо, я её нагоняю и буквально метров с десяти-пятнадцати бью её в зад из пушки! Запылала... Немцы стали стрелять беспорядочно, а мы драпанули. Стоял густой предрассветный туман. В нём мы быстро скрылись.

Вижу впереди у деревни несколько самоходок СУ-76. Я не знал, что накануне

днём тут было побоище страшное. Встречает меня Лёнька Куперфиш. Рассказал ему про историю с «тигром» и немецкой колонной. Он: «Ну и везёт же тебе, Тимка!».

Окончательно рассвело. Вижу: километрах в двух на пригорке «тигры» в землю врытые. Немцы умудрялись за ночь врываться в капониры, очень дисциплинированные были. Я Лёне говорю: «Давай, поедем, и «тигра», который крайний, рубанём!».

Я карты хорошо читал: вижу овраг, из которого если метров на двести выйти, то как раз можно «тигра» в борт достать. Лёнька говорит: «Поедем на моей!». И поехали мы на его машине. Подъезжаем, а «тигры» как раз из капониров выходят! И тот, который мы наметили, тоже. Лёня командует своему наводчику, куда целиться, делает выстрел, но попадает в каток! А «тигру» это — как укол, у него даже гусеница не слетела. Лёню как парализовало: смотрит на меня и ничего не делает! Кричу: «Задний ход и прыгайте!». Дали задний ход, выпрыгнули. Самоходка уже почти скрылись в овраге, как «тигр» ударил ей в боевое отделение. Пушку разнесло, но самоходка не загорелась, осталась на ходу. И мы все живы.

Лёня спрашивает: «А что мне теперь будет? «Смерш»? (военная контрразведка. — Ред.)». Говорю: «Ладно, там посмо-

трим. Давай, назад поедем. Что-то наши танки загудели. Потом будем думать».

Подъезжаем к нашим, у нашей самоходки один корпус без пушки. А оказалось, что наши завелись, чтобы драпануть от «тигров»! Ситуация сложная: понимаю, что надо Лёню выручать, — ведь я виноват, что подбил его на «тигра» пойти. И ещё вижу, что наши пошли в ту сторону, где я «пантеру» сжёг. Их же там точно встретят!

И тут ещё «тигры» в атаку пошли! Но я всё-таки решил «тигров» со своей самоходкой встретить. Думаю: между домов я их подкалиберными смогу достать, только надо в точечку на броне попасть, в место определённое.

Тут вижу — чуть в стороне танк стоит, «ИС-2» (советский тяжёлый танк «Иосиф Сталин». — Ред.). А накануне тут же побоище танковое было, наших много побили. Но этот вроде целый, не сгоревший, башня на месте. Подбегаю к танку, постучал по броне. Механик-водитель — старший техник-лейтенант — открыл свой лючок. У механика на погонах три звезды, у меня — одна. Спрашиваю: «Чего стоите?». — «Командира ждём». К тому времени некоторых из тех наших ребят, которые драпанули, «тигры» расстреляли. И нам отход, получается, отрезан. Спрашиваю танкистов: «В позорный плен пойдём или будем драться?». Сдаваться вроде никто не собирался. Спрашиваю: «Сколько снарядов?». За-

ряжающий: «Шесть, из них один — с уменьшенным зарядом».

Залез в башню. — «Где тут у вас прицел, где пуск?». Я впервые в «ИС» оказался. Сориентировался вроде внутри, вылез наверх посмотреть, где огневую позицию занять. Вижу неподалёку навес под сено, это крыша на столбах. Лучше огневой позиции не придумать! Двинулись туда, но специально немного до навеса не дошли, чтобы сено не загорелось. Посчитал — семь «тигров» идут, курсом градусов под сорок пять от меня. А снарядов у меня шесть, до ещё один из них с уменьшенным зарядом. Говорю Лёне: «Посмотри, куда попадёт первый выстрел». На стволе танка набалдашник, от него дым в разные стороны. Пока дым разойдётся, и не увидишь, куда ткнулся снаряд.

Выстрел! Лёня кричит: «В направляющий каток гусеницы попал, гусеница сорвалась!». Дальше я четырьмя снарядами четыре «тигра» сжёг, они загорелись. Пятым, уменьшенным, ударил — «тигр» встал и задымил, густо задымил... А оставшиеся два «тигра» дают задний ход! Видно, подумали, что сейчас и им конец. Если бы они сразу по мне стали стрелять, то, конечно, сожгли бы сразу.

Снарядов больше нет. Командую: «Задним ходом на своё место!». Уже почти ушли — и тут в нас страшный удар! Это как будто на тебе стеклянный колпак надет и по нему кувалдой кто-то ударил!

Немцы обычно били по башням, потому что снаряды в танке вдоль башни уложены. Снаряды от попадания детонируют — и башню сносит. А у нас снарядов-то нет! Но заряжающего всё равно убило...

Кое-как довёл танк до ложбины на дороге, корпус вроде как за бруствером спрятался. Так и не понял до сих пор, пошёл бы танк дальше или он уже окончательно остановился. Надо вылезать, ведь внутри дальше делать нечего! А вылезать можно только наверх, в этом танке всего один люк. Полезли по очереди. Только я из люка вылез и на броню встал — ещё удар! Меня метров на восемь отбросило. Я плашмя распластался на пыльной дороге, как на перине. Пыль столбом! Лёня меня поднимать подбежал. И тут третий удар! До сих пор помню: у Лёни в голове мгновенно образовалась огромная дырка, осколок туда большой попал. Он успел руку мою поднять, в неё осколок тоже попал. Поворачиваюсь к танку — в люке искромсанный механик висит, его просто на куски разорвало...

Вскочил — и бегом к своей самоходке! Я же её бросить никак не мог, и экипаж меня бы никогда не бросил. Все драпанули, а мои стоят, ждут... Точно так же «ИС» после боя стоял, ждал своего командира.

Бегу, и тут в какой-то момент мне показалось, что какая-то сила меня в спину как ударит! Но на самом деле ничего меня не ударило. А я зачем-то наклонил-

ся за обломком кирпича, который был мне совершенно не нужен. И тут прямо надо мной снаряд пролетает и бьёт в угол дома! Подбегаю к своим и слышу залп «зверобоев», наших стомиллиметровых пушек. Почти сразу оставшиеся два «тигра», которые целенаправленно за мной охотились, загорелись...

А всё же это на открытом месте происходило! Кто-то увидел и доложил командиру танкового корпуса: «Какой-то смертник-танкист четыре «тигра» сжёг, один подбил! Но почему-то не стал бить остальные и дал задний ход. Что ему помешало?».

Вижу — подъезжает «виллис» командира корпуса: «Товарищ младший лейтенант, вас к генерал-лейтенанту». Подхожу к командиру. Он меня обнял, поцеловал, героем назвал. И говорит: «Как ты с этой малютки-самоходки оказался в «ИС»? Откуда ты знаешь, как там стрелять?». Отвечаю: «Да я же танкист, училище танковое закончил. И вообще учился на таком танке, где я один в башне».

Тут к нам подходит командир полка «ИС»: «Герои мне нужны! Дам тебе новый «ИС», истребителем «тигров» и «пантер» будешь!». Отвечаю: «Спасибо, конечно, но я в свой полк поеду». В полку меня все поздравляют! Один замполит не поздравил, принципиально...

Герой-то я герой, но, оказывается, своими действиями я скомпрометировал

гвардейцев-танкистов! Если бы я не появился, то они списали бы всё на боевые потери. А теперь надо объясняться: почему командира в танке не было, почему бросили «ИС» и вообще почему драпанули? Да ещё плюс ко всему обидно было осознавать, что какой-то беспартийный (!!!) самоходчик из брошенного «ИС» столько «тигров» сжёг!

Думали танкисты, думали, как им из этой некрасивой ситуации выкрутиться, и придумали!.. Назначают меня в разведку боем на город Радзимин. По замыслу командования, батарея — пять самоходок — должна пройти в город по дамбе. Только мы подъехали к дамбе на рекогносцировку, как нас накрывает немецкая артиллерия! Мне осколком перебивает нос, наводчику осколок попал в живот. Рядом со мной был комбат, капитан Шабанов, он руку в сторону держал — ему руку перебило. У меня лицо всё в крови, поэтому я со своим экипажем в разведку не иду! А когда позже меня в тыл повезли, вижу — на дамбе четыре факела горят, наши самоходки... Меня послали на верную смерть: нет свидетеля и участника боя с «тиграми», нет и объяснений. А все мои победы — танкистам! Но им не повезло, опять я живой остался...

Носа у меня практически не было, всё было разворочено. Меня взялась зашить молоденькая девчонка — фельдшер, имя не помню. Говорит доктору: «Я зашью!».

Доктор: «Куда ты лезешь!». Она: «Для себя стараюсь». И девчонка так операцию сделала, что нос на месте остался! Положили меня на улице под берёзу. Нас шестеро там лежало с головами завязанными: кто в голову ранен, кто в лицо. Было это в ночь на 29 августа 1944 года. А ночью у меня началась лихорадка. Жуткое дело: температура сорок, сорок один... Комбинезон не греет, меня трясёт всего. Говорю кому-то из обслуживающего персонала: «Замерзаю...». — «Пойдёмте, я положу вас в палатку, в изолятор. Там есть спальный мешок». Я в этот мешок залез и уснул.

Утром просыпаюсь, слышу голос нашего замполита. Он спрашивает: «А где он?». Отвечают: «Да, наверное, умер». Я сначала подумал, что он заряжающего ищет. Замолит увидел меня и говорит: «Я приехал тебя хоронить. В берёзу снаряд ударил, и всех под ней порубило». А я опять живой...

Постепенно я стал поправляться. Как-то раз, уже в команде выздоравливающих, вижу: наш лётчик протаранил «раму» (немецкий двухмоторный двухбалочный тактический разведывательный самолёт. — Ред.). А у немцев на «раме» полковники летали. Лётчик выбросился с парашютом, но парашют не раскрылся, лётчик разбился. Все побежали к «раме» за трофеями. А я сижу на пне, мне трофеи не нужны были. Вдруг сзади кто-то

подходит ко мне, обнимает и целует. Это меня нашла Шура Егина, ленинградка. Красивая, умная, строгая к себе... Мы с ней даже пожениться собирались. Но на неё положил глаз инженер-полковник. Она ему говорит: «Если Тимофей тебя увидит, он тебя пристрелит. Ревнивый!..».

Вдруг меня вызывает командир полка: «Тимка, вот наградной на орден Отечественной войны. И обрадую: на тебя пришло персональное направление на учёбу». Я: «Да вы что? Я воевать хочу!». — «Тебе надо немедленно уезжать...». А это оказалось продолжением той же истории с пятью «тиграми» сожжёнными. Все же расспрашивают меня, как всё было на самом деле. И пока я здесь — я живой свидетель. Танкистам надо опять принимать какие-то меры. Раз не получилось меня в разведке боем сгубить, они придумали меня на учёбу отправить. (Кстати, перед учёбой мне разрешили заехать домой. Сбылось предсказание тети Мани!)

Все завидуют мне — с фронта уезжаю! Я к Шуре — она говорит: «Тима, езжай». Мы с ней потом переписывались. Но както она написала: «Мне инженер-полковник сказал, если буду отказываться дальше, отправит на передовую. Больше не пиши...».

Я уехал учиться, война для меня закончилась. А через несколько месяцев немцы капитулировали, и началось сокращение армии. Мы перегоняли в Советский Союз

грузовые машины из расформировываемых дивизий: в армии они были больше не нужны, и их отправляли в народное хозяйство. Были и трофейные, и наши. В моём автобате было пятьсот машин. Таких автобатов было несколько, всего несколько тысяч машин.

Гнали мы машины по северу Польши. Потом дальше пошли на Белоруссию, в Бресте пересекли границу и встали километрах в сорока от города. Моя задача была: машины восстановить.

Но до этого в Польше мы едва не погибли. Проезжаем один городок. В нём накануне прошли выборы, и всего пятнадцать процентов жителей проголосовали за народную власть. Они в большинстве своём настроены были против советских очень агрессивно и враждебно. Вроде мы их от фашистов освободили, но им это почему-то не понравилось, поэтому мы все были с оружием — у каждого карабин и гранаты Ф-1.

Я ехал в хвосте колонны — собирал те машины, которые в дороге сломались. Чинил их, брал на буксир. Ни одной машины мы не бросили. Но мне намного важнее было не машины сохранить, а водителей не потерять. Ведь это были солдаты демобилизованные, войну прошли и живыми остались.

Колонна ушла вперёд, нас в хвосте осталось машин восемь. Едем-едем, тут вижу — впереди что-то происходит.

Остановились, заняли круговую оборону. И я с водителем на одной машине, на форде, поехал вперёд. На дороге — поляки вооружённые. Пока они снимали пулемёт со своей машины, я проскочил! Они, скорее всего, не рассчитывали, что я пойду один догонять основную колонну. Проскочил дальше через весь городок — моих машин нет... Значит, их где-то зажали.

Прихожу в соседний автобат, говорю: «Надо наших выручать!». Военные тогда нормально друг с другом взаимодействовали, в автобате дали мне тридцать человек и капитана, командира роты. Только поехали — по нам очередь из пулемёта! Мы затормозили, с машины спрыгнули, рассредоточились...

Стреляли метров с четырёхсот. Огляделся: вокруг кусты зелёные, деревья. Это же лето, нас не особенно видно. Пулемётчики сидели на крыше трёхэтажного дома, в нём заседала местная власть. Я между деревьями и кустами прошёл к дому. Поляки вроде меня не заметили. Обошёл сзади, там — пожарная лестница. Поднимаюсь на крышу — два пулемётчика смотрят в сторону нашей колонны, держат её под прицелом. Я оказался у них за спиной. Подошёл тихо и метров с пяти обоих из пистолета расстрелял... Первый раз за всю войну мне пришлось стрелять практически в упор, да ещё и из пистолета.

Спускаюсь вниз, вхожу в кабинет. Тут и наш капитан подошёл. Из окна слышу: в городе стрельба автоматная, очереди беспорядочные кругом. В кабинете сидит капитан польский, командует нам: «Сдайте оружие!». Я: «Не вы выдавали, не вам мне его и сдавать». Поляк: «Я должен одного из вас убить за двух пулемётчиков». Тут капитан из автобата струсил и оружие сдал. Видно было, что он и мной готов был пожертвовать, только бы самому выжить... А я взвёл пистолет (это был ТТ), навёл на польского капитана и говорю: «Малейшее движение — и первая пуля твоя, а вторая — моя. Стреляю на любое движение вокруг». Рядом стояли два польских автоматчика, они сразу на меня автоматы навели.

Началось всё часов в семь вечера. До одиннадцати мы держали друг друга на прицеле. Когда стало ясно, что я сдаваться точно не буду, поляк позвонил и вызвал советского коменданта. Тот приехал часа в три ночи. Говорит: «Я три дня как комендант и живой ещё. До меня никто даже трёх дней не прожил». Убивали поляки русских...

Я коменданту говорю: «Договаривайтесь, как хотите, но нас отпускайте». Поговорили они, поговорили — поляк автоматчиков убрал. Я ему: «Иди вперёд. Пистолет я навёл тебе в затылок. Малейшее движение — и прикончу». Выходим, смотрю — наших солдат окружили поля-

ки, человек пятьдесят. А наши выдернули чеку из гранат и стоят кучей. Говорю капитану: «Дай команду, чтобы твои ушли». И действительно, поляки ушли. Тут наши стали вставлять чеку в гранату. Не все сами справились (руки затекли, столько времени гранаты держали!), стали помогать друг другу. Посадил я капитана к нам в кабину в середину между мной и водителем, поехали. Он: «У меня дети маленькие...». И как только мы выехали за город, я его отпустил. И вот что интересно: когда он понял, что может уйти свободно, то говорит: «А я бы тебя точно расстрелял...».

Капитан из автобата был очень недоволен, что я поляка отпустил. Я даже за ним смотрел внимательно, чтобы он в поляка не выстрелил. Думаю, он хотел свидетеля своей трусости уничтожить. Такого «геройства», когда ты расстреливаешь людей, а самому тебе не грозит опасность, я никогда не понимал.

В Белоруссии мы были месяцев пять. Всего туда пригнали несколько тысяч машин. Только разных марок машин было сорок девять! Вытащишь пучок проводов — ничего не понятно! Я сидел и часами разбирался. И в конце концов я все машины сдал! Хоть я нигде и не учился, но технику очень любил и с детства с ней возился. Командиры деньги предлагали — ни разу ни рубля ни с кого не взял. А если надо было ребят подкормить немножко,

то сам — за руль, кого-то наверх сажаю, чтобы деньги собирал, и пассажиров набираю. На эти деньги удавалось солдат дополнительно подкормить.

Пока мы машинами занимались, дивизию нашу расформировали. Кто поехал туда — возвращаются обратно уже все уволенные. А комбат говорит: «Я остался. И тебя оставляю с собой». В Германию обратно уже никого не пропускали, но мы с ним всё-таки проехали. Кадровик дивизии, подполковник Демченко, забрал у меня удостоверение личности: «Ты уволен. Чтобы завтра убыл! Если не убудешь, мы тебя арестовываем как дезертира». К коридоре меня встречает начфин: «Дай книжку, я посчитаю, сколько у тебя талонов». На следующий день прихожу к нему, а он: «А у вас талонов не было!». И оказался я в Германии в декабре 1945 года в пилотке, в хэбэ и плащ-накидке без талонов на питание, без удостоверения личности... Прихожу в квартиру, где жил, — там ничего нет, даже грязные носки забрали. Но это оказалось не самое страшное. Выяснилось, что кадровик меня и ещё несколько офицеров уволил под предлогом отправки в венерический госпиталь. Прихожу к кадровику с вопросами. Он даже слушать не стал: «Немедленно убирайся!». Куда ехать, что вообще делать — непонятно...

У меня были знакомые, репатриированные. Дали они мне гражданскую

одежду. Я переоделся и поехал в Потсдам, где стоял штаб Группы наших войск. Пошёл к начальнику Управления кадров автобронетанковых войск, но на КПП не пропускают! Повезло — один часовой оказался из Оренбурга. Я ему: «Ну отвернись на секунду, я через забор перемахну!». Он так и сделал, я перемахнул — и к кадровику. А он не принимает! Уже в девять вечера выходит из кабинета, день закончился. Я к нему: «Товарищ генерал, только вы решить можете!». Показываю отличную характеристику, которую дал мне комбат, в которой он просит назначить меня к нему в батальон. Но у меня удостоверения-то нет. Как проверить? И партбилета тоже нет... Единственное, что было при себе, — это орденская книжка.

Генерал меня выслушал и пишет распоряжение, чтобы меня в гостиницу устроили, чтобы покормили... Говорит: «Завтра приходите». Прихожу и встречаю в коридоре моего комбата! Генерал нас уже двоих выслушал и в своих документах фамилию кадровика дивизии Демченко зачёркивает, а мою фамилию вписывает. Говорит: «Езжай к Демченко, забери удостоверение личности».

Приезжаю, а Демченко уже всё знает, у него на глазах крокодильи слёзы: «Так у менэ же дити!..». А я ему говорю: «А ты мне какую судьбу приготовил? Что я тебе плохого сделал? Ты же меня лишил всего: ни учиться не могу, ни работать.

Вообще никуда меня не возьмут с твоей характеристикой венерической. Правда же должна быть! Как ты мне сделал, так тебе и вернулось!».

Потом до увольнения я пережил пять расформирований. И пять раз меня, беспартийного, держали, не увольняли. При расформировании столько материальных ценностей передвигалось! Но я никогда себе ничего не взял. Пришло время и мне увольняться. Сдаю должность Коле Корниенко. Он говорит: «Ну вот теперь я мяса наемся!». Говорю: «Коля, так ведь в мясе кости есть! Можно подавиться...». И через год они подавились... Я их два-три года как-то держал в руках. А после меня совсем они распустились. Их кого без пенсии уволили, а кого-то вообще посадили.

Много чего после войны пришлось мне в жизни пережить. Работал и директором Парка культуры и отдыха, и военруком в школе, и в коммерческих структурах. Но, как и на фронте, никогда и нигде ничего, кроме положенной зарплаты, себе не брал. Поэтому мне очень больно вспоминать встречи с бандитами и грабителями. Я их никак не могу понять!

Ехал я как-то летом на 127-м автобусе от метро Петроградская. Только вошёл — слышу женский крик: «Помогите, помогите!..». Посмотрел — какой-то парень зажал молоденькую девушку, она вырваться от него не может. Оглянулся — в автобусе народу много, мужчин человек

восемь. Из них двое — офицеры в форме, капитаны. Но все сидят, нагнувшись, делают вид, что не слышат. Никак не реагируют.

У меня левая рука была сломана, в гипсе на повязке висела. Встал между девушкой и бандитом. Думаю: «Ну хоть старика-то со сломанной рукой не тронет, отстанет». Тут вижу, что женщины крутят пальцем у виска. Мне показывают: я дурак, что связался. От девушки парень отцепился, но ко мне прилип, угрожать стал! Ехали, ехали... Тут места освободились. Сажусь, а он слева уселся. Прижимает меня к стенке автобуса и шипит: «Сейчас я тебя прикончу...». А одна рука у него в кармане. Что-то у него там было, нож — так это точно, уж очень уверенно он держался. И у меня вдруг такая ярость в душе поднялась! Во-первых, злость на военных. Ну ладно, девочку от грабителя не защитили. Но хоть за старика-то заступитесь! А во-вторых, когда бандит мне сказал, что прикончит меня, мысль мелькнула: «Фашистов на фронте не боялся, неужели этой мрази испугаюсь!». Но что делать: рука сломанная. Что с одной рукой можно сделать? Но придумал — локтем загипсованной левой руки двинул ему в область виска! Влепил от души, чтобы надёжно было. Но, похоже, силу удара не рассчитал — он вылетел с сидения и растянулся в проходе. А тут как раз остановка «Серебристый бульвар». Все мужчины из автобуса выпрыгнули...

Смотрю на бандита: лежит, глаза открыты, хлопает ими… Вид у него какой-то безумный. Перешагнул через него и думаю: «Если что, я ему ещё ногами добавлю…». Но он даже не дёрнулся. Вышел (а это была моя остановка) и пошёл специально тихонько. Ни разу не оглянулся. Именно тогда я понял, что наши защитники Родины стали какие-то ненадёжные…

Но особенно больно говорить о том, как нас, инвалидов и ветеранов войны, обкрадывают и грабят. Причём очень часто именно под 9 мая приходят разные личности, будто из органов власти и под предлогом помощи к празднику. Меня самого один раз обокрали и три раза ограбили.

Первый раз залезли через балкон. Жена собиралась линолеум постелить на кухне. Наметили на субботу. А потом я говорю: «Что мы будем в выходные дома сидеть! День хороший, поедем на дачу. Как-нибудь вечерком и сделаем». Жена позвонила тем, с кем договорилась линолеум укладывать, и сказала, что нас в этот день дома не будет.

Пока мы были на даче, воры набросили лестницу на балкон (у меня второй этаж) и залезли. Соседи с первого этажа всё видели, но промолчали… Взяли воры мой магнитофон, у жены серёжки, колечко. Ордена, правда, не тронули. Больше брать у нас было особо нечего. Мы бога-

то никогда не жили, старались помогать родным по возможности. Я только что немного денег с книжки снял, из пенсии. Деньги в сберкнижке так и лежали. Они деньги забрали. Но книжку наверняка пролистали и увидели, что никаких накоплений там не было за все годы. Ведь пенсия офицерская нищенская была. Может, поэтому и не стали особо тщательно обыскивать квартиру, не знаю.

Воры оказались культурные: ничего не ломали, просто вещи переворошили. Бельё не выбрасывали из шкафа, а перекладывали. Перебрали всю одежду, почти все книги. Но в книгах о войне почему-то деньги искать не стали. А там как раз и лежали деньги на машину сыну! Когда мы в воскресенье подъехали к дому, дверь снаружи не смогли сразу открыть — воры изнутри её закрыли. Жена разволновалась здорово, сын расстроился. А у меня такое было чувство: ничего страшного не произошло, всё нормально должно быть. Зашли — сын с женой сразу бросились к военным книгам!.. А деньги целые!

Вызвали криминалиста, он снял следы и отпечатки. И через два или три года воров нашли! Они после меня обчистили ещё двадцать три квартиры. Брали по триста, по пятьсот тысяч. На суде я их увидел: три парня и одна девушка, студенты. Судье сказал, что претензий к ним не имею: того, что они взяли, давно у них уже нет. А им говорю: «Вы что, не виде-

ли, к кому идёте?». Они: «Да мы только, когда залезли, увидели...».

А потом ко мне трижды наведывались грабители. Один раз вошли двое, ещё один на улице остался. Вошли под предлогом помощи ветеранам от властей. Зашли, посмотрели... Говорят: «Мы думали, что вы ветеран, а вы инвалид войны!». (Война всё дальше, а ветеранов сейчас становится всё больше и больше. Новоиспечённые ветераны не воевали вообще, но квартиры сейчас получают исправно. Вот таких ветеранов часто и ходят грабить, особенно под 9 мая.) А у меня брать нечего. И эти молодые парни, наркоманы, так и ушли ни с чем.

Как-то двое пришли. Один за дверью остался, один вошёл. У меня дома было тридцать тысяч: у меня у правнука ДЦП (детский церебральный паралич. — Ред.), думал эти деньги ему послать. Так тот, который вошёл, деньги эти забрал. Потом по телевизору показали эту морду, его задержали. Но в милицию я сообщать не стал. Какой смысл?

Однажды мы с женой по лестнице в подъезде шли. Тут бандит у неё сумочку вырвал! Я бросился жену защищать, а он меня вниз головой по лестнице так пустил, что я летел и думал: всё, конец мне... Но было такое состояние, будто я во сне был. И как на воздушной подушке

на пол бетонный опустился! Поднимаюсь с пола — ни одной царапины и ни одного ушиба! Ещё бандита попытался догнать...

А совсем недавно, в 2011 году, приходили ещё двое под предлогом помощи в ремонте квартиры. Меня заливали сверху. Я писал об этом в администрацию местную. Там бандиты эту информацию где-то и получили. Говорят: «Пришли, чтобы проявить заботу, помочь отремонтировать квартиру». Вошли, посмотрели и говорят: «Здесь брать нечего». Я уже понял, какие это «помощники», и говорю им: «Вот моя сберкнижка с пенсией — нет больше ничего. То, что можно было взять, уже взяли. Правда, первые четверо сели, ещё одного недавно по телевизору показали — скоро сядет. Вам-то зачем это надо?». Ничего не сказали, ничего не взяли и ушли...

Никогда таких людей я понять не смогу! Ну как я принесу домой что-то ворованное? Меня же сын спросит: «Папа, а ты где это взял?». Или ещё хуже — скажет, когда буду его за проступок воспитывать: «А ты сам-то какой?». Поэтому я поступал всю жизнь так, чтобы меня ни на службе, ни на работе, ни жена, ни дети ни разу не упрекнули — а ты сам-то какой? Разве это не ценно? Ведь главное в жизни, чтобы твоё доброе имя до внуков и правнуков дошло! Мне всего хватает. А то, что мне на самом деле надо, мне Бог даёт.

ШТУРМ ГРОЗНОГО. УНИВЕРСИТЕТ

В январе 1995 года после штурма здания университета в Грозном офицеры-десантники Александр Пегишев и Александр Думчиков остались лежать на площади с пятью ранениями на двоих. До своих было всего-то несколько десятков метров. Но каким огромным это расстояние может оказаться... Почти сутки провели они в летнем камуфляже на промёрзшем асфальте. Но не только не дали «духам» себя убить или взять в плен, но и отбили все атаки.

Боевые товарищи, после неоднократных безуспешных попыток вытащить двух своих офицеров, отчаялись и мысленно их уже похоронили. Но вопреки всему два Александра выжили и сами вышли к своим. О том, что именно помогло офицерам-десантникам спастись от верной смерти, этот рассказ...

Герой России полковник Пегишев Александр Игоревич родился 2 октября 1962 года в селе Сальник Калиновского района Винницкой области Украины. После окончания средней школы поступил в Винницкий медицинский институт, но учился там только год.

В Вооружённые силы СССР призван на службу в ноябре 1980 года. Проходил срочную службу в воздушно-десантных частях в Сибири, стал командиром отделения. В 1982 году поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, успешно окончив его в 1986 году.

После окончания училища командовал взводом, был заместителем командира и командиром роты, помощником начальника разведки бригады ВДВ. Участвовал в боевых действиях в Афганистане, в локализации межнациональных конфликтов в Алма-Ате, Ереване, Нагорном Карабахе, Баку, Тбилиси.

В боевых действиях в период первой чеченской войны участвовал с декабря 1994 года. Всего провел в боях в Чечне 4 месяца. Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1995 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, майору Пегишеву Александру Игоревичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда».

После длительного лечения от последствий тяжёлых ранений продолжил службу в рядах Вооружённых сил. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и Академию государственной службы при Президенте России. Служил в Главном штабе ВДВ.

В настоящее время полковник А.И. Пегишев уволен в запас. Является председателем Союза Героев Российской Федерации.

Герой России подполковник Александр Павлович Думчиков родился 16 июня 1973 года в городе Макеевка Донецкой области Украинской ССР. После окончания средней школы в 1994 году окончил Рязанское военное воздушно-десантное командное училище. С августа 1994 года служил в 21-й отдельной воздушно-десантной бригаде ВДВ (Ставропольский край) в должности командира разведывательного взвода.

За мужество и героизм, проявленные при штурме Грозного в январе 1995 года, Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 1995 года лейтенанту Думчикову Александру Павловичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда».

До 1996 года проходил лечение после тяжёлых ранений. С 1996 года – заместитель начальника штаба воздушно-десантного батальона. В 1998 году из-за последствий ранений вынужден оставить службу в десанте. В 2001 году окончил Военный Университет. Подполковник А.П. Думчиков проходил службу в должности юрисконсульта Военной академии Генерального Штаба. В 2009 году уволен в запас.

Работает юристом в одной из девелоперских фирм. Живёт в Москве.

Награждён медалями.

Рассказывает Герой России полковник Александр Игоревич Пегишев:

— В 1994 году я служил в 21-й отдельной воздушно-десантной бригаде ВДВ в должности помощника начальника разведки. Разведка состояла из ста сорока человека: разведрота, разведотделение и три разведвзвода.

Приказ убыть в командировку поступил в самом начале декабря 1994 года. Шли в Чечню без брони, на грузовых машинах. С нами была приданная разведрота 234-го парашютно-десантного полка из Пскова. Командовал ей капитан Юрий Иванович Никитич (8 января 1995 года погиб в Грозном. Посмертно присвоено звание Героя России. — Ред.). Были ещё три танка из Чебаркульской учебки. Задачу нам поставили простую: как можно быстрее подойти к Грозному.

В город мы вошли в ночь с 31 декабря на 1 января, так что праздновать Новый год нам не пришлось. Да и не было никакого желания... Входили мы в Грозный с запада в составе группировки, которой с 3 января стал командовать генерал-майор Иван Ильич Бабичев. Общая задача была как можно быстрее углубляться в город в сторону центра.

В пригороде Грозного разведке бригады поставили задачу: обеспечить проход своего передового батальона к центру. Стали осматривать и прочёсывать пригородные дачи. И на самой окраине вышли

к трём ещё дымящимся нашим танкам. Зрелище страшное: рядом с танками — пробитые пулями и осколками тела погибших танкистов и резкий приторный запах обгоревшего мяса и резины...

Вошли уже в сам город. Впереди на перекрёстке — кирпичный дом с рестораном с разбитыми витринами на первом этаже, отличное место для засады! Я оставил бойцов, а сам пошёл к дому вдвоём со старшиной роты, прапорщиком Валерой Чекалиным. Вдоль дома мы подошли вплотную и одновременно с ним влетели внутрь через витринные проёмы. И попали прямо гущу боевиков!.. Было их с десяток... Кто-то из «духов» стреляет, кто-то за столиками сидит, магазины патронами снаряжает. Что было дальше, помню смутно: мелькали фигуры, вспышки, грохот, крики. Одна картина до сих пор стоит перед глазами: почти в упор я бью «духа» из автомата, вижу, как пули одежду рвут! А он всё не падает и продолжает идти на меня...

Не знаю как, но нутром я почувствовал, что чечены засели и на втором этаже. Рванули по лестнице вверх. А навстречу с криком «русские!..» «духи» летят! Ударили по ним из автоматов, в которых почти сразу кончились патроны. Бросили бесполезные уже автоматы и схватились с ножами врукопашную. А это такой ужас, что вообще вспоминать страшно... Но в голове билась одна мысль — это

враги, их надо убить как можно больше. И только уже после боя, когда мы пришли в себя, то осознали с Валерой, что нас-то было всего двое, а боевиков — намного больше...

Мы продвигались по Грозному почти без потерь — одна из главных задач тогда была беречь солдат. Почти сразу поняли тактику «духов»: они стреляют из окон верхних этажей. Поэтому в ответ сразу появилась своя тактика: когда подходим к очередной многоэтажке, молодые солдаты стреляют по окнам, не дают «духам» высунуться, а офицеры и старослужащие врываются в дом и снизу штурмуют его.

1 января мы подошли к стадиону и ресторану «Терек». После перегруппировки первый заместитель командующего Воздушно-десантными войсками генерал-майор Чиндаров поставил задачу: по двум улицам — Карла Маркса и Розы Люксембург — выйти на рубеж железной дороги. На острие наступления оказались 2-я рота капитана Алексея Тараскина и моя разведрота. С рассветом за нами должны были подтянуться пехота и танки.

Так получилось, что наши две развед-роты оторвались от остальных. Мы и сами не ожидали, что так быстро пойдём, ведь боевого опыта ни у меня, ни у подчинённых практически никакого не было. Результатом этого было то, что мы продвинулись так глубоко, что сами просто обалдели! Оказались почти на пло-

щади перед дворцом Дудаева. (Нашлись некоторые деятели, которые не проводили зачистку своих зданий и улиц, а продуманно пропустили нас вперёд. А потом они шли за нами и, как я слышал в эфире, докладывали командованию обо всех тех подвигах, которые они якобы совершили: кого мы сожгли и кого мы завалили, про тех и докладывали как о своих делах. Потом они совершили прыжок на сто метров влево, засели в какой-то школе — и оттуда их было просто не выковырять никак!)

С левой стороны от нас действовали разведбат 58-й армии, дальше — морские пехотинцы-балтийцы. Закрепились в двух пятиэтажках. Рядом двенадцатиэтажка прямо напротив здания университета, напротив которого располагался дворец Дудаева. Из университета «духи» простреливали всю площадь. Начались затяжные позиционные бои.

Надо было всё продумать: как действовать в сложившейся ситуации, чтобы и «духов» убить как можно больше и своих потерь избежать. «Убить» — страшное слово, но это война, а задача солдата на войне — убить как можно больше врагов. И все это именно так и понимали.

Вот что мы придумали: в соседнем здании организовали склад боеприпасов, который тщательно охраняли. Беру с собой самых опытных парней, идём к складу. Там снаряжаем мага-

зины, ленты для пулемётов и броском входим в двенадцатиэтажку. А окна у неё расположены как раз напротив окон университета, расстояние несколько десятков метров. Скрытно занимаем позиции и по команде бьём из всего, что есть, по окнам университета. Минут через тридцать-сорок, когда расстреляем боекомплект, отходим к себе в пятиэтажки. Но отходим не все: на верхних этажах оставляем снайперов и гранатомётчиков. И как только спрятавшиеся «духи» начинают мелькать в окнах и проломах в стенах, они их уничтожают.

Расстояние было такое, что мы и боевики слышали друг друга. Обменивались «любезностями», иногда специально провоцировали «духов», обзывая их по-всякому. Тот, кто из них не выдерживал и вылезал, получал пулю. И тогда же в ответ на наши крики раздались украинские песни! Так мы впервые столкнулись с тем, что за «духов» воюют наши «братья-славяне», украинские наёмники. Глаза и уши отказывались поверить такому, но, увы, это была реальность.

Так продолжалось довольно долго, почти неделю. Вдруг слышу в эфире свой позывной — «Сторож-3». Передают приказ генерала Чиндарова: зачистить здание университета! Решили штурмовать несколькими группами. Основная, которую вёл я, должна была войти в уни-

верситет с площади перед дворцом. Отвлекать внимание должна была группа командира роты Алексея Тараскина. Всего нас было двенадцать — три группы по четыре человека.

В ночь с 11 на 12 января в сторону университета ушла группа Тараскина. Со стороны кинотеатра они атаковали охрану на первом этаже. Завязали бой. Чечены сосредоточили огонь и внимание на бойцах Тараскина.

Рассказывает Герой России подполковник Александр Павлович Думчиков:

— План был такой: три группы по четыре человека перед рассветом входят в Университет. За нами идут мотострелки, и мы вместе с ними держим оборону до похода основных сил.

Мы четверо вошли в здание университета со стороны кинотеатра первыми. «Духи» как раз приходили в себя после артподготовки. Я сразу ушёл в правое крыло. Мы тут же рванули на второй этаж — надо было уничтожить тех «духов», которые из окон вели огонь по штурмовым группам мотострелков. И почти сразу по рации передают команду — отходить! А сделать это было очень непросто... Приказываю младшему сержанту Фадейкину отходить к своим. Он с рядовыми Кордоном и Шевчуком сумели выйти из здания, ведь было ещё темно. И тут вижу у окон снайпера и пулемётчика. Выстрелил из автомата в

снайпера, из подствольника — в сторону пулемётчика. Больше они не стреляли...

Рассказывает Герой России полковник Александр Игоревич Пегишев:

— В это время (было половина пятого утра) я со своей группой броском перешёл площадь перед университетом. Тут же появились потери: упал и остался лежать на дороге один боец... Второго ранили, когда мы сосредотачивались у стены.

Как только стрельба утихла, мы внезапно для боевиков влетели на первый этаж через главный вход! Сопротивление чеченов было отчаянным и яростным! Стреляли по нам метров с тридцати! Хотя в первый момент они вроде дрогнули и стали отходить вверх по лестнице. Мы — за ними на второй этаж! Но они очухались и стали теснить нас обратно. Рвутся гранаты, грохот очередей... Всё заволокло пылью и дымом, в двух метрах ничего не видно. А тут ещё по школе за университетом ударили миномёты. И боевики из этой школы бросились в университет... Оказалось, что они были соединены подземными ходами. «Духи» лезли из всех щелей, их было в разы больше, чем нас.

Вдруг команда: «Срочно отходить! Сейчас по зданию начнут долбить артиллерия и авиация!». Я не поверил, попросил повторить. Подтвердили. Я снова не поверил (а вдруг это «духи» балуют, как

до этого не раз бывало). Говорю связисту: «Назови первую и последнюю букву своей фамилии». Ответил правильно. Даю своим команду отходить, сам остался прикрывать отход.

Боевики били по отходящим и из окон самого университета, и из развалин соседнего дома. Нашим при отходе надо было пройти не более ста метров. Каким огромным на войне это расстояние может казаться!..

Я стал бить из автомата по окнам, чтобы хоть как-то затруднить «духам» возможность прицельно стрелять. В горячке не сразу почувствовал, что получил одну пулю в колено, другую — в бедро. Почти сразу пришло страшное осознание: ранен, бойцы уже далеко, я остался один... Свои-то пока добегут, пока разберутся, пока попробуют что-то предпринять. А «духи» — вот они, рядом. Двигаться быстро не могу, боль в ноге дикая. В любой момент могут обнаружить: или просто сразу убьют, или будут пытаться взять в плен... И тут же для себя решил: живым не сдамся. Пока есть патроны, буду стрелять... А там — как Бог даст.

Боевики стрелять перестали, значит, наши благополучно добрались до своих. По мне тоже пока не стреляли. Ведь вокруг меня обломки бетона, кирпич битый, не сразу меня заметишь. Но долго оставаться я здесь не мог, надо было что-то решать. И тут я вспомнил свое-

го преподавателя из военного училища. Он прошёл Афган и часто нам повторял: «Самое страшное — это бездействие. Не знаешь, что делать, — зарывайся!».

Смотрю: рядом лунка от разрыва миномётной мины. Залез туда и стал зарываться. У меня был только кусок штык-ножа и маленький огрызок от магазина, которыми и копал мёрзлую землю. Руки — разбиты в хлам... Вгрызся вроде, чуть-чуть очухался. Но тут начался обещанный командованием массированный артиллерийский и бомбовый удар! Кто был под таким огнём, тот меня поймёт... Всё свистит, орёт, гул стоит такой, что не слышишь вздоха своего. Жду, когда обстрел прекратится. А продолжался он больше часа...

Как и следовало ожидать, меня заметили «духи». Поняли, что ранен, и решили взять живым. Но ничего у них не вышло: двоих я убил, одного ранил.

Рассказывает Герой России подполковник Александр Павлович Думчиков:

— Когда наши откатились, я кое-как спустился со второго этажа на первый, забрался в какую-то подсобку. Через некоторое время стало понятно, что кругом «духи». Слышу призыв к молитве, и под «аллах акбар» они полезли из всех щелей! Дальше сидеть не было никакого смысла. Выстрелил в гранатомётчика и вывалился из окна на площадь... До своих было всего метров сто. Но били с трёх сторон, улицу было никак не перебежать.

Удар по ноге. Понимаю: так, попали в меня, ранили… Но движение продолжаю, потому что всё равно надо в какое-то укрытие забираться. Добежал до угла, упал, отстреливаюсь… И в это время получаю ранение в правую руку. По мне стреляют, а я сам стрелять уже не могу! Тут в лопатку удар, меня аж откинуло — получил ещё и ранение в спину.

Нашёл лист железа, на себя его натягиваю, под листом вероятность попадания в меня меньше. Пусть думают, что я убит. И тут стрельба прекратилась… Начинаю думать, что делать дальше… Горлом кровь идёт. Может, пробито лёгкое?.. Прислушался — хрипа вроде нет. Уже легче! Смотрю дальше — на ноге явный перелом, на правом локте шматок мяса висит. (Тут прежде всего надо промедол вколоть и перевязать раны. Но когда я раскладывал промедол по карманам, то делал это правой рукой. Соответственно, правой рукой его и надо доставать. Это сейчас я могу посоветовать раскладывать промедол так, чтобы он был доступен и для одной руки, и для другой.)

Правой рукой двинуть вообще не могу, а левой дотянуться тяжело. Всё-таки как-то срезал бронежилет, дотянулся левой до кармана, достал промедол, сразу достал гранаты. Никакое другое оружие одной рукой я использовать не мог: ни из автомата стрелять, ни из подствольника, ни тем более — отбиваться ножом. Кое-

как перетянул колено, бедро. В это время слышу — свистит кто-то.

Рассказывает Герой России полковник Александр Игоревич Пегишев:

— Вижу — ещё один наш вываливается из полуподвального помещения спортзала метрах в тридцати от меня. Упал, не шевелится. По нему — кинжальный огонь трассирующими. Асфальт вокруг горит!.. Свистнул, кричу: «Если меня слышишь — пошевели рукой». Шевелит, значит живой. Кричу ему: «Притворись убитым, замри!..». Вроде замер. И «духи», похоже, решили, что добили его, стрелять туда перестали. Зато с новой силой ударили по мне...

Стемнело. Заковылял в сторону раненого. Схватил, за что получилось, и рванул обратно. Запнулся за что-то, упал. И в этот момент прямо над головой прошла очередь... Броском до ямы. Упали на дно — вроде здесь пули не достают. Перевязал раненого нормально, кровь у него уже не так течёт. Уже лучше...

Стали задавать друг другу вопросы. Оказался лейтенантом Думчиковым Александром Павловичем, командиром взвода из роты Тараскина.

Мы всё-таки ждали, что будет повторная атака и наши за нами придут. Самим вдвоём выйти нереально: у Сани кость на ноге перебита, правая рука прострелена и двойное ранение в спину. У меня — сквозное ранение бедра левой ноги. Лежим в

общей луже крови, где чья — непонятно. Поделились промедолом, вкололи. Посчитали: на двоих шестнадцать сигарет и восемь спичек. Но хоть было чем стрелять: пятнадцать магазинов у меня, в россыпуху патроны, были гранаты к подствольнику. И шесть гранат Ф-1...

Тут вроде со стороны дома хруст стекла послышался! Взял пару магазинов и пополз к углу. Уже слышу голоса — значит, точно «духи» подходят со стороны переулка! Выхожу из-за угла и говорю: «Здравствуйте!». И сразу положил их всех в упор. Но на помощь им бросилась ещё одна группа! Одна пуля пробивает мне воротник, проходит вдоль бронежилета и разбивает гранату Ф-1 в снаряжённом состоянии. Ещё одна попала в палец и выбила автомат — он улетел, как пропеллер. (За ним пришлось ползти, а потом штык-ножом отравнивать, чтобы хоть как-то затвор двигался.) Но вроде отбился и вернулся снова в яму к Думчикову.

Команды нашим на повторный штурм так и не было — ждали прекращения артобстрела, чтобы вернуться за нами. Они видели, что мы на площади остались одни. В какой-то момент даже попытались задымить всё вокруг, чтобы нас дымом закрыть. Но ветер дул в обратную сторону, поэтому перебежать в жиденьком дыму вариантов не было: и справа, и слева нас держали на прицеле. Завалить нас могли раз сто шестьдесят...

Потом мы снова ждали своих, потом опять отстреливались. Близко «духи» уже не подходили, видно, хватило им боя в переулке. Но патронов-то у нас совсем не осталось! Ведь когда есть чем стрелять, можно и на спусковой понажимать. А когда нечем, хоть караул кричи. Только по одной гранате на каждого осталось — мало ли что... Мы были уже ко всему готовы... В какой-то момент руки подняли, помахали нашим: мол, живы, здоровы! А они это поняли, что мы с ними попрощались...

С момента отхода из здания университета прошло больше двенадцати часов. Когда шли в атаку, бежать налегке было хорошо: в летнем камуфляже, в бронежилете, в разгрузке. А тут температура минусовая... Лежать дальше не было смысла, и было принято единственное правильное решение — всё-таки пытаться выходить самим.

Но как идти, если я даже встать уже не могу, кровь ведь подтекала постоянно! А у Сашки вариантов идти вообще не было — пробиты рука, нога и спина. Он сознание терял постоянно, засыпать пытался. Как могли, друг друга подбадривали. Стали друг другу дурацкие вопросы задавать: что ты не успел в этой жизни? Он: «Знаешь, девчонка в Рязани осталась. Если не приеду, скажет — вот урод, бросил! А ты?». — «У меня жена, две дочери, собака. Так что тут всё нор-

мально. А, вспомнил!.. На «шестёрке» своей поездить не успел. Девять месяцев машину делал. Неужели на ней так и не покатаюсь?!.». Все спрашивают, а что человек в такой момент испытывает? Правильно говорят: кто в армии служил, тот в цирке не смеётся. Там половина юмористы, а другая половина — клоуны. Так что спасибо Сане, что и он не давал мне расслабляться, поддерживал. И я старался, как мог. Сжав зубы, дождались темноты...

Рассказывает Герой России подполковник Александр Павлович Думчиков:

— Мне Саша говорит: «Саня, как стемнеет, я тебя — на себя и тихо-спокойно уходим». Он попытался меня поднять. Но стало понятно, что нести меня практически невозможно: у меня нижняя конечность прострелена, верхняя конечность прострелена, ещё и тело прострелено. Как ни возьми, мне везде больно. Я: «Не, не, Саня!.. Не трожь меня. Идёшь туда сам».

Саша сказал: за мной придут. И ушёл... Но ловлю себя на мысли: я то включаюсь, то отключаюсь, нахожусь в прострации. Ждать дальше смысла не было, ведь окончательно выключиться я мог в любую минуту.

Когда я из окна падал, то часы на браслете — обыкновенные «командирские» — с руки слетели. А у меня примета такая была: пока они со мной, ничего плохого

со мной не случится. Где они лежат, я знал, и пополз к месту, где часы лежат. Нахожу часы, там же автомат мой. Цепляю часы на руку — уфф!, теперь должно быть всё в порядке. Начинаю автомат за собой тянуть — а он гремит невыносимо... Мне показалось, что слышно за километр! Ведь ночь, тишина... До «духов» всего метров десять-пятнадцать. Думаю: «Услышат, подумают — кто тут шарахается?». Бросил автомат и пополз дальше. Асфальт подо мной разломанный весь. Нахожу, за что зацепиться левой рукой с ножом, подтягиваюсь, нахожу — подтягиваюсь. Вот так и двигаюсь...

Не знаю, сколько полз. Вдруг слышу: у-у-у-у-у!.. Это на меня прёт танк! Еле-еле от него увернулся. А танкисты ещё и из пушки по «духам» несколько раз выстрелили. Но слышал я только первый выстрел — оказался на линии огня, сразу почти оглох и потерял сознание. Очнулся — танка не вижу... Ползу дальше, кричу: «Танкисты, я здесь, я свой. Сюда!». Но это мне кажется, что я кричу, — бормочу еле-еле, наверное. Вдруг слышу Тараскина Алексея Егоровича, командира роты: «Саня, ты?!.». Я: «Да!». Оказалось, что я всё-таки дополз до своих...

Рассказывает Герой России полковник Александр Игоревич Пегишев:

— Выходить ночью — на своих полусонных можно нарваться. Обидно было

бы, если бы после всего пережитого свои застрелили, поэтому важно было выйти, когда караулы спят. Причём не только «духовские», но и наши. Самый сон — с четырёх до пяти утра. Минут пятнадцать перед броском я разминал колени, щипал, тыкал штык-ножичком, чтобы ноги задвигались.

До наших было недалеко. Броском выскочил на нашу территорию! Там пехота спит. Перекрестился, разбудил бойцов прикладом. Говорю: «Парни, Сашка Думчиков на площади в ямке лежит, офицер. Не дайте туда «духам» подойти!». Ребята молодцы — обстреливали площадь как надо. Никому действительно подойти не дали.

Сам я пошёл к своим. Вижу: у подъезда горит костёр, вокруг него мои разведчики сидят. Оказывается, они нас уже похоронили. По рюмочке за нас выпили, помянули — типа, хорошие ребята были... Подхожу: «Где Тараскин?». — «А ты кто такой, чего тебе надо?». Автомат в толпу швырнул, кому-то в лоб попал. Лёха Тараскин прибежал. Я: «Там слева Думчиков. С нашей стороны три пехотинца и один пулемётчик не дают «духам» к нему подойти. Иди, вытаскивай Саню».

Тараскин забирает у пехоты последний танк, и они выезжают на треклятую площадь. Правда, Думчикова чуть этим танком не переехали... Но обошлось.

Наши такую на площади войну устроили, что неба было мало и земли! И в ответ поднялся шквал огня! Но я финала этого «концерта» уже не слышал. Как зашёл в подъезд, так почти сразу и вырубился.

Очнулся. Вижу: подполковник Маслов, наш «док», ковыряет у меня в ноге плоскогубцами и ножичком — пулю и осколок вытаскивает. И делает это просто-напросто вживую. Дальше — простая «анестезия»: один его помощник на правой руке у меня сидит, другой — на левой. Стакан водки дали и продолжили операцию... обработанными в спирте шомполом, плоскогубцами, ножичком. Потом чуть помазали йодом — и всё нормально. От госпитализации я отказался.

Мы долго просидели в пятиэтажке, пока наше руководство решения принимало. Бегать я не мог, поэтому ещё почти три недели по вечерам приходилось за снайпера работать. Очень «урожайные» были деньки...

И вот в один из таких дней командир огнемётного взвода, я и старшина разведроты, Валера Чекалин, с двумя огнемётами вышли на площадь. Надо было убрать снайпера из двенадцатиэтажки: он там на одиннадцатом этаже сидел. Командир огнемётного взвода стреляет — промазал!.. Валера тянет на себя второй огнемёт, а я — на себя.

Спрашиваю: «Ты из него стрелял хоть раз?». Он: «Вот и хочу стрельнуть!». Пули вовсю свистят, а тут два придурка стоят и друг у друга огнемёт отнимают. Я сориентировал его, и Валера «вложил» как надо — с этого одиннадцатого этажа даже диваны на улицу повылетели.

Довольные, мы возвращаемся обратно, на свою территорию. Я выхожу из-за угла здания и тут выстрел танка — я попадаю под струю огня!.. Делаю кульбит метров в шесть, кровища из ноздрей, из ушей хлыщет... Валера меня по щеке хлопает — убили?.. Убить не убили, но мясо у меня от костей отслоилось... Только после этого меня отправили в госпиталь. Надолго... А свои меня в погибшие уже второй раз записали, даже матери об этом сообщили. И к званию Героя России представили посмертно. Но я опять остался живой...

То, что мы с Думчиковым выжили, — это настоящее чудо! Я крещёный, но както до войны не придавал этому особого значения. Уже потом я узнал, что пока я спал перед атакой, Валера Чекалин мне в левый карман крестик освящённый положил и в правый крестик положил. И когда мы с Думчиковым из этого кромешного ада выползли, Валера мне говорит: «Обещай мне, что когда вернёмся, то на следующий день пойдём в церковь!».

Я считаю себя верующим, православным. Радуюсь тому, что участвую в строительстве храма в честь святого Пророка Илии, небесного покровителя десантников, в станице Александровская Ставропольского края. Только вера православная может объединить и спасти Россию!

ФОТОГРАФ
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Скрытно сфотографировать стратегический объект – такую задачу много лет по всему земному шару выполнял человек, о котором мы хотим рассказать. В конце восьмидесятых годов прошлого века ему пришлось сменить фотоаппарат на автомат – на его родную землю пришла страшная беда. Самая первая кавказская война на территории бывшего Советского Союза была на удивление жестокой. Может быть, потому, что корни её уходят в века. Да и сейчас в этом кровопролитном конфликте наступило всего лишь неустойчивое перемирие. А после первой войны были ещё и две чеченские военные кампании.

Многое нашему герою пришлось пережить. Но был в его военной судьбе момент, когда он почти погиб не в переносном смысле слова, а в прямом. Под ураганным обстрелом «градов» его завалило землёй. И он предстал перед Судом Божьим...

Рассказывает российский солдат В.:

— В советские годы я более десяти лет работал фотографом на гражданских кораблях. Ходили в разные страны. Мы туда являлись, когда вот-вот должна была начаться заваруха. Подобным образом мне удалось снимать, Анголу, Йемен, Оман... В этих командировках мне часто помогала моя восточная внешность, ведь человек со славянским лицом бросался там в глаза и много сделать не смог бы.

Но все эти горячие точки — просто кошачий испуг по сравнению с недавними жестокими кавказскими войнами. Раньше я просто по-привычке, механически, крестился и молился, не вкладывая в это особого чувства и смысла. Но именно на Кавказе я увидел тех удивительных людей, которые могут побеждать только благодаря силе духа и вере в свою веру. И перед этой силой боевой дух боевиков — просто ничто. Например, на самой первой на территории бывшего СССР кавказской войне Хаттаб вместе с афганскими моджахедами и многие известные в будущем чеченские полевые командиры ничего не смогли добиться.

1612 ГОД

Мне памятна одна история. Мы попали под прицельный обстрел «градами» (корректировщик, видно, был хороший). Снаряды взрывались совсем рядом, бук-

вально в десятке метров. Я нырнул в первую попавшуюся воронку. В разгрузке между магазинами торчал штык-нож, им я стал закапываться в землю. Земля тяжёлая, с камнями, а время от времени меня из воронки разрывами в воздух подбрасывает! Страх сумасшедший!

Закапываюсь, как крот, как червяк… И тут натыкаюсь штык-ножом на что-то твёрдое. Пробую вправо, влево — нож всё равно утыкается в камень, мне некуда уходить. И вдруг справа от камня нож провалился в пустоту! Быстренько стал пустоту эту разгребать, потом сам в неё кое-как залез, но тут один снаряд совсем близко взорвался — меня капитально засыпало.

Лежу под плитой, тьма кромешная. В этот момент я то ли сознание потерял, то ли ещё что-то произошло: я увидел ад. Передо мной — высокая остроконечная гора, громадная. Я вместе с какими-то незнакомыми мне людьми на четвереньках ползу вверх. Гора — чёрная, люди — серые.

На самой вершине горы кто-то стоит: белое одеяние, белый капюшон, белые волосы… Я видел под капюшоном нос, губы, бороду, волосы очень курчавые, всё это светилось. В левой поднятой руке этот кто-то держал очень красивые весы. В правой руке у него был или меч огненный блестящий, или что-то на него похожее. Я подумал, что это ангел Божий.

Все люди ползли по горе к этому ангелу. Человек на коленях доползал до вершины, поднимал голову, смотрел на весы. На весах взвешивалась вся его жизнь. Весы начинали качаться: на левую сторону весов падали грешные дела, на правую — дела добрые. Весы качались направо-налево, направо-налево, но в основном налево. Если весы перевешивали влево, то человек, который мгновенно превращался в какой-то серый комок, с верхушки горы катился вниз. И это было практически с каждым... И я видел, как некоторые люди вообще не доползали до ангела, а ещё до приближения к нему по своей воле превращались в комочки и катились вниз. Видимо, они знали, что на правую сторону весов ничего не упадёт.

Что интересно: своими глазами я чётко видел людей и впереди меня, и людей сзади меня. Но когда я попытался посмотреть на свои руки, то своё тело я не смог найти. И люди вокруг тоже поднимали ладони и тоже себя не видели!

Не знаю, где я был, но измерения веса, времени и длины там совершенно другие. Я ощущал лёгкость, я не чувствовал своего тела вообще. И время было совсем другое: один миг у этих весов — это вся твоя жизнь от утробы матери до Суда Божьего.

Вижу: мимо меня с криком катятся люди. Захотел посмотреть, куда же они катятся, и взглянул вниз. (Обычно,

когда смотришь вдаль, то чем предмет дальше, тем менее отчётливо он виден. И есть предел, дальше которого ты вообще ничего не видишь. Но на той горе, где я был, чем дальше смотришь, тем чётче можешь увидеть!) И когда я посмотрел вдоль горы вниз, то я смог так глубоко глазами опуститься! Видна была чёрно-красная смола и что-то типа болота. И столько людей! Наверное, там собрались миллиарды и миллиарды людей за всё время существования планеты. Оттуда слышался такой тяжёлый стон... Поднимется из смолы голова — и снова пропадает. И чем ниже я опускался взглядом, тем больше осознавал, что нет конца этой бездне. И стало так страшно и от самой глубокой бездны, и от того, что всё это так чётко видишь и осознаёшь!

Доползти до ангела мне оставалось семь метров. (Эти семь метров всю войну меня постоянно преследовали.) Вижу: кто ни подползёт — весы налево, и очередное падение вниз, в бездну, во тьму. Передо мной была чисто русская бабушка с седыми волосами, маленькая-маленькая такая. Все люди ползли как-то неохотно. А вот бабушка передо мной не стонала, а тихо-тихо ползла и молилась. Она была впереди меня человек за десять. Я её заметил потому, что она была единственная, которая не рвала на себе волосы и не кляла себя. И когда она подползла к ангелу, весы закачались-закача-

лись... И тут в первый раз я увидел, что весы перевесили в правую сторону!

Позади ангела образовалась арка. Она была такого же белого цвета, как сам ангел, меч, весы. И вдруг белый свет арки превратился в спектр радуги! Сквозь этот свет я увидел, как бабушка встала, ручки сложила на груди и вошла в арку. И в ту долю секунды, когда она встала и пошла, я почувствовал удивительный запах — лёгкий аромат блаженства. Он неуловимо напоминает запах роз.

Гора была чёрная и кроваво-красная. А вот там, куда зашла бабушка, всё было цветное: большие бабочки, большие цветы, деревья, водопады. Людей там было немного. И вот что интересно: одежды на людях не было, но они были укрыты какими-то красивыми цветами. Там, за аркой, была та же бесконечность...

Бабушка прошла, арка пропала, опять стало темно. Люди передо мной тоже это видели. Некоторые больше вперёд уже не шли, а складывали руки и, как комочки, летели вниз.

И тут я понял, что это Суд Господень. Когда я подползал к ангелу, вся моя жизнь от утробы матери до сегодняшнего дня посекундно прошла перед глазами. Я видел, как меня женщина-акушерка доставала из утробы матери. И, оказывается, в детском садике я украл у мальчика игрушку-утёнка. Я не помнил, что когда-то взял у дяди часы и не вернул,

а выкинул в огород, чтобы не подумали, что это я их украл. Всё это проплыло перед моими глазами. Я понял, что у меня слишком много грешных дел. Ведь на левую сторону весов складывались даже плохие мысли. (Я никогда не знал, что когда я мыслю, то это кто-то слышит. Оказывается, Господь это знает. Грешные мысли при виде красивой девушки и тому подобное шли на левую сторону.)

А хороших дел, оказалось, было не так много. На правую сторону весов у меня очень мало дел собралось: как-то маме помог ведро воды донести, когда-то какую-то бабушку через дорогу перевёл, раненых нёс, солдат берёг...

Весы качались влево-вправо... И я понял, что я сейчас навечно уйду в бездну. (Мы привыкли, что всё должно кончиться. Например, ты можешь умереть, и жизнь земная заканчивается. А здесь нет конца, вечный ад!..) И когда я осознал, что навечно уйду в ад, мне стало очень страшно... И уже перед ангелом я сказал: «Господи, если ты дашь мне возможность родиться заново, то я буду делать только добрые дела!». И как только сказал, сразу почувствовал боль и понял, что я вернулся на землю, — увидел солнечный свет. Оказалось, что меня в этот момент откапывали. И услышал первые слова: «Живой!..».

Меня откопали полностью, привели в порядок. И как думаете, под какой ка-

мень я умудрился залезть? Оказывается, восемьдесят лет назад в этом месте была страшная резня. Тогда же была взорвана церковь. После этого враги выкопали большую яму, в которую свалили обломки стен церкви, а само место сравняли с землёй. И вот я и закопался под алтарный камень!

Солдаты выкопали этот камень. Я его сфотографировал. На камне было выбито изображение Иисуса Христа на кресте и надпись — «1612 год». Солдаты выкопали обломки стен и положили их на земле так, что обозначился периметр церкви. А алтарный камень поставили на место алтаря, именно в том месте, где меня откопали.

Именно после этого события я окончательно понял: чтобы спасти свою душу, надо спешить делать добро на этой земле.

СЕМЬ МЕТРОВ

Мы спускались с горы тремя колоннами. Третью вёл я. Гора была с уклоном градусов тридцать, ровная, больше похожая на холм. Почти у самой вершины мы проходили мимо места, где дети играли в войну: сделали блиндажик, ямы с окопами вырыли. Я ещё удивился, как они всё грамотно сделали. На войне я привык выживать и поэтому при наступлении запоминал всё, что может быть

полезно при отступлении. Запомнил я и этот блиндаж.

Когда спустились примерно на километр вниз, я заметил пашню. Парень я крестьянский, так что про себя похвалил тракториста: борозды были очень глубокие, земля жирная, как масло. Полоска пашни была метров пятьдесят шириной и километра два длиной.

Наша первая колонна уже спустилась к дороге, вторая идёт за ней, третья — выше. И тут мы заметили колонну машин: БМП, танки, «камазы». И почему-то мы были абсолютно уверены, что это наши!

Впереди колонны шла БМП-2. И тут она (совершенно неожиданно для нас!) из автоматической пушки в упор расстреляла нашу первую колонну!.. Я никогда раньше не видел, чтобы один снаряд мог прошить несколько человек и оторвать у них туловище. Причём самым жутким в этом зрелище оказалось то, что несколько мгновений ноги у человека продолжают идти, когда туловища уже нет... Тут же ударили трассеры, которые буквально разрубали наших напополам.

Танки профессионально развернулись: головной пошёл вперёд, а остальные налево-направо в обход. В середине остались «камазы», в которых в рост стояли автоматчики. Они стали долбать уже вторую нашу колонну. Колонна прилегла.

Пули вдруг стали сыпаться и на меня. Вокруг — шик-шик-шик... Крик командира: «Славик, уходи! Нас накрыли!». Я упал, пополз с автоматом. Земля вокруг буквально дышала. Я даже видел, как у меня между пальцами на руке в землю влетела пуля. В правом кармане у меня были патроны россыпью. Когда мне в ногу попала пуля, эти патроны разлетелись в разные стороны со звуком разбитого стекла, такая была плотность огня! Ад был сумасшедший! Крики, стон, пыль и разрывы!.. Рядом со мной кому-то голову оторвало. Я понял, что это уже точно «хана»...

К тому моменту я потерял очень много друзей и как-то подустал от жизни. Но дома оставил ребёнка четырёх с половиной лет (жена у меня погибла). Жил, по существу, только ради него. На груди у меня висела икона Божьей Матери «Умиление». Достал её левой рукой и шепчу: «Господи! Оставь меня в живых не ради меня, но ради ребёнка — сирота на Кубани остался!..».

И тут произошло чудо: надо мной образовался большой семиметровый круглый прозрачный колпак! И я увидел, что на семь метров вокруг меня земля не дышит от пуль! Когда я это понял, встал на четвереньки, потом на колени, потом во весь рост. Смотрю сверху на ребят вокруг, а пули их буквально рвут на части! Оборачиваюсь назад, чтобы

посмотреть откуда стреляют. Никогда такого не видел — сплошная лавина огня идёт!

Всё происходило как будто в замедленной съёмке: я видел летящие трассера, пули. Видел, как по мне метров с шестисот стреляют из пушки БМП — больше десятка снарядов летят один за другим. И как только они долетели до колпака, эта строчка стала разделяться — влево-вправо, влево-вправо... Ещё кто-то в меня стреляет, а сноп огня доходит до семиметрового «колпака» и уходит влево! И я понял, что произошло нечто необъяснимое, непонятное: лавина огня меня убить не может...

Ребята, которые лежат около меня, стонут и прижимаются к земле. Кричу им: «Встали и пошли!..». Но они не могли даже голову поднять. Только один пулемётчик, пятнадцатилетний пацан, поднялся метрах в десяти от меня. Он видел, что я стою, а пули меня не цепляют. Мы с ним побежали.

Когда человек убегает, он старается бежать по ровной дороге. Кто заставил меня бежать к пашне, до сих пор не пойму? Когда я побежал к пашне, «колпак» стал сужаться. Всё меньше становится, меньше, меньше... А когда я добежал до самой пашни, чувствую — «колпак» пропал.

Бежать было очень тяжело: пашня глубокая, земля под ногами мягкая. Бегу и слышу сзади только одно дыхание: аха-аха, аха-аха, аха-аха!.. Оборачиваюсь —

по моим следам, задыхаясь, бежит пулемётчик.

Пули, которые вбивались во вспаханную землю, поднимали пыль высотой чуть ли не на метр. И эти брызги разлетающейся земли превращали всё вокруг в какое-то адское облако.

И тут я увидел, что справа и слева меня обходят два танка! Почему-то я не боялся того, который был слева метрах в четырёхстах. А вот того, что шёл метрах в шестистах справа, я очень боялся. По ходу танка было видно, что там очень опытный экипаж. Танк летит, на ходу разворачивает пушку, на ходу стреляет. А ещё он такую пыль поднимал сзади, полный ужас!..

Первый снаряд взорвался метрах в ста пятидесяти от меня. Второй – уже в метрах восьмидесяти. И я понял, что третий будет мой. Достаю икону Божьей Матери «Умиление» и снова шепчу: «Господи, оставь меня живым! Ради сына прошу!..». И тут на полном ходу танк остановился, как будто резко дал по тормозам. Даже юзом пошёл. Ствол закачался, как маятник, туда-сюда и упал вниз... (Мне потом ребята говорили, что по рации они слышали переговоры танкистов: у танка заклинило ствол.)

Продолжаю бежать. Танк, который был слева, уже подходил ко мне. Пологая часть склона закончилась, и пошёл более крутой подъём.

И тут я вспомнил про блиндажик, который я приметил, когда мы спускались! Думаю: только бы мне до этой ямы добежать! Танк на саму гору точно не заберётся — склон слишком крутой.

Тут маленький холмик передо мной. Думаю: если за него залягу, трассера меня уже не достанут. Нырнул за холмик. Получается, что от танков я почти сбежал. Но тут же понял, что не слышу дыхания пулемётчика сзади! Оборачиваюсь и вижу: стоит парень на правой ноге, а левую ему, видать, только-только оторвало до колена. Оторвало скорее всего снарядом из тридцатимиллиметровой пушки БМП. Кроссовка вместе с оторванной частью ноги рядом со мной валялась. Почему-то кровь из оставшейся части ноги не шла...

Стыдно признаваться, но первый раз в жизни я стал торговаться со своей совестью. Промелькнула такая мысль: «Если я сейчас парня брошу, то оставшиеся метров четыреста по крутому склону один сумею пробежать. А танк туда не поднимется и не сможет меня достать. А если парня не брошу и возьму его, то с ним точно не поднимусь». А парень стоит, не падает... Мы встретились глазами, и он понял, что у меня происходит внутри сию минуту! У него даже мольбы в глазах не было. И я сам так и не решил, что мне делать. Но какая-то сила заставила меня всё-таки подбежать к парню. Я изо

всех сил его двумя ладонями толкнул в грудь, он упал. И как только упал, у него из ноги хлынула кровь, брызги попали на меня!

Жгута, который у меня всегда был намотан на приклад автомата, уже не было (я им раньше раненого перемотал). Под рукой оказалась только проволока, я ею-то пулемётчику ногу выше колена и перетянул.

По звуку двигателя чувствую, что танк где-то совсем близко. А парень от шока так вцепился в ручку пулемёта, что ничем его руку не оторвать! Я ему кричу: «Брось пулемёт! Мне тяжело, я тебя с ним не утащу!». Тут ещё из коробки лента вывалилась, волочится по земле.

Пулемёт сбросить так и не удалось. Схватил пацана с пулемётом на плечи и полез вверх по склону. Прошёл примерно половину, когда танк оказался у места, дальше которого начинался более крутой подъём. Танк остановился: двигатель заглох. Слышу смех, речь не нашу: вроде арабская или чеченская. А я перед ними, как на ладони. Стоят и смотрят, как вверх по склону бежит обречённый бедняга с раненым.

Сколько есть силы (откуда она только взялась!) тащу пацана наверх. Тут очередь — та-та-та-та-та-та... Стреляли из пулемёта, который сверху на башне установлен. Вижу — справа от меня метрах в пятнадцати земля стала взрываться.

Дорожка пуль — шик-шик-шик — ближе, ближе... Но около меня у ног заканчивается.

Ухожу от этих пуль, бегу влево. Другая очередь — та-та-та-та-та-та... И ручеёк пуль идёт на меня уже с левой стороны. Я понял, что они просто потешаются надо мной. Я, как заяц, влево-вправо петляю, а они очередями меня гоняют туда-сюда. И смех слышится издевательский... Думаю: «Господи, даже если пуля меня поймает, дай мне возможность и мёртвым бежать!». Бегу дальше что есть силы.

Снова та-та-та — я влево! Очередь — я вправо! Так я раза четыре петлял из стороны в сторону. И когда посмотрел вперёд, то понял, что мне повезло: следующий зигзаг как раз попадал в окопы, которые выкопали дети (я их приметил раньше). А танкистам-то снизу не видно, что передо мной впереди окопы! Думаю: «Иду влево, очередь — я иду вправо и ныряю в ямку. Там они меня не достанут». Ушёл влево — очередь. Ухожу вправо и ныряю в яму!..

Хватаюсь за пулемёт. Но пацан в шоковом состоянии, пулемёт не отдаёт! Я быстренько штык-ножом отжал его пальцы и поставил пулемёт на ножки. И откуда-то уверенная сила у меня появилась, ведь всего минуту назад я просто задыхался от страха и напряжения!

А танкисты понять не могут, куда я делся! Ведь когда пули в землю вреза-

лись, они пыль подняли примерно на метр в высоту. Ставлю прицел на четыреста метров. Пыль начала садиться, и я увидел, что один — на башне танка за пулемётом, остальные — перед танком метрах в десяти. И как только пыль осела полностью, я срезал пулемётчика, он на своём пулемёте повис. И вот что интересно: танкисты не побежали в танк прятаться! Когда я стал стрелять (а в ленте каждый четвёртый-пятый патрон был трассирующий, а потом бронебойно-зажигательный, это очень страшно смотрится), они стали убегать от танка. И я срезал их всех... Остатком патронов из ленты посшибал с танка всё, что на нём было. Пулемёт разобрал, выкинул затвор. Беру пацана на плечи (он сознание к этому времени потерял) и пошёл с ним в ту сторону, откуда мы наступали...

Бой начался примерно в полшестого вечера. Очнулся где-то в девять вечера — иду как во сне с парнем на себе. Уже было темно. Я где-то две сопки на себе его нёс.

На душе было очень тяжело. Нёс и всю дорогу думал про тот ад кромешный, который испытал, когда наши колонны были расстреляны, а я живой остался. Потом по пашне под огнём бежал — живой остался. Когда за мной танкисты, как за зайцем охотились, живой остался. И подумал: «Если я такое пережил, то донести раненого уж как-нибудь Господь поможет».

Положил парня на землю. А он то приходит в сознание, то вырубается. Думаю: сейчас немного передохну. Но как только сел, при свете полной луны увидел: по склону сопки спускаются семеро. До них было метров триста. С одной стороны, у меня — гора высокая, с другой стороны — обрыв в ущелье, я бы туда ни за что не смог спуститься. Сзади меня — мясорубка, а впереди — эти семеро. И я понял, что это конец...

Когда я бежал по пашне, то думал, что с себя бы скинуть, чтобы полегче было бежать. Автомат — никогда! Видеокамеру и фотоаппарат — никогда! Сбросил рюкзак. Потом только вспомнил, что в нём были гранаты и патроны. Пулемёт парня выкинул, в своём автомате патронов не осталось. А замполит мне всегда говорил: «Командирам, священникам и корреспондентам надо обязательно взрываться, не думая. Вам горло будут резать не спереди, а со стороны затылка, чтобы агония была дольше». Поэтому все на этой войне на левой стороне груди носили гранату... Я сам видел двенадцать отрезанных голов, когда мы оставили деревню, а потом снова её отбили. И мы не знали, к какому телу какую голову приставить, чтобы людей похоронить... Я в плен попасть боялся ужасно.

Почему-то снял сапоги, снял кроссовку с оставшейся ноги раненого. Почему-то разделся до пояса. Засветил (до сих

пор жалею!) все плёнки. Потом достал свой фотоаппарат «Практика», положил на камень, взял камень побольше. И, честно скажу, даже перед смертью на фотоаппарат рука не поднялась — я его спрятал под камни. Документов у меня не было, мы ходили без них. Поцеловал икону Божьей Матери «Умиление» и попросил Божью Матерь дать мне силы взорвать гранату.

Когда эти семеро были далеко от меня, было не страшно. Потом они рассыпались в цепочку, автоматы почему-то держали на плечах.

У меня оставалась всего одна граната и ещё одна нашлась у парня. Она висела у него на груди. Взял их в кулаки, усики разжал, засунул большие пальцы и выдернул кольца. Сел, как турок, со скрещёнными ногами — надо взрываться. Положил одну руку парню на живот, другую — себе на живот. Сижу, думаю: «Надо взрываться...». Остаётся только разжать пальцы — и меня не будет. Задумался: когда я взорвусь, меня не будет. Стоп! Меня сейчас не будет, меня завтра не будет, меня послезавтра не будет, меня через месяц не будет, меня через полгода не будет... И так я дошёл до миллиона лет. И тут я понял, что это на всю жизнь! Меня никогда больше не будет... От этого какое-то затмение в голове наступило.

Страх был такой, что когда до семерых осталось метров восемьдесят, я в темно-

те отчётливо увидел их лица, как будто они были совсем рядом. Видел улыбки и грязь на их лицах… В этот момент почему-то вспомнил не мать и сына, а у меня перед глазами проплыли все женщины, которых я любил. До этого момента я так боялся разжимать пальцы, а сейчас был готов разжать их с радостью! Пусть достанут нож, дотронутся до меня — а я так радостно взорвусь!..

В этот момент очнулся раненый пацан. Гляжу ему в глаза, они стекленеют: он посмотрел себе на живот — а там у меня в кулаке граната! Он приподнялся на локтях, я ему показываю на семерых глазами — идут! Он поднял голову повыше, посмотрел на них, потом на меня. Потом опять на них, потом опять на меня. Смотрю — стал улыбаться. Говорит: «Командир, это наши». И вырубился… Я подумал, что у него крыша поехала.

Я в смятении стал медленно разжимать пальцы… И тут слышу чистую славянскую речь: «Братишка, не дури, мы за тобой! Мы видели, как ты уходил от танка. Просто не знали, как тебе помочь». Если бы не эта чистая славянская речь, я бы точно подорвался — думал, что у раненого парня просто глюки. А это оказались действительно наши!

Говорят: «Выкидывай гранаты, уходить надо!». И вот тут-то я почувствовал, что мои руки мне подчиняется только до локтя. Как я пытался отжимать каждый

палец! Показываю, что сам пальцы разжать не могу. Они штык-ножом давай выворачивать мне пальцы по одному. Взяли гранаты и выкинули их в ущелье. И мы вместе с ними ещё долго выходили к своим...

Уже потом я осознал, что Господь дал мне этого парня для испытания моей совести. А если бы я этого парня не взял, когда внутри себя торговался: брать — не брать? Что бы со мной тогда было?..

Когда я бежал по пашне, то понял, что пуля меня поймала. Чувствовал, что меня ужалило, — боль сумасшедшая. Мне было больно, очень больно. Но в каком месте болит — понять не мог. И только когда мы вышли к своим, я определил, куда меня ранило. Расшнуровал ботинок, снял — а там всё в засохшей крови... (Пуля попала в ногу сзади. Но мне повезло, что это были американские ботинки, у которых задник сделан из металла. Пуля прилетела плашмя (она у меня дома лежит) и оставила на заднике не круглую дырку, а продолговатую.)

Тут мне стало плохо, я побледнел и потерял сознание. Меня отправили в госпиталь. В госпитале лекарств было мало, их давали только самым тяжёлым. Ранение у меня было лёгкое, рану быстро обработали, потом какой-то красной жидкостью залили. Сказали: «Подожди немного, ещё обработаем».

В сам госпиталь заносили только тяжёлых раненых, я находился на улице. И тут прямо передо мной поставили носилки. На них лежал парень, накрытый с головой окровавленной простыней. Он, видать, уже не дышал. Тут подошёл врач и сказал: «Всё, не успели спасти...».

Кто-то у его изголовья положил голубенькую маленькую книжку, Новый завет с Псалтирью. Я никогда этой книжки в руках не держал. (Эта книжечка у меня с собой до сих пор. Я её кожей обтянул, крест наклеил сверху. И она все три кавказские войны со мной прошла.)

После гранат, которые я держал, руки и пальцы у меня какое-то время жили своей жизнью. Руки вперёд вытянулись, пальцы зашевелились и сами потянулись к этой книжечке. Открыл наугад — 15-й псалом «Храни меня, Боже, ибо я на Тебя уповаю...», потом 40-й «...Господь сохранит и сбережёт ему жизнь... Ты изменишь всё ложе его в болезни его...». (У меня возникло ощущение, что я псалмы знаю, что когда-то повторял их много раз. И из ста пятидесяти псалмов сейчас я сердцем знаю наизусть девяносто, они как будто записаны в моей душе.)

Я читал псалмы, как человек, который долго не пил воды, а тут добрался до чистого прохладного источника. Я перестал слышать крики госпиталя — врачей, ране-

ных — и читал Псалмы вслух взахлёб! Читаю и чувствую, что я этот псалом точно знаю! Читаю другие и понимаю, что я и их знаю!.. И тут окровавленная простыня на носилках в районе головы стала приподниматься как от воздуха — парень задышал. А он был весь в дырках... Кто-то подбежал, поднимает простыню — а у парня глаза, которые в крови, открыты! Ведь я хорошо запомнил, как ему врач глаза закрывал. Кричат: «Что ты сделал?!.». А я чуть не плачу и сам ничего не соображаю: «Я ничего не делал, псалмы читаю...». — «Читай дальше, читай дальше, читай дальше!..». Читаю один за другим псалмы и снова чувствую, что они мои, как будто они в душе моей записаны! И тут я окончательно осознал, что Бог помогает. Парня опять унесли туда, откуда ранее вынесли. Откачали, он выжил...

После этого случая у меня возникло желание взять всего три вещи — соль, нож, икону Божьей Матери «Умиление», которая была со мной на войне, — и уйти в горы. Там выкопать пещеру и до конца жизни замаливать свои грехи.

После войны я провёл шестьдесят пять фотовыставок в самых разных местах: от маленькой сельской школы до Государственной Думы. На них мой рассказ о том, что видел, что пережил и к какому выводу пришёл: надо спешить делать только добрые дела.

ПОДАРОК НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

С группой астраханского отряда спецназа Минюста и группой армейского спецназа мы работали в горах. Остановились — надо было ждать до утра, чтобы двигаться дальше. Залезаю в палатку и вижу свечи и торт! А бойцы поют: «С днём рождения тебя!». В этом аду в горах я забыл, что у меня завтра (вернее, уже сегодня) день рождения!

А откуда в этом аду появился торт, я узнал только потом. Парни ночью самовольно вошли в соседнее село. Окружили самый крайний дом, зашли. И попросили женщину-чеченку прямо при них сделать торт. Она увиливала, искала предлог как выйти из дома: мне надо орехи у соседей взять, мне надо то, мне надо это... Но народ был опытный, поэтому никуда её не отпустили — делай из того что есть! И вообще никого из дома не выпустили, пока она не испекла торт. И с этим тортом ушли обратно...

Я очень расстроился, ругался на них. Представьте, как они рисковали: ушли ночью за несколько километров к селу, потом возвращались. Но этот торт на мой день рождения я не забуду никогда... Правда, был в этот день рождения ещё один подарок. Подарок, цена которому — жизнь.

Стоял густой туман, мы шли в горах очень аккуратно, медленно. Буквально

перед этим за две недели погибла шестая рота псковских десантников. Я был в «головняке» (головной дозор. — Ред.). Нас было трое. Метров сто пятьдесят позади шло ядро группы.

Спецгруппа отличалась тем, что все бойцы внешне были очень похожи на кавказцев — взрослые, страшные на вид мужики с бородами. Я их называл бойцами «кавказской сборки».

Вижу сквозь туман: метрах в десяти какие-то люди. Чуть сзади их тент натянут на колышках, под ним гранатомёты лежат. Нам повезло, что «духи» сразу не смогли сориентироваться, кто мы: у меня рожа вообще чисто арабская, за мной тоже бородачи идут. Вот эти полторы секунды всё и решили. У меня автомат был снят с предохранителя, только смотрел стволом под углом вниз. Я понял, что поднять его толком не успею, и поэтому выстрелил «духам» по ногам. Ребята тут же стали их добивать. Началась такая мясорубка!.. А потом мы поняли, что зашли внутрь «духовского» отряда потому, что шли очень тихо.

Слышу два-три взрыва — это наши гранатомётчики стали стрелять. Вспышки — та-та-та-та! — со всех сторон пошли. Туман. Никто не знает, кто где находится, кто в кого стреляет, кто кого валит — ничего непонятно!..

Минут через двадцать-тридцать нас выдавили к тому месту, где мы оставили

технику и откуда начали подниматься в гору. Взяли круговую оборону. И тут я первый раз чуть своего парня не завалил. Стою во весь рост, прижался к борту подбитого «урала». На голову мне стали сыпаться щепки, оба борта очередь пробила. Я было подумал, что кто-то меня сзади расстреливает. Разворачиваюсь с автоматом, — выбегает тень! И я в неё стреляю!.. А это оказался наш парень, очередь у него над головой прошла! Хорошо, что он заранее пригнулся и из-за «урала» выскочил в уже полусогнутом состоянии. Кричит: «Ты что, это я! Там «духи»!». — «Здесь тоже!». Зажали нас капитально.

Всё горит, выстрелы, взрывы... Прибегает командир: «Уходим по одному!». Видно было, что он чуть запаниковал. Ведь по одному мы бы точно не вышли. Куда, в какую сторону уходить — никто не знает, густой туман. В этот момент я попытался вспомнить карту: слева гора вверх уходит, а справа — склон в долину. Наверх бы мы не прошли, а внизу нас ждали. И я понял, что это мой последний бой. Перекрестился, достал икону Божьей Матери «Умиление». Сказал: «Богородица Дево, радуйся! Благодатная Мария, Господь с тобою...». Поцеловал икону и с жизнью попрощался!..

И тут (вот этого никак я не могу забыть!) бежит на корточках парень, на нём сфера «альфовская». Это был офи-

цер спецназа. Кричит: «Всё ребята, прощайте!.. Вызвали артиллерию на себя!».

К этому моменту я уже лежал в какой-то большой луже, где было кроме меня ещё четверо. Слышу страшный свист: виу-у-у-у-у-у-у-у-у-у, как будто снаряд прямо в меня летит! Думаю: «Господи, помилуй!». И голову в «муляку» (мутная жижа на малороссийском наречии. — Ред.) лицом вниз засунул. Ба-бах!.. Взрыв метрах в восьмидесяти от меня! Из соседней ямы кто-то корректирует: «Туда же, туда же! Ещё!..». Я стал молиться. 15-й псалом как-то сам по себе на ум пришёл: «Храни меня, Боже! Ибо я на тебя уповаю...». Проходит минута, опять — виу-у-у-у-у-у-у-у-у-у!.. Лицо в грязь, в жижу, дышать нечем. Голову поднимаю, всё уделано в глине. Протираю глаза и вижу — светло стало, туман ушёл! Сначала подумал, что глюки какие-то, что я уже на том свете. Нет, вроде живой — ребята вокруг выбираются из жижи.

Оглянулся: вижу три воронки, как будто на одной окружности циркулем их кто-то нарисовал. Вокруг валяются и висят на ветках ошмётки тел. На дереве стопа ноги с кроссовкой белой болтается, здесь разгрузка валяется, там голова полуоторванная... Оказалось, что «духи» были у нас прямо под носом и артиллерия ударила точно по ним.

Едва вытянул из глины автомат, еле-еле затвор нащупал в этом куске грязи.

Растёр затворную коробку и думаю: если смогу передёрнуть затвор, то он точно будет у меня работать. Передёрнул, затвор на место вернулся. Нормально, значит, будем воевать дальше.

По двое рассредоточились в разные стороны. Но стрелять было уже не в кого... Кто-то из «духов» выжил. И они умудрились за несколько минут оказаться на соседней горе! Мы видели, как они бежали. Достать их из автомата было уже невозможно, но командир корректировал огонь, дальше их добивали артиллерией.

Бой закончился. Все собрались вместе. А когда глянули друг на друга, то стали истерично смеяться. Причём стали смеяться, как больные. Продолжалось это минут десять. Видок у каждого — не передать! Ведь перед туманом был дождь. Во время боя мы упали прямо в грязь, прижимались к земле, ползали, пытались в лужи занырнуть...

Через три дня поехали на базу на уцелевшем «урале» оборванные, грязные... И сверху с горы, метров с шестисот, вижу: внизу стоят наши четыре «саушки» (самоходная артиллерийская установка САУ. — Ред.) и работают каждая в свой квадрат. Парень один говорит: «Вот этот дивизион нас выручил на днях — прислал нам три болванки. Если бы не «саушки», Хаттаб бы нас добил». Оказывается, так красиво нас поймал Хаттаб. Потом я узнал, что это не мы так аккуратно шли, а

«духи» аккуратно завели нас туда, куда хотели. Но получается, что моя борода в первые секунды с толку их сбила. Если бы не борода, то они бы точно огонь первыми открыли.

Я спустился вниз, подбегаю к «саушкам». А они кому-то под коррекцию огонь дают. Спрашиваю у командира: «Кто три дня назад работал по Дарго, присылал три болванки?». — «Вон видишь, 712-й борт. Беги туда, это они работали!».

Подбежать близко не могу — такой сноп огня идёт, когда самоходка стреляет! Тут вылезает наружу длинный худой старший лейтенант. В грязном камуфляже, весь замызганный. Спрашиваю: «Старлей, кто из 712-го борта три дня назад на Дарго три болванки посылал?». Стоит, переминается с ноги на ногу: «Ну я...». Говорю: «Братишка, понимаешь, мне сорок лет! Столько мне дорогих подарков в моей жизни на день рождения дарили, но ты мне подарил самый дорогой подарок! Ты же мне в день рождения прислал три болванки так сантиметр в сантиметр, что они не только меня спасли, но и группу спецназа». Смотрю — он развеселился (сначала думал, наверное, что я его ругать буду). Спрашиваю: «Скажи мне, как ты умудрился за столько километров в горах так точно их положить?». Ответ был самый неожиданный — «Куда просили, туда и прислал!».

Говорю: «Дорогой, дай мне адрес. Война закончится, я приеду. Хочу тебя отблагодарить — ты мне жизнь подарил». Но оказалось, что он в Новороссийске квартиру снимает. Получается: некуда ему писать. И приезжать тоже некуда...

Проходит два года войны. Я оказался у этих же самых спецназовцев. Как-то лежим в палатке на 9 мая, стали вспоминать самые тяжёлые бои, в которых довелось участвовать. Говорю командиру: «Помните, как на мой день рождения в Дарго нас окружили? Тогда случайно прилетели три болванки от «саушек», которые нас спасли». И тут командир так обиделся!.. — «Это не случайно! Это я корректировал огонь!». Я: «Как же ты мог в этом тумане и неразберихе определиться, где мы находимся?». — «У меня всё было под контролем». Получается, что командир точно дал координаты, а старлей точно туда послал болванки. Вот такой был второй подарок мне на день рождения...

ДЕРЖИСЬ, БРАТОК!..

Однажды в Чечне мы стояли на высоте. На другой высоте тоже были наши, расстояние между нами — километра полтора. Бой начался в одиннадцать часов ночи. В ложбину между высотами вошли «духи» и сумели спровоцировать

перестрелку между нами: стали снизу стрелять то в одну сторону, то в другую. Наши с другой высоты ответили с БТРов огнём вниз, а трассера стали рикошетом прилетать к нам. Началась такая сумятица, что непонятно было кто и откуда стреляет.

Первый раз я видел, как «духи» стреляли снизу из подствольников таким образом, что гранаты, не долетая до земли, взрывались у нас над головами. Как это можно было так точно рассчитать? Очень многих тогда посекло осколками.

Когда гранаты стали разрываться в воздухе, я нырнул под «урал». А там уже собралось столько людей, что едва втиснулся. Одному парню перебило шею, гортань, когда он со своим командиром вбегал в палатку; парень бежал первым. На топчане лежал автомат. Парень нагнулся, чтобы его взять, — и тут граната от подствольника пробила палатку и взорвалась внутри! Осколки посекли палатку и ранили его: ему посекло глаза, всё лицо и задело горло.

Парень стал захлёбываться в крови. Врач кричит: «Срочно нужна гортанная трубка!». А за трубкой надо было бежать в госпиталь. Я побежал, ещё кто-то за мной рванулся. Слышу, из окопов кричат: «Не беги, не беги!.. Снайпер!». Но я сразу вспомнил, что врач сказал, что без трубки мальчишка точно умрёт. Бегу дальше...

Выстрел! Видать снайпер стрелял не в меня. Но я тоже упал. Когда в себя пришёл, смотрю — впереди в госпитале, прижавшись к земле, лежат врачи, ребята раненые. И тут слышу сзади стон. Это прапорщик, который за мной бежал, стонет и кричит: «Не шевелись!.. Он нас видит». Значит, снайпер стрелял с ночным прицелом.

Снайпер бил слева из леса. Наши вроде стреляли в ту сторону, но наугад и невпопад. Читаю молитву Животворящему Кресту, тут же как будто изнутри пошёл 90-й псалом. Во время молитвы у меня появилось чувство, что всё будет нормально. Но надо было встать и бежать дальше. Встаю и слышу три выстрела с интервалом в несколько секунд: бах-бах-бах... Я чувствовал, как пули проходили буквально над моими бровями, даже какой-то жар ощутил и услышал, как воздух режет пуля над самой головой.

Вбежал в госпиталь, мне кричат: «Да ты с ума сошёл!». — «Нужна гортанная трубка! Там много раненых». Взял трубку, выбегаю обратно. Вроде кто-то поднялся и побежал за мной. Оборачиваюсь: сзади бегут двое с медицинскими сумками. Тут девять выстрелов подряд: три для меня и два раза по три по тем, кто был сзади. Наутро я узнал, что им пули в висок попали, оба были убиты.

Тут снова стрелять по мне стали, я упал на землю так, что разлетелось в раз-

ные стороны всё, что было у меня в руках. Кое-как дополз до ложбинки, потом добрался до «урала». Но уже без трубки, я её потерял... Правда, выход всё-таки нашли: взяли шланг бензиновый и засунули раненому в горло. Хоть он кровью захлёбываться перестал, но уже умирал: то остановится сердце, то снова заработает. А вертушки для его эвакуации не могли пробиться: «духи» не пропускали, обстреливали.

Была сильная темень, а «духи» хорошо ориентировались в лесу. Я чувствовал, что их немного, но они работают очень профессионально, пятёрками. После броска к госпиталю я подбежал к комбату. Он: «Нас окружили!..». Я: «Это работает пятёрка. Смотрите — сейчас работает один снайпер». Снайпер отработал два магазина, двадцать патронов. Смотрю — нет его, замолк. И тут же стал работать пулемёт, но с другого места. Я командиру: «Дайте мне карту, я примерно покажу, откуда они будут дальше работать».

Местность вокруг была холмистая. Разослали ребят по этим холмам. И когда они добежали до первого холма, то сразу нашли «лёжку» с шестью зарядами к гранатомёту! А когда ребята перекрыли все точки, ко мне подбежал командир, схватил за грудки и стал трясти: «Ты откуда всё это знал!..». Я взял карту и стал ему объяснять: если я бы был боевиком, то сделал бы вот так, вот так, вот так...

Дело в том, что на своей первой кавказской войне я был в их шкуре. Нас было очень мало, а врагов очень много. Но мы воевали на родной земле и воевали духом. И мы воевали именно пятёрками. В моём первом бою за двадцать одну минуту боя такая пятёрка уничтожила больше двухсот человек.

Что такое пятёрка? Это пять номеров. Первый — гранатомётчик, второй — пулемётчик, третий — снайпер. Четвёртые и пятые номера — это самые важные номера. Если выведут из строя кого-то из первых трёх номеров, эти двое должны их заменить. Но механически выучиться этой тактике нельзя. Эффективно пятёрка может воевать, только если есть сила духа; если ты пятками чувствуешь землю своих предков, а сердцем и душой — всех погибших за родную землю.

Когда я только попал на ту войну, командир дал мне карту, объяснил, что завтра в четыре часа утра выступаем. Спросил, какие у меня есть предложения. Я как воспитанник Советской армии нашёл брод, придумал, как идти самим, как проводить отвлекающий манёвр. Рассказал так, как меня учили. Командир говорит: «Ты всё отлично сделал, только не учёл одного: у меня батальон — одно название. Сорок восемь человек. А перед нами — полк, тысяча двести человек». Я: «А как же вы будете воевать?..». — «Бери завтра блокнот, будешь смотреть

и записывать. У вас в России так ещё не воевали».

Скажу, что те горячие точки во многих странах, где я побывал в советское время, — это ничто по сравнению с этой двадцать одной минутой боя. В первые две минуты начал работать гранатомётчик. Я никогда раньше не видел, чтобы гранатомётчик мог выпустить за две минуты десять гранат. И что интересно — все цели были поражены, стопроцентное попадание каждой гранаты! Блиндажи, пулемётные точки, бронетехника, грузовые машины — всё горит! И у противника началась страшная паника — ведь ударил он внезапно, практически в упор.

Сразу следом за гранатомётчиком начал работать снайпер. У него два магазина, двадцать патронов. Снайпер работает «по губам» или «по погонам». («По губам» — это по тем, кто больше всех говорит, значит командует. А «по погонам» — это по тем, на ком сверкают погоны, по офицерам.) За две минуты снайпер отработал почти всех командиров. И за те две минуты, пока работал снайпер, гранатомётчик стал менять позицию.

После снайпера начал работать пулемётчик. Он буквально вызывал огонь на себя: разделся по пояс, чтобы бликовало тело, поднялся в рост и отстрелял одну ленту — это ещё плюс две минуты. Это для того, чтобы уже снайпер смог поменять позицию.

А у гранатомётчика было уже четыре минуты! За это время он умудрился пробежать несколько сот метров к заранее подготовленной позиции. Там у него были ещё десять гранат подготовлены. И когда через две минуты пулемётчик закончил, с совершенно другой стороны, метров за триста, снова начал работать гранатомётчик. Вот такая получилась цепочка: гранатомётчик–снайпер–пулемётчик, гранатомётчик–снайпер–пулемётчик...

И когда ты слушаешь такой бой, то кажется, что на тебя напали десять гранатомётчиков, десять пулемётчиков, десять снайперов. А четвёртый и пятый номера сидят и смотрят за этой цепочкой. Если вдруг во время боя зацепило, например, снайпера, четвёртый номер его заменяет. Главное — чтобы только не разорвалась цепь!

Работа пятёрками — это очень эффективный метод работы, особенно в горах. И «духи», которые тоже воевали на той прежней войне, эту тактику переняли. Самое главное тут — тщательно подготовиться перед боем. Конечно, ты должен знать местность, увидеть заранее, где расположить позиции. Но — и это обязательно — у всех бойцов пятёрки обязательно должна быть лихость, отчаянность. А она бывает только тогда, когда есть настоящий боевой дух.

Закончился бой на высоте в Чечне в четыре часа утра. У нас была ранена половина батальона, техника побита почти вся. Парень раненый уже снаружи палатки лежит, капельница на кусты подвешена. Врачи решили, что он уже не жилец, и вытащили его из палатки умирать. Документы положили на грудь — так часто делают, когда человек умирает. Подхожу к парню (ведь именно из-за него три пули у меня прямо у лица пролетели!), беру документы, разворачиваю. Вижу — внутри фотография очень красивой девушки. И на ней написано: «Коленьке от Гали». И тут у меня как будто истерика какая-то от бессилия случилась: я на минуту представил, как она будет рыдать. Я приподнял его от земли за погон и кричу: «Не смей умирать, не смей!». Беру фотографию и прямо к его лицу придавил: «Не смей умирать, тебя любимая Галя ждёт!..». И тут он в себя пришёл, сердце опять заработало. Фельдшер подбегает. А я ору на раненого — не смей умирать, не смей умирать! Фельдшер: «Он же не жилец, покойник почти. Дай ему умереть спокойно...». Но тут парень стонать стал. Фельдшер закричал: «Принесите то, принесите это!..». Подбежали ребята, опять стали что-то делать. Потом пришла вертушка и унесла его. Позже я узнал, что он остался живой...

ЛЮБОВЬ

Кто знает не понаслышке, согласится, что у «духов» часто встречается бесшабашность, отчаянность в бою. Но корни этого у них в жестокости. А вот у тех, с кем я бок о бок воевал на своей первой кавказской войне, истоком такой же бесшабашности была любовь.

У меня был друг, которого я даже немного боялся. В бою он был очень жестоким. Бился, как гладиатор. Машина смерти какая-то... Для меня, человека из России, видеть это было тяжело.

Однажды после боя он повёз меня в своё село. Подходим к его дому. Он идёт впереди, я — сзади. И метров за двадцать до дома слышу — бегут дети, три пацана: девять, двенадцать, четырнадцать лет. Кричат на родном языке: «Папа, папа, папа!..». А был поражён: я же недавно видел его в бою! Звериные глаза, зубы оскалены, борода арабская... И походка особая, арабская, сутулая, как обычно двигаются в бою. Короче — зверюга!

И тут маска на лице машины-зверя вдруг расправляется, и он превращается в любящего отца. Становится на колени, у него счастливая улыбка на лице, в глазах такая любовь! На коленях ползёт к своим детям. А когда дети его облепили, как он ласково их целовал! А окончательно меня добило появление жены. Она буквально плыла, медленно шла, а не бе-

жала, как сыновья. А перед ней к отцу подбежала дочь маленькая, лет шести. И как же он нежно целовал свою доченьку! И это зверь, который на моих глазах в бою буквально рвал врагов на части руками! Наконец последней подошла жена. Он как на коленях стоял, так и уткнулся головой ей в живот. Я не забуду этой сцены никогда... Видно было, как горячо он любит свою семью, а жена и дети отвечают ему тем же. И я понял, в чём его сила — в любви. Человека, в котором есть любовь, победить невозможно.

ПОМОЩЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Многие люди знают, кто является их небесным покровителем. Это святой, имя которого мы носим. В молитве мы обращаемся к этому святому за помощью. А он на небесах, у Престола Божия, молится за нас.

От земной жизни святого нас часто отделяют века. Его образ мы можем видеть только на иконах. Тем более удивительно свидетельство человека, который увидел своего небесного покровителя воочию. Полковник Николай Григорьевич Лашков был в Чечне в командировке всего несколько месяцев.

Должность у него была, казалось бы, сугубо штабная: заместитель начальника штаба вооружения Группировки Внутренних войск. Но однажды с ним произошло то, что иначе как чудом назвать нельзя...

Полковник Лашков Николай Григорьевич в 1979 году закончил Казанское высшее танковое командное Краснознамённое училище. Офицерскую службу начал в Заполярье – в посёлках Луостари и Печенга Мурманской области. Затем служил в Белорусском военном округе. Занимал должности командира танкового взвода, командира танковой роты, начальника штаба танкового батальона, командира танкового батальона.

С 1988 по 1991 годы – слушатель Военной академии бронетанковых войск имени маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. После окончания академии перешёл на службу во Внутренние войска МВД России на преподавательские должности: в Ташкентское высшее военно-техническое училище, затем в Пермское высшее командное училище Внутренних войск.

В 1994 году поступил в адъюнктуру при Военной академии тыла и транспорта в Санкт-Петербурге. В 1995 году участвовал в контртеррористической операции в Чеченской Республике в должности заместителя начальника штаба вооружения Группировки Внутренних войск в Чечне.

В 1997 году защитил диссертацию с получением учёной степени кандидата военных наук. С 1997 года старший преподаватель, заместитель начальника кафедры Технического обеспечения, затем кафедры Тыла Внутренних войск МВД России Военной академии тыла и транспорта имени генерала армии А.В. Хрулёва. Имеет учёное звание профессора.

Награждён государственными наградами: медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, медалью А.В. Суворова, медалью «За боевые заслуги».

Рассказывает полковник Николай Григорьевич Лашков:

— Когда началась война в Чечне, я был адъюнктом Военной академии тыла и транспорта. Первоначальная тема диссертации у меня была вполне мирная: «Передислокация войск внутри страны в связи с обостряющейся обстановкой». Но когда начались боевые действия в Чечне, тему поменяли. А собирать материал для диссертации мне пришлось в должности заместителя начальника штаба вооружения Группировки Внутренних войск в Чечне.

Эта командировка полностью изменила мою жизнь. До неё я был очень далёк от веры православной. Но тут стало понятно, что я еду на настоящую войну. Поэтому перед самым убытием, 10 октября 1995 года, в Александро-Невской лавре я впервые в жизни осознанно исповедовался. Помню, исповедовал отец Николай. Слышу, как он говорит людям, чтобы они отошли, подумали. И ясно понимаю, что это и меня касается. Тоже отхожу. С третьего раза я всё-таки подошёл к нему с действительно покаянным чувством и исповедовался. Даже слёзы на глаза навернулись. Но это не признак слабости, это совсем другие слёзы. Но пока я три раза отходил, Причастие уже закончилось! Так что первый раз причастился я уже по возвращении из Чечни.

Отец Николай после исповеди мне сказал: «Читай Евангелие»». Евангелие я

взял с собой в Чечню. Жена положила мне в сумку иконы Николая Чудотворца, Покрова Божьей Матери и «Нерушимая стена». И убыл я в Чечню 14 октября 1995 года, в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. (Вот что интересно: в Чечне было просто видимо-невидимо мышей-полёвок. Я быстро к ним привык: поднял воротник, надел капюшон, а они по тебе бегают. Лишь бы не по лицу... Эти мыши мне всю сумку съели. Но вот что удивительно: Евангелие и иконы не тронули!)

Родился и вырос я в советское время, был пионером, комсомольцем. Но дед, Семён Акимович, и бабушка у меня были верующими. Дома висели иконы. Я видел, как дедушка и бабушка молятся. (Родители рассказывали, что когда дед ушёл на фронт, бабушка за него молилась, и он после ранения вернулся живым.) Они и крестили меня. В детстве я ходил с ними в храм. Но это было ещё неосознанно: они идут, и я иду...

На войне деда ранило в верхнюю часть бедра. Ранение было очень серьёзное. Ногу выше раны нельзя было отнимать, там уже пах начинался. По медицинским показаниям, лежать деду было нельзя — надо было, чтобы отток крови вниз шёл. Поэтому его привязали к кровати и поставили вертикально. Говорят: «Спи как лошадь, стоя». И он несколько дней спал стоя! И вот что удивительно: нога у него срослась, отнимать её не пришлось. Вер-

нулся дед с фронта на костылях, но через год нога полностью восстановилась. И всю жизнь он потом работал грузчиком.

Жили мы в Казани. Дед был одним из немногих фронтовиков, которые вернулись с войны. Когда я был мальчишкой, он мне часто говорил: «Собирай ребят!». И по вечерам мы под его руководством начинаем вдовам фронтовиков дрова пилить-колоть, уголь таскать...

Соседи деда очень уважали. Когда он умер от аппендицита, хоронить его пришла вся улица. (На праздник 7 ноября тогда все отдыхали три дня, поликлиника не работала. У него живот заболел. Не помню, кто ему посоветовал — грелочку, грелочку... А это был аппендицит, он прорвался.) На похоронах сосед, татарин-мусульманин (тоже фронтовик), говорит: «Дайте мне крест, я его понесу!». И так с крестом впереди всех до кладбища и шёл.

После школы я поступил в Казанское танковое училище. Его в своё время заканчивал знаменитый немецкий генерал Гудериан. В училище он преподавал на курсах высшему командному составу Красной Армии, разрабатывал Полевой или, как мы сейчас его называем, Боевой устав Сухопутных войск. Долгое время этот факт скрывали, но сейчас об этом говорят уже открыто.

После училища я прослужил в танковых войсках Министерства обороны семнадцать лет. Первое место моей службы

было в Заполярье. Перед отъездом туда в 1979 году бабушка дала мне 90-й псалом (90-й псалом православные христиане читают во время опасности. — Ред.). В те времена религиозную литературу достать было практически невозможно, поэтому она от руки написала псалом на листочке бумаги и завернула в целлофан и марлю. И всю мою военную службу этот 90-й псалом был со мной. Он и сейчас со мной, только читаю я его наизусть.

Служба в Заполярье была очень тяжёой, но интересной. Там я встретил много замечательных людей. Особенно часто добрым словом вспоминаю замполита батальона майора Олега Владимировича Савельева. По возрасту он мне в отцы годился. Лет восемь он был зампотехом, а потом сказал: «Надоело мне это «грязное дело». Руки не отмываются, комбинезон не отстирывается...». Образование у него было самое минимальное, среднее военное училище, и тем не менее он перешёл в замполиты батальона, его выбрали секретарём партийной организации.

Добрый он был очень, относился к нам, молодым офицерам, по-отечески. Как только я начал служить в батальоне, он мне сразу сказал: «Ты только на солдат руку не поднимай!». Потом спрашивает: «А как ты считаешь, можно с солдатами водку пить?». — «Да вы что? Как можно!». — «А у меня такое бывало. В шестидесятых годах служил я на Северном Кав-

казе. Как-то пришлось форсировать Терек. И танк у нас застрял! Течение быстрое, танк стало илом заносить. Надо было его срочно вытаскивать. А тягача нет, вообще ничего нет. Побежал в ближайший колхоз, оттуда трактор пригнали. Пока вытаскивали, все промокли. А дело было осенью. Второй раз посылаю уже солдата в деревню за самогоном. И все вместе, солдаты и офицеры, выпили. Так что и ты не спеши отвечать: нельзя, и всё тут!».

Уже будучи замполитом, он мне говорит: «Чтобы тебе по службе продвинуться, надо не только уметь людьми командовать и в технике разбираться. Ты должен быть ещё политически подкованным! Будешь секретарём партийной группы». А три коммуниста уже составляли партячейку. Я, молодой коммунист, оказался в роте как раз третьим. Замполит говорит: «Протоколы собраний будешь ты вести». Ведь самым главным в партийной работе было регулярно и правильно писать протоколы. Говорили так: «Было заседание — хорошо. Не было заседания — дважды запиши».

Как-то приезжает комиссия Главпура (Главное политическое управление Министерства обороны. — Ред.) из Москвы. Тогда с партийными делами всё было очень строго. Если ты получал выговор по служебной линии, это ещё полбеды. А вот если ты получал выговор по партийной линии с занесением в учётную карточку,

то минимум на несколько лет твоей служебной карьере приходил конец.

Я только-только успел комбинезон снять — он у меня не стирался уже и не промокал, настолько был промасленный. Надел форму повседневную, шинель. Но руки как были в несмываемом мазуте, так и остались. В городке у нас горячей воды не было, так что отмыть руки при всём желании до конца было просто невозможно.

Майор из Главпура был лощёный такой, важный... Забегаю, даю ему протоколы заседаний. «Ну, присаживайтесь, товарищ лейтенант». Сажусь. — «Ну, как вы служите?». Начинаю говорить, а сам краем глаза вижу: майор листает протоколы и смотрит только на даты. Такой-то месяц — было собрание, такой-то — было. И проверяет, что голосовали на собрании все единогласно: или только «за», или только «против» в зависимости от того, какой был вопрос.

Нашу трёхэтажную казарму только построили, запах стройки ещё даже не выветрился. Но строил-то стройбат, да ещё и из панелей! Поэтому температура была примерно одинаковая — что на улице, что внутри. Олег Владимирович говорит майору: «Всё нормально с протоколам?». И тут из-за обшивки стены раздаётся топот, гул и вой продолжительный, как будто табун какой-то бежит! Майор смотрит на нас с негодованием, про протоколы за-

был: «Это что такое?!.». Полк у нас был лучшим полком округа, инициатором соцсоревнования в округе. Краснознамённый ордена Суворова, ордена Богдана Хмельницкого Факшано-Гданьский танковый полк. Все проверяющие, которые к нам приезжали, выворачивали нас наизнанку, чтобы подготовить к итоговой проверке. И в таком элитном полку вдруг какой-то непонятный топот!

Я-то знал, что это такое. И Олег Владимирович тоже знал. Дело было в том, что в городке холодно было всем, в том числе и крысам. А было их очень много. Казарма через коммуникации соединялась со столовой. Вот крысы табунами и ходили вдоль коммуникаций туда-сюда.

Олег Владимирович был человеком с юмором. Не моргнув глазом, говорит майору: «Так у нас же всё по команде делается! Время-то, смотрите, — обеденное! Не только солдаты строем с песней в столовую ходят. Это крысы в столовую пошли!». Майор: «Как крысы, какие крысы?!.». Савельев: «Не бойтесь, они у нас дрессированные. На улицу не выбегают, лишние провода не перегрызают. Живут у теплотрассы, им там тепло». Майор не поверил: «Это шутка, что ли?». Савельев: «Нет! Мало того, что крысы у нас строем ходят. Они ещё в саму столовую не заходят, только на задках едят. Пойдёмте, проверим!». Но проверять майор не пошёл...

В те времена отношения к партийно-политическим делам было самое серьёзное. Два раза в неделю, во вторник и пятницу, где бы я ни был (на полигоне, на танкодроме, на танковой директрисе), я должен был провести политзанятия. Во всех других делах можно было срыв допустить — в строевой подготовке, в инженерной. Но политзанятия, стрельба и вождение — тут всё должно было быть чётко. Но к каждому занятию надо было писать план и конспект! Требовали, чтобы все конспекты были в одной толстой тетрадке, чтобы можно было её пролистать и проверить. А откуда этот конспект взять? Практически единственным источником был журнал «Коммунист Вооружённых сил». В нём была рубрика «В помощь проводящему учебные занятия». Там к каждому занятию указана тема, приведены учебные вопросы. Мы просто передирали оттуда всё один к одному. Чаще сами переписывали. Но иногда, когда времени совсем не было, бойцу с хорошим почерком говоришь: «Напиши отсюда до сюда, я проверю!».

Однажды за день перед политзанятием прихожу в общежитие поздно вечером — нет журнала! Стал искать — ни у себя не нашёл, ни у друзей. Оставался один выход — идти к Олегу Владимировичу. Стучу — парень в курсантской форме открывает дверь. Это его сын приехал в гости, он учился к военном училище. Тут же вы-

ходит сам Олег Владимирович: «Наконец-то ты к нам пришёл. Вот учу сына, как надо правильно служить. Тебя в пример привожу!». Говорю: «Товарищ майор, завтра политзанятия. А у меня «Коммуниста Вооружённых сил» нет!». А он говорит: «Политзанятия — это, конечно, хорошо. А ты забыл, что ли, что Пасха наступила?». Я: «Как Пасха?». Он: «Как обычно, каждый год она наступает! Не знал, что ли?». Я смешался, не знаю, что ответить.

Говорит: «Проходи». Захожу в комнату — там стол накрыт. Пасха, куличи, яйца крашеные... Сели за стол, я как-то с опаской вокруг поглядываю. Ведь весь наш гарнизон — девять двухэтажных домов, которые стоят на пятачке двести на сто пятьдесят метров. Все у всех на виду, все друг про друга всё знают. Он: «Ты что, Пасху никогда не встречал?». — «Встречал, но очень давно. С бабушкой, с дедушкой». — «Ну и представь себе, что ты сейчас с ними!». Съели по яйцу, пасху попробовал, куличи, выпили. А когда я уже собрался уходить, спрашиваю: «А как же «Коммунист Вооружённых сил», журнал?». Он: «Ты меня сегодня не мучай. Да и ты писать сегодня уже ничего не будешь. Завтра я вместо тебя сам занятия проведу». Я: «Спасибо, товарищ майор!».

Потом Олега Владимировича выбрали секретарём парткома нашего полка. Как-то отправили его на партийную конфе-

ренцию в Москву. Замполит всем: «Сидеть у телевизоров, сейчас Савельев будет выступать!». И точно, слышим: «Слово предоставляется подполковнику Савельеву, секретарю парткома войсковой части такой-то». Вот такой у нас был замполит...

В Заполярье я прослужил пять лет. А потом была служба в Белоруссии. Там я получил хорошую практику армейской жизни и, главное, боевой подготовки. В танковых войсках я службу окончил в должности командира танкового батальона. В 1988 году поступал в Академию бронетанковых войск. Планы у меня были самые радужные. Закончил Академию в 1991 году. И тут произошёл ГКЧП, стал разваливаться Союз. Всё изменилось...

После Академии я оказался в Средней Азии, в Ташкенте. И почти сразу после ГКЧП мы почувствовали изменение отношения местных к себе, оно ухудшилось буквально в течение нескольких дней. Стало ясно, что к прежней дружбе народов по-советски возврата нет... Нужно было искать новую опору и черпать силу уже из другого источника.

В Ташкенте я встретил свою дальнюю родственницу — Марию Михайловну. Муж у неё был военный врач, она с ним осталась здесь после землетрясения 1966 года. Тётя восемнадцатилетней девчонкой в Великую Отечественную войну служила санинструктором в десантном батальоне, имеет пять боевых наград. Именно она

мне рассказала, что в Ташкенте есть действующий храм Святителя Николая Чудотворца. Вместе с ней мы в этот храм несколько раз ходили.

Командование узбекских Вооружённых сил уговаривало нас остаться, обещали жильё в течение полугода. Но надо было возвращаться. Всё вокруг рушилось, и было понятно, что в таких условиях лучше быть на Родине. Прослужил я в Ташкенте всего восемь месяцев.

После Узбекистана я оказался на Урале, в Пермском командно-тыловом училище Внутренних войск. Сейчас это Военный институт Внутренних войск. Уже потом перевёлся в Военную академию тыла и транспорта в Санкт-Петербург. Никогда не думал, не гадал, что стану преподавателем. А уж тем более, что буду диссертацию защищать!

Но собирать материалы для диссертации мне пришлось в боевой обстановке. В октябре 1995 года меня назначили заместителем начальника штаба вооружения Группировки Внутренних войск в Чечне. Примерно за неделю до моего назначения в Грозном был подорван Главком Внутренних войск генерал Анатолий Романов. Командование принял генерал Анатолий Афанасьевич Шкирко.

В Группировке было около двух с половиной тысяч единиц техники: половина — автомобили, половина — бронетехника. Поэтому днём я выполнял свои слу-

жебные обязанности, а материал для диссертации собирал ночью. Очень часто по служебным делам мне приходилось выезжать на позиции. Каждый выезд я в своём календаре отмечал. Один кружок — со сложностями, два кружка — с большими сложностями. Подчёркнутый — с очень большими сложностями. Подчёркнутых выездов в моём календаре было три...

Однажды мы полетели в Червлёную. Обстановка там была достаточно спокойная. Командующий, генерал Шкирко, направил нашу группу для встречи с местными казаками. Они требовали, чтобы Группировка выдала им оружие, боеприпасы, средства связи. Говорили: «Мы тут сами будем всё охранять!». Но молодёжи у казаков в Чечне было очень мало, в основном старики. Поэтому нам поставили задачу казаков успокоить: сказать, что оружие мы им не дадим, но можем усилить этот район блок-постами и заставами.

Осень, туман... Подлетаем к Червлёной, садимся. Смотрю в иллюминатор — один солдат стоит, другой метрах в пятидесяти от него. Руками отчаянно машут, видно, что кричат что-то. Но за шумом винтов, конечно, ничего не слышно. Потом они ракету запустили. Мы ничего не понимаем...

Вертолёт сел на обочину дороги, высадил нас и ушёл на Моздок. Тут подбегает солдат и охрипшим голосом кричит: «Стойте!.. Не двигайтесь!». Нас было человек пятнадцать. С нами генерал — заме-

ститель командующего по работе с личным составом. А тут солдат нами командует! Солдат снова: «Ни шагу в сторону, идите за мной след в след!».

Оказалось, что сели мы точнёхонько на минное поле… У наших палатки метрах в пятидесяти от дороги стоят. В последнюю неделю боевики часто подъезжали на машинах легковых, обстреливали палатки и гранаты бросали. Охранение, конечно, было. Но стреляли и бросали гранаты почти на ходу. Короткая остановка, отстрелялись, бросили гранаты — и умчались дальше по дороге! Вот командир и поставил на этих пятидесяти метрах до дороги растяжки, чтобы на бросок гранаты никто не мог подойти.

Дошли до палаток благополучно. Командир доложил и задал законный вопрос: «А почему я не знаю, про то что вы ко мне летите?». Оказалось, что командира о нашем прилёте не предупредили. А лётчики поменялись, и новые из них уже не знали про растяжки, которые командир по собственной инициативе поставил…

Круг казачий состоялся. Мы выделили казакам продукты питания, устроили день братания. Казаки ещё дня три водки попили, и на этом всё успокоилось.

Как-то произошло ЧП — у нас подбили танк. Я полетел разбираться. Высадились с вертолёта в Асиновской, потом до Бамута пробиралась на БТРах. С подбитым танком разобрались, я стал объезжать другие позиции. Что удивительно: очень часто

встречались сержанты, которые командовали танковыми взводами. А взвод — это три танка! Причём это были сержанты-срочники, двадцатилетние мальчишки. Подбегает ко мне такой сержант в трусах, майке, сапогах и в шлемофоне (а это была глубокая осень!) и докладывает по полной форме. А со мной начальник разведки Группировки, старший офицер бронетанковой службы... Я сержанту: «А чего ты в такой форме? Вы что, постирались?». — «Извините, товарищ подполковник. Но мы форму уже на дембель подготовили». Со мной был офицер службы тыла. Он: «Так мы же выдали вам новую форму!». — «Её мы и подшили». Ведь тогда на дембель солдаты уезжали в том, в чём воевали... Вот они и берегли форму, чтобы уехать нормально. Но боевая техника и карточки огня у этих танкистов в трусах и майках были в полном порядке...

21 ноября в день Архистратига Михаила мы оказались в 1-й тактической группе. Линия обороны этой группы проходила через Бамут, Шалажи, Рошни-Чу, Комсомольское. Сплошные окопы, техника, люди... Переночевали в Асиновской. С нами был начальник разведки Группировки и начопер Группировки, подполковник Илья Ильич Королёв. Нам надо было попасть в район Шалажи и Орехово, там течёт река Нетхой. Утром было пасмурно, стоял туман. Поехали на БТРе. С нами — четверо спецназовцев, у них пулемёт.

Только мы отъехали от Орехово (это стык между батальонами) — с правой стороны по нам стали стрелять метров с двухсот! Сначала с шипением специфическим в нашу сторону летит граната от РПГ — мимо! Потом пулемёт заработал, автомат, даже трассы видно.

Начальник разведки, начопер — быстро в люк БТРа! Спецназовцы сначала вроде попытались ответить, а потом смотрю — тоже внутрь забираются. Пули по броне щёлкают...

Я сидел на броне сразу за механиком. Он ехал по-походному, высунувшись наполовину из люка. Я ему кричу: «Только не останавливайся! Видишь русло впереди — давай туда!». Механик-водитель молодец! Не растерялся, не остановился. Сделал все, как надо.

Справа меня до половины башня прикрывает. Но всё равно, как за неё ни прячься, половина туловища торчит! На левой руке у меня ремень от автомата намотан, так автомат удобней носить, чем на плече держать. И я на поручне БТРа повис на одной правой руке! Тем самым меня машина полностью от пуль прикрыла. А я так и провисел на одной руке, пока мы не влетели в русло реки, там пули нас уже не доставали.

Конечно, меня спасло то, что я всю свою жизнь дружу со спортом. И сейчас стараюсь ежедневно подтягиваться по семьдесят раз. Если бы правая рука

была слабой, я бы точно оказался на земле.

Остановились. Водитель вышел, закурил, мне предлагает. А я так за всю службу курить и не научился. Тут видим — прямо на нас без охранения едут две наших тыловые машины с продуктами и обмундированием! Мы их вовремя остановили. Тут как раз соседние батальоны открыли огонь, «духи» стрелять перестали. Я так понял, что на эти две машины была засада. Ведь если бы бандиты знали, кто именно едет на БТРе, то засада была бы совсем другая...

Но один выезд у меня в блокноте был подчёркнут особо. Как-то в районе Асиновской летим в вертолёте. Стали подниматься вверх в предгорья. Смотрю в иллюминатор — а там лик Николая Чудотворца! Я точно знаю, что это было не видение какое-то, это был он сам. И тут меня какая-то сила разворачивает боком к иллюминатору...

Приземлились. Вижу: вертолётчики по салону ходят и рядом со мной на бортах вертолёта белым мелком что-то отмечают. Оказывается, вертолёт обстреляли. Скорее всего из пулемёта. Пули обшивку пробили, дырки от них остались. Но ни меня, ни других не зацепило. Вот так меня, Николая, мой небесный покровитель, Святитель Николай Чудотворец, спас...

ЯВЛЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Весной 2012 года я первый раз услышал о удивительном событии: в ночь с 10 на 11 мая 1986 года в Кабуле, в расположении 103-й дивизии ВДВ, произошло явление Пресвятой Богородицы. Поверить мне в это было очень трудно. Посудите сами: мне рассказали, что простому советскому солдату-десантнику прямо перед боем явилась сама Пресвятая Богородица и благословила его! А через несколько часов в страшном бою старшина Виктор Чередниченко не просто выжил – он спас своих товарищей и стал единственным солдатом 103-й дивизии ВДВ, удостоенным высшей боевой награды Советского Союза – ордена Боевого Красного Знамени.

Несколько месяцев я не мог записать рассказ Виктора Чередниченко о том, что именно тогда произошло в палатке в три часа ночи. Обстоятельства складывались так, что никакие мои усилия не приводили к результату. Но, когда ко мне уже стало подкрадываться уныние, всё устроилось как бы само собой. И произошло это в день праздника Успения Пресвятой Богородицы 28 августа 2012 года. Запись рассказа Виктора Чередниченко сделал насельник Свято-Пантелеймонова монастыря Святой Горы Афон по благословению духовника монастыря иеромонаха Макария.

Я лишь представляю свидетельство Виктора об этом событии.

Рассказывает старшина Виктор Михайлович Чередниченко:

— В Афганистан служить я попал в 1984 году. Перед этим прошёл курсы парашютистов, потом три с половиной месяца служил в Фергане в 7-й разведроте учебного полка ВДВ. Из Ферганы нас, восьмерых разведчиков, срочно послали осваивать новые бронированные машины — танки Т-62Д (модификация танка Т-62, оснащённая комплексом активной защиты «Дрозд». Принят на вооружение в 1983 году. — Ред.). А потом отправили в Кабул в 103-ю дивизию ВДВ, в отдельный танковый батальон.

В Афганистане я постоянно ощущал помощь Божью. Но было это не по моим каким-то заслугам, а по молитвам моей мамы. Когда я был маленький, мама, когда заходила в комнату, всегда крестила нас с сестрой. А сестра у меня была в школе комсоргом. Она возмущалась: «Мама, что ты делаешь?!.». Помню: мама меня перекрестит, и мне на душе спокойней. Перед тем, как мне уходить в Афганистан, мама дала мне написанную на бумажке молитву. Я её храню до сих пор. А вот крестиков в Афганистане из-за замполитов мы не носили.

Прежде всего я вспоминаю два случая, когда я точно должен был погибнуть. Однажды мы пошли на Вардаг. Меня послали проверить кишлак. Со мной был Петр Кораблёв. Я подошёл к дверям, толкнул — за-

крыты. Как и положено бодрому и физически здоровому десантнику, я пнул в дверь ногой. Со второго удара дверь вывалилась. И тут слышу непонятный щелчок! Оказалось, что «духи» поставили растяжку. Петя тоже услышал этот щелчок, хотя стоял метрах в четырёх от двери. Он прыгнул, сбил меня с ног и накрыл собой. Взрыв!.. Потом выяснилось, что маме в этот день снилось, что я пришёл домой и постучался в окно. Она проснулась, открывает окно. А там стою я: без ног, но живой. Причём видела она меня как будто наяву...

9 мая 1986 года к нам в дивизию приехал Иосиф Кобзон. После выступления я вышел на сцену, подарил ему панаму, пожал руку. Он в микрофон говорит: «В Союзе, если придёте на мой концерт, скажите пароль «Кабул». Вас пропустят бесплатно». И действительно, через пятнадцать лет я пришёл на его концерт, сказал пароль — и меня пропустили. Он оказался человеком, который слов на ветер не бросает.

После концерта мы пришли в палатку, легли. Гитара, песни... Мы отслужили уже два года, уже дембеля. Но уехать я пока не мог — ждал партбилета, который, исходя из опыта других вступавших в партию в Афганистане, должен был прийти только в августе.

Тут в палатку заходит капитан Яренко, начальник политотдела полка. Говорит: «Виктор, тут такая ситуация... Идём

на войну, нужны два дембеля». Отвечаю: «Товарищ капитан! Павел Грачёв, командир дивизии, сказал: дембелей не брать!». Не могу объяснить почему, но очень часто гибли именно дембеля. (Мой земляк, Саша Корниенко, 10 апреля 1986 год написал маме письмо, что 18 апреля он должен быть дома. Тут — срочная война. Он пошёл и погиб. Осколок попал прямо в сердце. Пришёл гроб, его похоронили. А потом уже пришло его письмо...)

Капитан без слов развернулся и собрался уходить. Но тот, кто воевал в Афганистане, знает, что у каждого там был определённый авторитет. И если кто-то, прикрываясь болезнью или ещё чем-то, увиливает от войны, то его не уважают. Поэтому вдогонку спрашиваю капитана: «Где будет операция?». Он развернулся и говорит: «Там, где твой земляк погиб, Корниенко. На Чирикаре». И я понял, что смалодушничать, отказаться — это значит предать память своего друга. Говорю капитану: «Я пойду». Он: «Надо ещё одного». Оглянулся — все ребята в палатке молчат... И тут Саша Саникович из Белоруссии говорит: «Я с тобой пойду».

Ночью, с десятого на одиннадцатое мая 1986 года, мне снится сон: я бегу и вижу маму. Она едет на «Волге» с моей сестрой. Я пытаюсь их догнать и кричу: «Мама, мама!..». А они едут дальше, не слышат меня. Тут я спотыкаюсь, падаю и разбиваю себе всё лицо. Вся челюсть с

зубами падает мне в руки. Кровь льётся... Я проснулся, посмотрел на часы — три часа ночи. Пришла чёткая мысль: «Всё, это будет моя последняя война. Я там останусь...». И тут же подумал: «Эх, как бы хотелось маму увидеть...».

Вдруг зашаталась, зашевелилась палатка. У меня аж мурашки по коже побежали. И тут в палатку входит женщина в тёмно-фиолетовом монашеском одеянии. Невероятно красивая, не могу даже описать, насколько красивая. Это была какая-то особая, внутренняя красота. В ней нежность, любовь... Женщина не сказала ни слова. Подошла к моей постели, перекрестила меня один раз. Я смотрю ей в глаза, она тоже смотрит мне в глаза. Второй раз меня перекрестила. А справа от меня спал Костя Шевчук. Я его бужу, говорю: «Костя, Богородица, Божья Матерь пришла!». Он глаза открыл, посмотрел, никого не увидел. И говорит: «Витя, тебе же на войну скоро. Ложись, спи...». Женщина постояла немного, перекрестила меня в третий раз. И тихонько, как бы плывя, вышла из палатки.

У меня на душе облегчение. Я понял, что я буду жить. А через тридцать минут зашёл посыльный и говорит: «Виктор, вставайте! Идём на операцию». И мы пошли на Чирикар...

В колонне было сорок единиц техники. Впереди шёл БТС (бронированный тягач. — Ред.), за ним шла разведка. По-

том — командир роты Чернышёв. Следом за Чернышёвым — я. С нами ещё тогда был Бочаров, заместитель командира дивизии.

Заехали в сам Чирикар. И вдруг у меня сжалось и ёкнуло сердце. Обычно особое дембельское чувство меня не подводило. Я понял: сейчас что-то будет. И тут происходит подрыв первой машины! Почти сразу вслед за этим подорвали и последнюю машину. Получилось, что всю нашу колонну плотно зажали в кишлаке.

У нас два «двухсотых», два «трёхсотых» (убитые и раненые. — Ред.). По рации вызвали вертолёт. «Вертушка» начинает садиться прямо в посёлке. И в этот момент у меня опять ёкнуло сердце! Я, хоть и был командиром танка, пересел на место заряжающего, к ДШК (крупнокалиберный пулемёт. — Ред.). Наводчику говорю: «Наведи пушку на то место, куда садится вертолёт». Там рядом был дувал. Наводчик пушку на него навёл.

Вертолёт забрал убитых и раненых и стал подниматься вверх. И тут из-за дувала высовывается треножник с ДШК и начинает целиться прямо в лобовое стекло вертолёта! Я практически мгновенно, не запрашивая у командира подтверждения, командую: «Огонь!». От дувала и ДШК ничего не осталось, снаряд разнёс всё в клочья. Тут вижу, что справа, напротив танка Чернышёва, выбегает «душара» с гранатомётом и целится прямо в нас! Всё решили какие-то доли секунды — мы смо-

трели с ним друг другу глаза в глаза. Он нажать на спуск не успел, я снял его из ДШК. И тут начался такой невероятный обстрел со всех сторон! Непонятно, где свои, где чужие... Кричу по связи, чтобы сдвинули подорвавшуюся машину. Машину сумели сдвинуть, мы вышли на открытое место. Но тут снова обстрел!

В этом бою мы расстреляли весь боекомплект. Не осталось ни одного снаряда в танках, ни одного патрона в автоматах...

Утром вернулись в часть. Ко мне подошёл заместитель командира дивизии Бочаров. Говорит: «Сынок, я всё видел. Фамилия?». — «Старшина Чередниченко, 3-я рота». Он похлопал меня по плечу и ушёл.

На следующий день начальник политотдела полка Яренко мне говорит: «Виктор, вас с Саниковичем срочно вызывают в политотдел дивизии!». Мы с Сашей пошли в политотдел. Там нам выдали партбилеты и сразу отправили в Союз. 13 мая 1986 года я был уже дома и наконец-то увидел свою маму...

Мы с ней пошли во Владимирский собор. Старенький священник, отец Николай, внимательно посмотрел на меня и говорит: «Сынок, запомни! Твоя мама тут два года практически каждый день на коленях просила, чтобы ты остался живым...». Именно тогда я понял, что молитва матери может вымолить со дна ада.

Мне очень хотелось найти тот образ

Божьей Матери, который я видел в палатке. Мы с мамой объехали все храмы, да и вообще всё, что только можно было объехать. В одном месте мне показали икону, где собраны много образов Божьей Матери. Но ту, которую я видел, я так тогда и не нашёл...

В 1992 году отец Роман, мой духовный отец, благословил меня поехать на Афон. Я встретил там чудных людей, просто ангелов во плоти! Как-то стою храме. Темно, свечи вокруг горят... Поворачиваю голову и... вижу Божью Матерь в том образе, как я её видел в палатке! Я упал на колени, у меня покатились слёзы. Это были первые слёзы в моей жизни. Я был очень жёстким, никогда такого со мной не было. И тут образовалась в моём жестокосердии первая трещина. Как скорлупа от ореха от моего сердца стало это жесткосердие отваливаться. И внутрь прошёл свет...

Я подошёл к иконе, обнял её и говорю: «Мама!..». Мне так не хотелось её отпускать!.. Это было похоже на то, как будто ребёнок потерял свою мать и вновь нашёл её. И тогда отец Макарий из Пантелеймонова монастыря Афона завёл меня в свою келью и благословил этой иконой. Я взял её в руки и долго-долго не выпускал...

Я могу рассказать про Афганистан очень многое. За полтора года службы я только подрывался пять раз: и на фугасах, и на противотанковых минах. Пережить подрыв очень трудно. Гудит голова,

звенит в ушах, не можешь ничего сказать, тошнит. Но ты живой… И понимаешь, что это чья-то рука тебя спасает, чья-то сила помогает тебе выжить. Именно поэтому я свидетельствую о силе материнских молитв и о помощи Божьей по этим молитвам. Благодаря этой помощи я выжил сам и выжили многие ребята. Я никогда не отойду от православной веры. Призываю веровать, ибо Бог есть всё!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Воззовёт ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

Пс. 90

Работая над этой книгой, я часто удивлялся, насколько сложными и противоречивыми были военные судьбы героев книги. И я постоянно возвращался к одной и той же мысли: ну почему же Бог всё-таки помогал нашим солдатам и офицерам? Ведь все они в молодости были людьми хотя и крещёными, но мало верующими. В церковь никто из них регулярно не ходил. Плюс к этому в советское время государственного атеизма почти все они были и пионерами, и комсомольцами, и коммунистами. Но коммунисты православных верующих людей не просто гнали — они их убивали. А на войне вот этих комсомольцев и коммунистов Бог всё равно спасал из безнадёжных ситуаций. Почему?

Единственное объяснение — они, несмотря ни на что, оставались для Бога своими! Блудными, неразумными, но Своими детьми. Как своим для отца оставался блудный сын из евангельской притчи. Младший сын по-

требовал у отца причитающуюся ему часть имения и промотал её, живя в далёкой стороне блудно. Казалось бы, отец мог обидеться на этого неразумного сына до такой степени, что не пожелал бы видеть его больше никогда. Но нет! Когда сын оказался на самом дне и осознал всю глубину своего падения, он решил вернуться к отцу. А отец вместо упреков и обид вышел сыну навстречу и радостно обнял его!

И есть ещё одно объяснение, почему даже во время самых лютых гонений советской власти на Церковь Господь не отвернулся от нас окончательно. Несмотря ни на что, в нашей стране оставались люди, которые не поддались атеистическому гнёту и сохранили православную веру. Давайте низко поклонимся нашим бабушкам! Они, часто вопреки воле своих неверующих детей, тайно несли внуков в церковь и крестили их. Не имея возможности молиться за нас открыто, они молились тайно. Я часто вспоминаю свою бабушку Дашу, которая перед сном сидела на кровати и, как нам казалось, ничего не делала. И только сейчас я понимаю, что так наши верующие бабушки молились за

нас, своих заблудших родственников. И ещё за нас молятся наши православные предки, имена которых мы почти забыли. Но ведь наши покойные родственники не умерли — душа их жива! Они переживают за нас, молятся за нас и желают, чтобы мы обратились к Отцу, как обратился к своему отцу блудный сын. И именно по молитвам родных — живых и покойных — происходили те чудесные избавления от смертельной опасности, свидетелями которых стали читатели книги.

Сегодня почти все герои этой книги живут церковной жизнью, исповедуются и причащаются. Конечно, путь к вере у каждого был свой. Но объединяет их одно: безнадёжная военная ситуации заставила их окончательно поверить, что Бог есть, и взмолиться Ему из глубины души... И я верю, что в такие минуты Бог слышит наши неумелые молитвы, молитвы наших родных, и выходит нам навстречу, радуясь нашему возвращению в Отчий дом.

Сергей Галицкий

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО

СТАЛИНА
ХОРЕНОВНА
АСРИЯН

Фотографии П. Герасимова

МР
ѲУ

Бог печётся о своих

В праздничном православном песнопении (тропаре) в честь всех святых, в Земле Российской просиявших, есть такие слова: «Русь Святая, храни веру православную! В ней же тебе утверждение».

Но что же такое Святая Русь? Святая Русь – это наша страна, наша многовековая Россия. Россия ведь не просто одно из государств, которых на земле около двухсот. Это Богом избранная страна – земля, данная Богом нашему народу в удел. Про русскую землю святой праведный Иоанн Кронштадтский писал, что она – подножие престола Божия.

До Крещения Руси опорой христианской цивилизации была православная Византийская империя. Тысячу лет она занимала гигантскую территорию, раскинувшись на трёх континентах – в Европе, Азии и Африке. Но в XV веке под ударами Османской империи Византия пала. И именно тогда Россия была избрана Богом для несения особого послушания – хранить веру православную.

В то время наша страна представляла собой небольшое по территории Московское государство. И это государство за относительно короткий в историческом смысле период времени приросло таким количеством земли, что заняло шестую часть суши. И какой земли! На территории нашей страны есть абсолютно всё, что нужно её народам для жизни: бескрайние плодородные поля, чистые реки, озёра. В России есть все полезные ископаемые: газ, нефть, металлы. Сейчас мы именно за счёт этих богатств и живём. Но принадлежат-то эти богатства единственному истинному хозяину – Богу! И именно Богом они были даны нашему народу. За что же нам такая щедрость? А всё это дано нам Богом для того, чтобы мы имели возможность нести своё послушание. То есть мы должны нести свой крест.

В чём смысл этого креста? На протяжении всей человеческой истории силы зла непрестанно воюют с Церковью Христовой, пытаются установить на земле свои беззаконные порядки. Они стремятся уничтожить христианскую цивили-

зацию, чтобы взамен построить свою, антихристианскую. И тут уместно вспомнить слова апостола Павла о том, что тайна беззакония «...не совершится до тех пор, пока не будет взят удерживающий...».

В течение тысячи лет (с IV века до XV века) таким «удерживающим» была православная Византийская империя. А после её падения это послушание «удерживающего» дано Богом православным народам, живущим на территории нашего Отечества.

Враги прекрасно понимают, что без уничтожения этого «удерживающего», то есть России, невозможно уничтожить и всю остальную христианскую цивилизацию. Поэтому в нашей истории мы видим бесчисленные попытки одолеть Россию и извне, и изнутри. Смутное время 1612 года, нашествие Наполеона в 1812 году, восстание декабристов в 1825 году, революция и иностранная интервенция 1917 года, фашистское нашествие в 1941 году...

Эти поистине трагические события объединяет одно: все они заканчивались нашей полной победой. Вспомним, что в годы безбожной советской власти народы нашей страны всё же сумели одолеть практически всю Европу во главе с Гитлером. Почему же Бог даровал нам эту победу? Ведь советское государство было для Бога чужое. Коммунисты православных верующих не просто гнали. Они верующих убивали. Но народ наш даже в тяжёлое советское время всё равно не потерял искру веры в Бога. Русь Святая жила в сердцах простых людей, и они оставались для Бога своими.

А кто для Бога свой? Своим для Бога является тот человек, кто признаёт Бога своим Отцом, Пресвятую Богородицу – своей Матерью, а святых – старшими братьями. И если люди считают себе членами этой семьи, то Бог постоянно печётся о них, как отец заботится о своих детях.

Протоиерей Димитрий Василенков,
настоятель храма
в честь Августовской иконы Божией Матери
в Буграх

Почитаемая в Русской Православной Церкви икона написана в память явления русским солдатам Пресвятой Богородицы в 1914 году. Явление было в районе города Августова Сувалкской губернии Российской Империи (сейчас это территория Восточной Польши).

17 апреля 2008 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил внести в официальный месяцеслов празднование в честь Августовской иконы Божией Матери. Установлено совершать празднование 1 (14) сентября.

В посёлке Бугры Ленинградской области строится храм во имя Августовской иконы Пресвятой Богородицы с центром духовно-патриотического воспитания военнослужащих, казаков и допризывной молодёжи.

Всех, кто неравнодушен к будущему нашего Отечества, призываем принять активное участие в созидании храма и Центра, а также в практической работе с молодёжью.

Храм в честь Августовской иконы Божией Матери
Адрес: 188660, Ленинградская обл., Всеволожский р-н,
пос. Бугры, ул. Шоссейная 2Б
Телефон: (812) 294-95-30
Настоятель: протоиерей Димитрий Василенков

и Кир

АРКА

Ы
И

Ж»
он)

вная

ssia

2000

Афганскую военную кампанию тогда ещё советская страна вроде бы не проиграла, но и не выиграла.

Одно бесспорно – наши солдаты и офицеры вошли в Афганистан, доблестно сражались и вышли, выполняя приказ.

О смысле чеченской военной кампании многие не знали, некоторые его не понимали, другие не хотели ни знать, ни понимать.

Но эта война была. И мы в ней победили! Победили потому, что с нами был Бог.

9 785904 376048

серия
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ОТЕЧЕСТВО

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...
СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ